

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ:

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

3 (II) / 2024

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
SURGUT STATE UNIVERSITY

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1"

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

№ 3 (11) 2024

НЕФТЕЮГАНСК – СУРГУТ

SURGUT STATE UNIVERSITY

LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1"

ANO "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

NORTHERN ANTIQUITIES:
ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY,
HISTORY

№ 3 (11) 2024

NEFTEYUGANSK – SURGUT

Учредители:

БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
АНО «Институт археологии Севера»

Издатель:

АНО «Институт археологии Севера»
628306 Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77-83139 от 12 мая 2022 г.

Издается с мая 2022 года.

Выпускается 4 раза в год.

Главный редактор:

А. В. Курбатов, д-р ист. наук

Редакционная коллегия:

С. М. Косенок, д-р пед. наук, профессор

Р. В. Оствальд, канд. хим. наук

О. В. Кардаш, канд. ист. наук

Г. П. Визгалов, канд. ист. наук

Н. М. Чаиркина, д-р ист. наук

И. В. Побережников, д-р ист. наук

В. С. Мыглан, д-р ист. наук

Выпускающий редактор:

Е. А. Гирченко

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Журнал выходит в свет в рамках реализации проекта № 2023-227-18 «Югорская археология и этнография: сохранение и изучение культурного наследия в условиях нефтегазового освоения Севера» (Департамент образования и науки ХМАО-Югры) по госзаданию СурГУ на 2024–2026 гг.

Адрес редакции:

628306, РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

E-mail: archeonord.journal@yandex.ru

www.nordarcho.ru

12+

© БУ ВО «Сургутский государственный университет», 2024

© ООО «НПО «Северная археология – 1», 2024

© АНО «Институт археологии Севера», 2024

© Оформление.

АНО «Институт археологии Севера», 2024

ISSN 2949-3609

Founders:

Surgut State University
LLC “Scientific Production Association “Northern Archaeology – 1”
ANO “Institute of Archaeology of the North”

Publisher:

ANO “Institute of Archaeology of the North”
628306, Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nefteyugansk,
Pionernaya Industrial Zone, Naberezhnaya street, 16, office 202

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, information technology and mass communications
Certificate PI No. FS77-83139 dated May 12, 2022

Published since May 2022.

Issued 4 times a year.

Chief Editor:

A.V. Kurbatov, Doctor of Historical Sciences

Editorial team:

S. M. Kosenok, Doctor of Pedagogical Sciences, professor
R. V. Ostvald, Candidate of Chemical Sciences
O. V. Kardash, Candidate of Historical Sciences
G. P. Vizgalov, Candidate of Historical Sciences
N. M. Chairkina, Doctor of Historical Sciences
I. V. Poberezhnikov, Doctor of Historical Sciences
V. S. Myglan, Doctor of Historical Sciences

Commissioning Editor:

Ekaterina A. Girchenko

Full texts of articles are placed in the database of the Scientific Electronic Library on the website elibrary.ru and are included in the Russian Science Citation Index (RSCI). The journal is published within the framework of the project № 2023-227-18 «Yugra archeology and ethnography: preservation and study of cultural heritage in the conditions of oil and gas development of the North» (Department of Education and Science of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra) under the state order of Surgut State University for 2024–2026.

Editorial office address:

628306, Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra,
Nefteyugansk, Pionernaya Industrial Zone, Naberezhnaya street, 16, office 202
E-mail: archeonord.journal@yandex.ru
www.nordarcho.ru

12+

ISSN 2949-3609

© Surgut State University, 2024
© LLC “NPO “Northern Archaeology – 1”, 2024
© ANO “Institute of Archaeology of the North”, 2024
© Registration.
ANO “Institute of Archaeology of the North”, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	8
 АРХЕОЛОГИЯ	
Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Алексеева Е. А. Развитие архитектуры и планировочной структуры оборонительно-жилых комплексов середины I тыс. до н. э. – середины II тыс. н. э. в урочище Соровские озера на Севере Западной Сибири	10
Визгалов Г. П., Петрова Е. Н. Мыхкот близ разрушенного стойбища Василькова	52
 ЭТНОГРАФИЯ	
Фролова Е. Л., Балкина Е. А. Культы богов-пришельцев марэбито в Японии	72
 ИСТОРИЯ	
Ермакова К. К., Визгалов Г. П. Описание Ляпинского острога Берёзовского уезда: по материалам отчета А. Ф. Палашенкова 1939 г. «Историко-географическое описание Ляпинской крепости (1499–1501)»	90
Гирченко Е. А., Визгалов Г. П. Пушнина как главный предмет торговли западносибирских уездов Российской Империи и цинского Китая в XVII–XVIII вв.	138
Список сокращений	146

CONTENTS

Foreword	8
----------------	---

ARCHAEOLOGY

O. V. Kardash, I. V. Slesarenko, E. A. Alekseeva

Development of the architecture and planning structure of defensive and residential complexes of the middle of the 1st millennium BCE – middle of the 2nd millennium CE in the Sorovskiye lakes tract in the north of Western Siberia 10

G. P. Vizgalov, E. N. Petrova

Mykhkot near the destroyed halting of Vasilkov..... 52

ETHNOGRAPHY

E. L. Frolova, E. A. Balkina

Marebito alien gods rituals in Japan 72

ИСТОРИЯ

K. K. Ermakova, G. P. Vizgalov

Description of the Lyapin Fortress of the Berezov uezd: based on the Report of A.F. Palashenkov, 1939, “Historical and Geographical Description of the Lyapin Fortress (1499–1501)” 90

Girchenko E. A., Vizgalov G. P.

Furs as the main item of trade in the west siberian uezds of the Russian Empire and Qing China in the 17th–18th centuries 138

Abbreviation list	147
-------------------------	-----

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Данный номер журнала «Северные древности: археология, этнография, история» продолжает серию выпусков, посвященных традиционной архитектуре Севера Западной Сибири, и обращается к наиболее ранней из них – традиции создания оборонительно-жилых комплексов, представляющих группу построек, объединенных специально спланированной территорией, окруженной системой обороны, часто под единым кровельным перекрытием. Такие комплексы появляются уже в неолите, на рубеже VII–VI тыс. до н. э. – например, Каюково 2, на котором археологи зафиксировали остатки древо-земляного фортифицированного сооружения, где внутренние строения были соединены между собой коридорами, а вся постройка обнесена единой стеной. Однако с середины I тыс. до н. э. оборонительно-жилые комплексы особенно широко распространяются на территории таежной зоны Западной Сибири. Читателям предлагается взглянуть на эволюцию подобных сооружений во всем их многообразии вплоть до Средневековья – на примере крупного археологического объекта «Соровские озера», оценить их постепенное усложнение при сохранении преемственности архитектурных традиций.

Другая статья, также посвященная традиционной архитектуре народов Севера, воссоздает полностью разрушенный «земляной дом», характерный для северных ханты. Археологи и архитекторы провели скрупулезную работу по воссозданию мыхкота, «земляного дома», каркасной полуземлянки усеченно-пирамидального типа, распространенного зимнего жилища жителей Сургутского Приобья, на основе полевых обмеров и их сравнения с данными этнографии из письменных источников.

Читатель познакомится также с исследованием, посвященным одной из загадочных тем сибирского Севера – Ляпинского острога – образцу северной русской крепости Сибири. Авторы статьи приводят полный текст анализа данного объекта, выполненного А. Ф. Палашенковым, омским археологом и краеведом,

во время экспедиции 1939 г. На данный момент Ляпинская крепость полностью утрачена – в результате антропогенного воздействия в XX в., так что приведенные записи являются практически единственным документальным научным свидетельством о существовании полулегендарного Ляпинского острога.

Отдельный блок статей открывает восточное направление современных научных изысканий. Первая статья представляет анализ феномена богов-пришельцев четырех географических зон современной Японии, что никогда ранее не становилось предметом специального научного исследования на русском языке. Авторы не только описали собранные ими сведения об обрядности фестивалей богов-пришельцев, но получили возможность лично присутствовать при проведении обрядов, а также при их подготовке, что наиболее ценно, так как иностранные зрители крайне редко становятся свидетелями подготовки ритуала в закрытых сельских общинах. Своими наблюдениями и фотографиями авторы делятся с читателями нашего журнала.

И закрывает данный выпуск статья, посвященная переводам документов о торговых связях между императорским Китаем династии Цин и северными сибирскими городами. Как, оказывается, часто звучат в императорских докладах хорошо знакомые всем нам названия – Берёзов, Сургут, Новая Мангазея, Якутск и другие! Перевод и сравнение русских и китайских документов позволят уточнить объемы торговли конкретных категорий товаров, предпочтения жителей Пекина в разные периоды, объемы закупок императорского двора, а также цены на сибирскую пушнину, столь желанную при дворе маньчжурских императоров.

*Дорогие читатели, оставайтесь с нами и вы узнаете еще много нового об изучении и сохранении традиционной культуры народов Севера Евразии.
До новых встреч!*

АРХЕОЛОГИЯ ARCHAEOLOGY

Тынбег

УДК 904:576.89(571.121)

DOI 10.31630/2949-3609-2024-1-10-51

О. В. Кардаш^{1,2,3}, И. В. Слесаренко^{1,2}, Е. А. Алексеева²¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия² АНО «Институт археологии Севера», Нефтеюганск, Россия³ Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ И ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ОБОРОНИТЕЛЬНО-ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. ДО Н. Э. – СЕРЕДИНЫ II ТЫС. Н. Э. В УРОЧИЩЕ СОРОВСКИЕ ОЗЕРА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. В статье представлены результаты предварительных историко-архитектурных исследований городков в составе крупного археологического комплекса «Соровские озера», проведен сравнительный анализ композиции, состава и размеров оборонительно-жилых комплексов двух основных хронологических этапов – эпохи раннего железного века и эпохи Средневековья.

Annotation. The article presents the results of preliminary historical and architectural investigations of the towns within the large archaeological complex of “Sorovskie Lakes”. The authors conducted a comparative analysis of the composition, structure and size of the defensive and residential complexes of two main chronological stages – the Early Iron Age and the Middle Ages.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, ХМАО-Югра, р. Обь, р. Иртыш, урочище Соровские озера, комплекс археологических памятников, эпоха раннего железного века, эпоха Средневековья, оборонительно-жилой комплекс, архитектура, планировочная структура

Keywords: the North of Western Siberia, KhMAO-Yugra, the Ob river, the Irtysh river, Sorovskie Lakes tract, complex of archaeological sites, Early Iron Age, the Middle Ages, defensive and residential complex, architecture, planning structure

Введение. Археологический комплекс «Соровские озера» расположен на севере Азии на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югра (рис. 1), включающего в свои границы почти всю зону средней тайги Западной Сибири, в среднем течении Оби, от предгорий Урала до водораздела с рекой Енисей. На данной территории официально зарегистрировано более семи тысяч объектов культурного наследия [Сведения о количестве объектов...].

Цель настоящей работы – представить результаты предварительных историко-архитектурных исследований городков середины I тыс. до н. э. – середины II тыс. н. э. в составе крупного археологического комплекса «Соровские озера». Поставленная цель включает следующие задачи:

1. Предварительный архитектурный анализ композиции и параметров планировочной структуры оборонительно-жилых комплексов урочища Соровские озера по визуально выраженным в рельефе остаткам сооружений;

2. Проведение сравнительного анализа композиции, состава и размеров оборонительно-жилых комплексов двух основных хронологических этапов – эпохи раннего железного века и эпохи Средневековья.

Таежная зона Западной Сибири насыщена объектами археологии разных видов: хозяйственных, ритуальных, культовых и поселенческих. В их число входят руины укрепленных поселений, которые в российской

археологии традиционно называются «городищами». С учетом небольших размеров таких укрепленных поселений (максимум 100 × 100 м), характерных для рассматриваемой территории, и их функционального значения для их корректной классификации введен термин «оборонительно-жилой комплекс (ОЖК)». Это группа построек, объединенных специально спланированной территорией, окруженной системой обороны, часто под единым кровельным перекрытием [Кардаш, 2013а].

Поселения данного типа в таежной зоне Западной Сибири расположены неравномерно. Нередко на обширной территории находятся единичные укрепленные поселения, но в большинстве случаев на локальных участках местности фиксируются большие группы разновременных городищ (по 20–50 памятников) в составе комплексов археологических объектов разных видов (поселений, могильников, святилищ и др.). В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре насчитывается 10 крупных археологических комплексов (рис. 2) с разной численностью памятников широкого хронологического периода – начиная с эпохи неолита, заканчивая объектами этнической культуры аборигенных народов XX в. Наиболее крупный из них – археологический комплекс «Барсова гора», где на площади около 4–5 кв. км расположено порядка 400 археологических памятников [Чемякин, 2008. С. 4–5]. Комплекс «Согом» включает около 200 памятников культурного

наследия [Кениг, 2011. С. 57–58]. Не менее крупными являются комплексы «Когончины» (более 160 объектов археологии и этнической истории), «Угутские» (103 объекта), «Соровские озера» (101 объект), «Кинямины» (86 объектов) [Кардаш, Визгалов 2015. С. 53–57]. Остальные археологические комплексы насчитывают не менее 30 археологических и этнографических объектов. Скопление больших групп разновременных городищ в составе комплексов археологических объектов разных видов является уникальной особенностью данной территории.

Сохранность объектов такого типа достаточна для научного изучения, что определяется климатом и свойствами песчаных и супесчаных грунтов, характерных для территории Западной Сибири. Свойства грунтов уникальны с точки зрения археологии, так как в них очень медленно накапливается культурный слой в связи с быстрым процессом разрушения органических веществ и быстрым вымыванием их с поверхностных слоев. Супесчаные почвы очень хорошо сохраняют конфигурацию остатков археологических объектов – углубления котлованов жилищ, остатки стеновых конструкций, ямы и др. Остатки сооружений ОЖК разных эпох визуально очень хорошо фиксируются на поверхности рельефа и могут служить источником для первичного анализа композиции и параметров планировочной структуры и архитектуры.

Кроме того, существует еще одна важная особенность культуры древнего аборигенного населения Севера Западной Сибири – строительство поселений на новом месте. В большинстве случаев новый поселенческий комплекс, в особенности оборонительный, избегали возводить на месте старого. Использование площадки поселения древних людей, например периода неолита, для строительства новых жилищ – довольно редкое явление, связанное с большим временным промежутком между строительством или ограниченностью удобных строительных площадок в окрестности. Археологически фиксируется, что для сооружения нового укрепленного поселения выбиралась «чистая» территории, прежде не занятая жилыми объектами. Этнографически у аборигенного населения региона зафиксировано отрицательное отношение к использованию брошенных жилых строений и строительству нового дома на месте старого, что объясняется заселением домов, оставленных на долгое время людьми, особыми злыми духами – «маячками», которые могут довести человека до безумия. Таким образом, большинство археологических объектов на территории Севера Западной Сибири имеют относительно узкую хронологию функционирования, иногда в рамках одного поколения или периода – одной археологической культуры.

В связи с вышесказанным большое значение в изучении археологических объектов на территории таежной зоны Севера Западной Сибири играет фиксация микрорельефа поверхности археологических сооружений методом тахеометрической съемки. Особый

интерес в таких исследованиях представляют оборонительно-жилые комплексы. Так как они воздвигались и функционировали одновременно, то можно изучать не только архитектуру сооружений и отдельных построек, но и проследить социальные особенности проживавших в них древних общин. В частности, по количеству существовавших синхронно жилищ возможно определить относительную численность общины. На основании изучения неукрепленных поселений такие данные получить невозможно, так как без полных раскопок нельзя доказать одновременное функционирование жилищ на территории визуально выделенного поселения.

Хронология археологических объектов зоны средней тайги весьма обширна. Самые ранние из них датированы верхним палеолитом, но таких единицы, немногим больше и число поселений эпохи мезолита. Основная масса археологических объектов относится к временному интервалу от эпохи раннего неолита до периода Российской империи XVIII–XIX вв. В это число входит около 800 оборонительно-жилых комплексов [Сведения о количестве объектов...], что составляет 15 процентов от общего числа объектов археологии.

Наиболее ранние ОЖК относятся к эпохе неолита-энеолита (VI–III тыс. до н. э.). Достоверно известны только два археологически не изученных объекта ОЖК, относящихся к позднему бронзовому веку – рубежу II–I тыс. до н. э. Большинство объектов этого периода – отдельные жилища, которые не имеют архитектурно-планировочной связи с оборонительно-жилыми комплексами более поздних периодов. Известно, что в эпоху бронзы (III–II тыс. до н. э.) подобные укрепленные поселения встречаются в зоне лесостепи. Это поселения Андреевское, Бахта, Коноплянка, Париж и Синташта II, Устье [Зданович, Батанина, 2007. С. 60–68, 78–82, 111–118, 152–156, 164–168]. Они прямоугольные в плане с двумя-тремя рядами построек, расположенными вдоль улиц. Оборонительная система поселений также состоит из остатков защитных стен (валов) и рвов. Однако поселения степной зоны отличаются от более поздних таежных большими размерами – часто размеры поселений Южного Зауралья достигают 180 × 200 м, тогда как оборонительно-жилые комплексы Севера Западной Сибири – не более 50 × 100 м. Данный факт можно объяснить сокращением численности родовой общины, необходимостью сохранения тепла в жилище в условиях суровой и продолжительной зимы, техническими возможностями строительства оборонительно-жилых комплексов в разных ландшафтных и климатических зонах, а также наличием подручных строительных материалов.

Большинство поселений степной зоны размещаются на небольших притоках Тобола, который соединяет степи Южного Урала с территорией Севера Западной Сибири. Рассматривая географию расселения жителей уральской степи, мы предполагаем, что наиболее логичным направлением продвижения в таежную зону

Западной Сибири с южных территорий является путь по бассейну Тобола, через Иртыш, и далее по бассейну Оби, вплоть до арктических земель. Вероятно, именно так появляются на территории Севера Азии оборонительно-жилые комплексы и продолжают существование вплоть до первой трети XVIII в. С VIII–VII вв. до н. э., в начале раннего железного века, ОЖК особенно широко распространяются на территории таежной зоны Западной Сибири. Теория о связи архитектуры укрепленных поселений Южного Урала и Севера Западной Сибири подтверждается и общностью культурных традиций, выраженных в орнаменте на керамических сосудах [Зыков, 2012. С. 46–60]. Также археологические исследования укрепленных и неукрепленных поселений эпохи бронзы и раннего железного века на территории Севера Западной Сибири фиксируют появление здесь лошади [Косинцев и др., 1988. С. 60]. Чаще всего встречаются черепа и зубы животных в жилищах или ритуальных комплексах [Чемакин, 2008. С. 93]. Известно, что аборигенное население занималось охотой и рыболовством, в пищу употребляло добытых крупных копытных животных (олень, лось), для упряжного транспорта использовался домашний олень. Вероятно, лошадей выращивали специально для осуществления ритуальных практик. До VIII–VII вв. до н. э. предпосылок к появлению в таежной зоне Западной Сибири культуры коневодов не было. Тогда как в эпоху бронзы в степях Южного Зауралья разведение домашней лошади и ее разнообразное использование в хозяйстве было активно развито. Специалисты-археозоологи отмечают, что в эпоху финальной бронзы роль лошади в хозяйстве возрастает. Это отражает начало формирования кочевого скотоводства [Косинцев, 2017. С. 537].

Анализ материалов комплексных археологических исследований укрепленных поселений Южного Зауралья показывает, что подобные сооружения являются признаком оседлого образа жизни, так как их возведение требовало больших человеческих ресурсов и высокого уровня социальной консолидации. Исследователи говорят о невозможности долговременного существования подобной модели поселений на территории зауральской степи и отмечают появление во второй половине II тыс. до н. э. признаков стремления к более подвижному образу жизни [Корякова, 2017. С. 533–534].

Хронология функционирования укрепленных поселений Южного Зауралья ограничивается эпохой бронзы, в раннем железном веке подобные сооружения здесь перестают существовать. Причина исчезновения носителей синташтинской культуры с данной территории и направление их перемещения до сих пор достоверно не известны. Данная научная проблема остается пока нерешенной.

Вероятно, архитектурные традиции проникают в таежную зону Западной Сибири с южных территорий, распространяются до арктических земель и продолжают существование вплоть до XVIII в. Можно предположить, что аборигены Севера Западной Сибири – это

дальние потомки носителей синташтинской культуры степей Южного Урала.

Сейчас в таежной зоне Севера Западной Сибири количество известных памятников раннего железного века, оставленных за 1000 лет древними представителями белоярской, калинkinской и кулайской археологических культур, составляет около 260 единиц. Количество городков последующего периода, начиная с III в. и до начала XVIII в. – времени ранней Российской империи, то есть примерно за 1500 лет, – составляет более 300 объектов, относящихся к разным археологическим культурам. Причем в Позднем Средневековье число укрепленных поселений существенно снижается. ОЖК периода XVI–XVIII вв. н. э. насчитывается около 15.

На сегодняшний день нет обобщающих работ по исследованию укрепленных поселений в составе археологических комплексов. С начала 2000-х гг. введены в научный оборот памятники в рамках отдельно взятого периода существования ОЖК (Надымский городок XVI–XVIII вв., городок Бухта Находка XII–XIII вв., Полуийский мысовой городок конца XVI–первой трети XVIII вв., городок Монкысь Урий) [Кардаш, 2013а; Кардаш, 2011; Кардаш, 2013б; Кардаш, Визгалов, 2015] либо рассматривались укрепленные поселения одной археологической культуры. Результаты стационарных и камеральных исследований даны в ряде публикаций [Борзунов, Чемакин, 2012. С. 218, 246, 249–252; Борзунов, Чемакин, 2013а; Борзунов, Чемакин, 2013б; Зыков, 2012. С. 46–60].

В настоящее время работу по изучению архитектуры древних укрепленных поселенческих комплексов нельзя считать завершенной. Предварительный этап данной работы был выполнен археологами и включал выявление памятников, геодезическую съемку поверхности, раскопки некоторых из них и первичный анализ результатов – впечатления об архитектуре. Специалисты архитекторы на данной стадии не привлекались или привлекались в редких случаях [Кардаш, 2011; Кардаш, 2013а; Кардаш, 2013б; Кардаш, Визгалов, 2015]. Специальные историко-архитектурные и инженерные исследования западносибирских городищ не проводились. Начальным этапом таких работ следует считать изучение памятников в составе комплексов археологических объектов, старт которому положит первичный архитектурный анализ укрепленных поселений урочища «Соровские озера».

Археологический комплекс «Соровские озера»: общая характеристика и периодизация. Урочище Соровские озера расположено на юге Нефтеюганского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в юго-западной части Среднеобской низменности – в междуречье Оби и Иртыша, в бассейне верхнего течения реки Большой Салым. Археологический комплекс «Соровские озера» составляет 101 объект археологии и этнографии разного времени функционирования. Среди них 40 городищ, 50 поселений, 2 могильника, 2 священных места. Большинство археологических

памятников расположены на юго-западном и южном берегах Большого и Малого Соровских озер (рис. 3–4).

Уникальность комплекса памятников Соровских озер заключается в том, что на локальной территории в первозданном ландшафте сохранились руинированные комплексы поселенческих и иных объектов, существовавших и сменявших друг друга на протяжении нескольких тысячелетий. Подавляющее большинство объектов археологического комплекса не подвергались какому-либо антропологическому воздействию и находятся в отличном состоянии. Остатки сооружений разных хронологических периодов визуально хорошо различимы на поверхности, что позволяет зафиксировать их концентрацию на участках и интенсивность заселения территории на разных исторических этапах (рис. 5–14).

Мы предполагаем, что расселение в древности проходило по полосе песчаных грив – по возвышенным среди низменностей и болот участкам местности, поросших мхом и сосновым лесом, вытянутых в широтном направлении от устья р. Демьянка (правый приток Иртыша) до среднего течения р. Малый Юган. Этот ландшафтный массив пересекает верхнее течение Большого Салыма, где расположено урочище Соровские озера. Вдоль этих же грив расположены проточные озера и места зимовки рыбы во время заморозов (живуны). Вдоль этих грив проходят маршруты миграций местной популяции дикого северного оленя таежного подвида. Это традиционная система расселения современных аборигенов – ханты, отлично адаптированных к природным условиям, длительное время обеспечивающая поддержание жизни людей и сохранение окружающей природной среды.

Достоверно известно, что территория Соровских озер была заселена человеком уже во время неолита – в V–IV тыс. до н. э. Наиболее древним памятником, зафиксированным на побережье Соровских озер, является поселение Соровское 1 (V–IV тыс. до н. э.). Количество поселений периода энеолита – бронзового века (III– начало I тыс. до н. э.) значительно больше – 20 единиц. Появляются фортифицированные жилища. Данный тип представлен двумя памятниками – Соровское 11 и Соровское 38 барсовской и атлымской археологических культур. Это одиночные жилища, окруженные системой рвов и валов.

В раннем железном веке (VIII в. до н. э. – III в. н. э.) ситуация значительно изменяется. На территории уже насчитывается 27 памятников. В этот период впервые на данной территории появляется принципиально новый тип сооружений – укрепленные поселения, включающие до 12 отдельных построек, расположенных вдоль центральной улицы в два ряда со входами, обращенными напротив друг друга. Такие сооружения принадлежат двум археологическим культурам – белоярской VIII–IV вв. до н. э. и калинкинской VI–IV вв. до н. э. По мнению некоторых ученых, изучающих керамическую культуру на территории Западной Сибири

и Урала, белоярская культура связана с местной линией развития, а калинкинская является иноэтнической, ее представители предположительно пришли из южной тайги или лесостепи [Чемякин, 2008]. В период VI в. до н. э. – III в. н. э. укрепленные и неукрепленные поселения принадлежат кулайской археологической культуре.

Позднее, в раннем Средневековье, образуются городки и поселения карымской (IV–V вв.), зеленогорской и релкинкой (V–VII вв.) археологических культур. Далее, в VII–VIII вв. н. э. на территории урочища Соровские озера появляются поселения и укрепленные поселения кучиминской археологической культуры. Существование данной культуры пересекается с проникновением иной этнической группы в VIII–IX вв. н. э., связанной с вожпайской археологической культурой. В X в. происходит интеграция вожпайской и кучиминской культур, в результате которой появляется новая культура, названная кинтусовской (X–XII вв. н. э.) [Зыков, 2012. С. 87–97]. Памятников периода Средневековья всего 27 единиц, из них – 16 городищ. ОЖК кинтусовской археологической культуры, в отличие от городков Раннего Средневековья, теперь возводятся на мысовых площадках с использованием естественных участков ландшафта (эскарпированных склонов) в качестве фортификации. Количество городищ в этот период на территории Соровских озер сокращается до двух. Помимо поселенческих комплексов этого периода выявлен могильник, также относящийся к кинтусовской археологической культуре.

К началу XIII в. такой тип поселения, как ОЖК, на территории урочища Соровские озера полностью исчезает. В последующий период с XIII по XVII в., в период вхождения территории Югры в состав волостей Новгорода Великого, а впоследствии Московского царства фиксируются только неукрепленные поселения. С XVIII в. на берегу Соровских озер располагалось одно большое поселение – юрты Соровские, принадлежавшие коренному финно-угорскому населению ханты. На этом этапе усложнилась система хозяйствования, основу которой по-прежнему составляли охота и рыбная ловля, но вместе с тем интенсивно развивались коневодство, оленеводство, собаководство. Юрты прекратили функционирование в середине XX в. в связи с переселением жителей в другой населенный пункт – Лемпино, где предполагалось создание крупного национального поселка. В настоящее время прибрежная территория Соровских озер, как и сами озера, используется одним из потомков жителей юрт Соровских Н. П. Каинова для ведения традиционного хозяйства.

Оборонительно-жилые комплексы. ОЖК таежной зоны Севера Западной Сибири, и урочища Соровские озера в частности, предназначены для безопасного проживания родовой общины в естественной природной среде в сложных климатических условиях Севера. Комплекс образован площадкой с расположенными на ней жилыми сооружениями, скомпонованными чаще

всего вдоль центральной улицы. Оборонительная система в первую очередь предназначена для защиты жилого комплекса и его жителей от негативных климатических условий (тепло- и гидроизоляция помещений), низовых пожаров, от проникновения в жилище диких животных, а также от возможного нападения конкурирующей общины. Военное дело коренного населения Западной Сибири эпохи Средневековья изучал А. И. Соловьев [Соловьев, 1987]. Кроме того, некоторые аспекты ведения боевых действий рассмотрены в работах, посвященных исследованиям городищ Позднего Средневековья (Надымский городок XVI–XVIII вв., Полуийский мысовой городок конец XVI – первая треть XVIII в.) [Кардаш, 2013а; Кардаш, 2013б]. По вещевому комплексу ранее исследованных памятников Севера Западной Сибири можно утверждать, что основным оружием ведения дальнего боя вплоть до XV–XVII вв. были лук и стрелы. Начиная с Раннего Средневековья в ближнем бою использовалось клинковое оружие (ножи, палаши, сабли, копья, топоры). Тактика ведения боя сохранялась на протяжении тысячелетия – быстрые маневренные набеги небольших пеших отрядов.

Уровень развития оружия и тактические принципы ведения войн на территории Западной Сибири в период начала I тыс. до н. э. – начала II тыс. н. э. не предполагали необходимости возведения мощной оборонительной системы вокруг поселения [Соловьев, 1987], а незначительная динамика их развития на протяжении тысячелетия объясняет отсутствие изменений в планировочном и конструктивном решении системы фортификации. Визуально изменения фиксируются лишь в глубине и высоте остатков стеновых конструкций (валов) и рвов. Так, с эпохи неолита до Раннего Средневековья (V–VII вв.) средняя глубина рвов составляет 0,5 м, а высота валов колеблется от 0,1 до 0,7 м, вероятно, это зависит от конструктивного решения наружной стены. Начиная с V–VII вв. (карымская, зеленогорская археологические культуры) глубина рвов увеличивается в два раза и составляет в среднем 0,8–1,1 м, а средняя высота валов варьируется от 0,5 до 1,2 м. Возможно, это связано с интенсивным притоком кочевников на фоне всевозможных межэтнических перемещений, ростом числа военных конфликтов и, как следствие, необходимостью возведения более мощных оборонительных сооружений.

Для проведения полного анализа функционально-назначения оборонительной системы ОЖК Севера Западной Сибири и ее конструктивных особенностей нужны дальнейшие комплексные археологические исследования.

В настоящее время на территории урочища Соровские озера зафиксированы: два укрепленных жилища¹

¹ Их официальный статус в списке объектов культурного наследия ХМАО-Югры – городища, поэтому далее в ряде случаев мы будем использовать этот термин.

эпохи бронзы (III – начало I тыс. до н. э.), 38 оборонительно-жилых комплексов разных хронологических периодов – 22 городища раннего железного века (VIII в. до н. э. – III в. н. э.); 16 городищ эпохи Средневековья (IV–V вв. – XII–XIII вв. н. э.).

Ранее на территории археологического комплекса «Соровские озера» проведена сплошная геодезическая съемка поверхности рельефа. На все ОЖК составлены топографические планы. В результате камеральной обработки материалов все городища систематизированы в хронологическом порядке от бронзового века до Средневековья. Однако тут следует заметить, что далеко не для всех ОЖК достоверно проработана культурно-хронологическая принадлежность. Большинство из них – и городки раннего железного века, и городки Раннего Средневековья – датированы в широком хронологическом диапазоне. Есть отдельные памятники, где по результатам радиоуглеродного анализа образцов определена более точная дата их функционирования.

Проведен архитектурный анализ планировочной схемы ОЖК, на основании которого составлены реконструкции проектной планировочной схемы городков. Таким образом, мы постарались выявить изначальный композиционный замысел древних строителей.

Методика проведения архитектурного анализа планов ОЖК заключалась в графическом восстановлении осей основных планировочных элементов городков – системы фортификации [Чемякин, 2008; Зыков, 2012] и жилого комплекса. Оси оборонительной системы преимущественно проведены по средней части вала, так как по данным археологических исследований городков на территории таежной зоны Западной Сибири именно в средней части вала выявлены остатки стеновых конструкций [Зыков, 2012. С. 51, 63, 105]. Оси в жилом комплексе городка проведены по основным направляющим расположения сооружений, а также по центральным «улицам» городков. Ниже приведено описание результатов графического анализа ОЖК.

Укрепленные жилища эпохи бронзы (III–I тыс. до н. э.). Городища Соровское 11 и Соровское 38 барсовской и атлымской археологических культур эпохи бронзы (II–I тыс. до н. э.) (рис. 15) – укрепленные жилища на побережье Соровских озер. Они являются отдельно стоящими укрепленными сооружениями и представляют собой наземное жилище прямоугольное (8 × 6 м) или квадратное (9 × 9 м) в плане, окруженное системой обороны. Городище Соровское 38 было нарушено более поздними постройками, поэтому фактически форма площадки жилища не фиксируется. Она может быть реконструирована как прямоугольная с расположением постройки на центральной оси со смещением к задней стене оборонительного сооружения. Городище Соровское 11 представляет собой жилую площадку формы, близкой к пятиугольнику, с квадратной наземной постройкой на центральной оси со смещением к задней стене оборонительного сооружения. Жилая площадка окружена по периметру рвом

шириной 2 м и глубиной 0,15 м и внешним валом шириной 3,2 м, высотой 0,15 м².

Оборонительно-жилые комплексы раннего железного века (VII в. до н. э. – III–IV вв. н. э.). Собственно, ОЖК, включающие в себя жилую площадку с четырьмя сооружениями, появляются на территории Соровских озер только с VII в. до н. э., то есть в раннем железном веке. Всего на территории насчитывается 22 ОЖК раннего железного века, трех археологических культур: белоярской и калининской, существующих практически синхронно, и появляющейся в IV в. до н. э. – кулайской.

ОЖК белоярской археологической культуры (рис. 16). Известно три ОЖК белоярской археологической культуры – городища Соровское 1, Соровское 3, Соровское 9. Для них характерна форма, близкая к прямоугольнику с габаритными размерами от 51 × 33 м до 54 × 39 м. Оборонительная система состоит из остатков наружной стены (вала) высотой 0,2 м и шириной 2,5–3 м по периметру жилой площадки и примыкающего к нему с наружной стороны рва шириной 1–2 м и глубиной 0,2 м. Входы в городок фиксируются с трех или четырех сторон.

Размеры жилых площадок в плане практически одинаковые – от 44 × 25 м до 46 × 31 м. На площадках располагаются остатки 6–10 сооружений – наземных жилищ в виде неглубоких впадин или площадок, окруженных валом. Остатки сооружений расположены параллельно центральной продольной оси ОЖК. В двух из трех случаев прослеживается симметричное расположение сооружений относительно центральной оси. Остатки сооружений представляют собой впадины глубиной 0,2–0,5 м, близкие по форме к прямоугольнику с размерами от 3 × 3,2 до 4,0 × 5,0 м. Городище Соровское 1 также прямоугольной в плане формы имеет характерные отличительные черты – это наличие усеченных с четырех сторон углов и трех входов-выступов шириной 5 м и длиной 4 м, расположенных с трех сторон.

Архитектурный анализ планов ОЖК показал, что все городища белоярской археологической культуры относятся к регулярной планировочной системе, прямоугольной планировочной структуре.

ОЖК калининской археологической культуры (рис. 17–19). Шесть ОЖК калининской археологической культуры (городища Соровское 2, Соровское 7, Соровское 4, Соровское 14, Соровское 19, Соровское 39) отличаются более разнообразными формами в плане. Однако у большинства форма близка к прямоугольнику и прослеживается стремление к симметричной организации плана. У трех из шести городищ этой культуры четко видна зеркальная симметрия в композиции плана. Постройки на жилой площадке расположены в два ряда, симметрично относительно центральной продольной оси. Три из них (Соровское 2,

Соровское 4, Соровское 14) имеют форму прямоугольника с усеченными углами. У городища Соровское 7 зеркальная планировка была заложена в композицию оборонительной системы. Но расположение построек на жилой площадке нарушает симметрию. Городища Соровское 14 и Соровское 19 перестраивались в процессе их функционирования. Несмотря на это, в композицию их планов изначально также закладывался принцип симметрии. Еще одной общей чертой для всех ОЖК является устройство фортификационной системы. В большинстве случаев на поверхности фиксируются остатки наружной стены (вал), окружающие по периметру жилую площадку, и ров с наружной стороны вала. В случае городища Соровское 39 зафиксирован еще один ров, обращенный в сторону жилого комплекса. В случае городища Соровское 14 на участке оборонительной системы зафиксированы валообразные остатки конструкций с наружной стороны. Ниже приведем описание трех наиболее характерных, на наш взгляд, оборонительно-жилых комплексов.

Городище Соровское 2 (рис. 17). Топографически на поверхности зафиксированы остатки ОЖК прямоугольной формы с усеченными с четырех сторон углами. Входы на жилую территорию комплекса выявлены с двух сторон: с севера и востока. Северный вход обращен к озеру Соровское.

Габаритные размеры ОЖК³ – 57,5 × 34,3 м. Оборонительная система состоит из остатков наружной стены (вала) высотой 0,3 м и шириной до 2 м и примыкающего к нему с наружной стороны рва шириной 1,5–2 м, глубиной 0,3 м, окружающих площадку жилого комплекса по периметру.

Внутренние размеры ОЖК⁴ – размеры площадки жилого комплекса – 49,2 × 28,0 м. На площадке зафиксированы 14 впадин, две из которых, расположенные в западной части городка, перекрыты обваловками⁵ соседних впадин и не являются синхронными с остальными сооружениями городка. Таким образом, на площадке жилого комплекса фиксируются остатки 12 синхронных построек, расположенных вдоль северной и южной сторон параллельно продольной оси городка. Остатки сооружений представляют собой впадины глубиной 0,2–0,3 м, близкие по форме к прямоугольнику со средними размерами 4,0 × 5,0 м. По периметру впадин зафиксирована обваловка высотой 0,3 м и шириной до 2 м.

Первоначальная проектная планировочная схема ОЖК реконструируется как жилая площадка

³ Здесь и далее габаритные размеры ОЖК даны по наружной границе рва.

⁴ Здесь и далее внутренние размеры ОЖК даны по внутренней границе оборонительной системы, чаще всего по основанию валообразной насыпи – руинированным остаткам наружной стены.

⁵ Обваловка – валообразная насыпь по периметру постройки, грунт, вынутый из котлована сооружения.

² Здесь и далее глубина рвов и высота валов даны от уровня современной поверхности.

прямоугольной формы с усеченными с четырех сторон углами, окруженная по периметру оборонительными сооружениями в виде остатков наружной стены (вала) и рва. Изначально в композицию плана городка был заложен принцип зеркальной симметрии. Симметричная планировка городка была рассчитана на размещение 12 построек в два ряда (по шесть в каждом) параллельно центральной продольной оси. Все постройки реконструируются как четырехстенные сооружения, землянки или полуземлянки прямоугольные или близкие к квадрату в плане, жилого назначения с центральным очагом. Лицевые фасады сооружений были обращены в сторону центральной «улицы». Предполагаем, что входы в городок находились с двух сторон центральной «улицы» городка. Еще один вход располагался со стороны озера.

Городище Соровское 39 (рис. 17). Топографически на поверхности зафиксированы остатки ОЖК прямоугольной формы. Входы на жилую территорию комплекса выявлены с двух сторон: с севера и юга.

Габаритные размеры ОЖК – 58,1 × 39,5 м. Оборонительная система по периметру состоит из руинированных остатков наружной стены (вала) шириной 2–3 м и высотой 0,2–0,3 м и двух рвов, примыкающих к нему с внутренней и внешней сторон шириной 1–2,5 м и глубиной до 0,5 м.

Внутренние размеры ОЖК – размеры площадки жилого комплекса – 46,3 × 26,3 м. На площадке зафиксированы 12 впадин, расположенных вдоль восточной и западной сторон параллельно продольной оси городка. Остатки сооружений представляют собой впадины глубиной 0,2–0,4 м, близкие по форме к прямоугольнику со средними размерами 5,0 × 5,5 м. По периметру впадин зафиксирована обваловка высотой 0,3 м, шириной до 2 м.

Первоначальная проектная планировочная схема ОЖК реконструируется как жилая площадка прямоугольной формы с ярко выраженными треугольными выступами с лицевых сторон. Площадка по периметру окружена оборонительными сооружениями в виде остатков наружной стены (вала) и двух рвов. Аналогично предыдущему городищу в композицию плана был заложен принцип зеркальной симметрии. Симметричная планировка городка была рассчитана на размещение 10 построек в два ряда (по пять в каждом) параллельно центральной продольной оси. Все постройки реконструируются как четырехстенные сооружения, землянки или полуземлянки прямоугольные или близкие к квадрату в плане, жилого назначения с центральным очагом. Лицевые фасады сооружений были обращены в сторону центральной «улицы». Входы в городок расположены симметрично с двух сторон центральной «улицы» городка.

Городище Соровское 7 (рис. 17). Топографически на поверхности зафиксированы остатки ОЖК прямоугольной формы с входами в виде выступов шириной 6 м, длиной 5 м с южной и северной сторон.

Габаритные размеры ОЖК – 49,5 × 35,3 м. Оборонительная система состоит из руинированных остатков наружной стены (вала) шириной 3,0 м, высотой 0,2–0,3 м, окружающих площадку жилого комплекса с четырех сторон, и рва шириной 1,5 м, глубиной 0,2–0,4 м, примыкающего к валу с наружной стороны.

Внутренние размеры ОЖК – 40,0 × 26,9 м. На жилой площадке располагаются остатки восьми объектов в виде впадин. Одна из впадин, расположенная в юго-восточном углу ОЖК, перекрыта обваловкой соседней постройки, что может свидетельствовать о том, что сооружение не синхронно остальным постройкам. Таким образом, непосредственно к ОЖК Соровское 7 относятся семь впадин, расположенных на жилой площадке несимметрично. Визуально постройки разделены центральным проходом-«улицей» на две части по четыре и три постройки. Визуально оси построек не совпадают с центральной осью городка. Остатки жилых сооружений городища Соровское 7 в большинстве случаев представляют собой впадины глубиной 0,2–0,3 м, близкие по форме к прямоугольнику со средними размерами от 2,7 × 3,1 м до 5,0 × 6,0 м. По периметру всех впадин зафиксирована обваловка высотой 0,2 м и шириной от 1,2 до 2,5 м.

Проектную планировочную схему ОЖК можно реконструировать как жилую площадку прямоугольной формы с двумя входами в виде выступов с двух сторон с севера и юга, окруженную по периметру оборонительными сооружениями в виде остатков наружной стены (вала) и рва. Система фортификации городка основана на принципе зеркальной симметрии. Внутренняя планировка реконструируется как несимметричная, с одной основной осью, ориентированной север – юг, по которой проходит центральная «улица» ОЖК, разделяющая постройки на два «квартала». Лицевые фасады большинства сооружений обращены в сторону центральной «улицы».

Архитектурный анализ планов шести ОЖК показал, что все городища калининской археологической культуры относятся к регулярной планировочной системе, прямоугольной планировочной структуре. У большинства реконструируемая форма в плане близка к прямоугольнику и прослеживается стремление к симметрии. Три городища имеют форму прямоугольника с усеченными углами, два – с треугольными выступами с двух сторон и одно – с трапециевидными выступами-входами с двух сторон.

ОЖК кулайской археологической культуры (рис. 19–24). Выделено тринадцать ОЖК – городища Соровское 6, Соровское 8, Соровское 12, Соровское 13, Соровское 18, Соровское 22, Соровское 23, Соровское 29, Соровское 33–35, Соровское 37, Соровское 40. Во всех планах ОЖК прослеживается симметричная композиция. Формы планов в большинстве случаев близки к прямоугольнику, за исключением некоторых. Так, реконструируемая форма плана городища Соровское 6, Соровское 18 – неправильный пятиугольник.

Оси центральных «улиц» не совпадают с осью симметрии городка. Форма плана городища Соровское 33 близка к трапеции с двумя усеченными углами. В плане читается четкая зеркальная композиция. Форма плана городища Соровское 34 приближена к правильному шестиугольнику и основана на принципе зеркальной симметрии. Два городища (Соровское 18, Соровское 23) были неоднократно перестроены. Однако по остаткам системы фортификации можно предположить, что в основе композиции плана лежал принцип зеркальной симметрии.

Только один из городков кулайской археологической культуры (Соровское 37) имеет неправильные ломаные очертания в плане и хаотичное расположение остатков сооружений на жилой площадке. Достоверно определить изначальную композицию плана невозможно.

Для данной археологической культуры мы выделяем пять ОЖК с входами в виде выступов. Городища Соровское 12, Соровское 8 с выступами с четырех сторон, остальные имеют по два выступа.

Сохранившаяся система фортификации всех ОЖК кулайской археологической культуры подобна системам городков других археологических культур – по периметру жилой площадки фиксируются остатки наружной стеновой конструкции (вал), с наружной стороны вала – ров, но есть вариации вал – ров – вал (городище Соровское 40) и ров – вал – ров (городище Соровское 34). Далее приведено описание двух наиболее характерных, на наш взгляд, ОЖК.

Городище Соровское 13 (рис. 20). Топографически на поверхности зафиксированы остатки ОЖК трапециевидной формы с входами с северо-восточной и юго-западной сторон. Габаритные размеры ОЖК – 66,8 × 41,0 м. Оборонительная система городка состоит из остатков наружной стеновой конструкции (вала) шириной 1,5–2 м и высотой 0,3 м по периметру жилой площадки, и рва шириной 1,2–2,2 м и глубиной 0,2–0,3 м с наружной стороны вала, а также фрагментов валообразных остатков стеновых сооружений с внешней стороны рва с западной, южной и восточной сторон шириной 1,5–2 м, высотой 0,1 м.

Внутренние размеры ОЖК – 53,5 × 30,4 м. На жилой площадке располагаются остатки 11 объектов в виде впадин. Остатки сооружений расположены параллельно центральной продольной оси ОЖК вдоль северо-западной и юго-восточной сторон в два ряда, по пять и шесть построек в каждом. Постройки расположены друг напротив друга. Шестая постройка в северном углу городка, вероятно, не была запланирована. Остатки сооружений городища представляют собой впадины глубиной 0,3–0,4 м, близкие по форме к прямоугольнику с размерами от 3,9 × 4,4 м до 5,2 × 6,9 м. По периметру всех впадин зафиксирована обваловка высотой 0,15–0,25 м. Обваловки ряда впадин с северо-западной и юго-восточной сторон плотно примыкают друг к другу, образуя в центральной части коридоро-

образное свободное пространство по продольной оси ОЖК.

Проектную планировочную схему ОЖК можно реконструировать как жилую площадку прямоугольной формы, окруженную по периметру оборонительными сооружениями в виде остатков наружной стены (вала) и рва. В композицию плана был заложен принцип зеркальной симметрии. Внутренняя планировка городка симметрична относительно центральной продольной оси, ориентированной север-восток – юго-запад, условно разделяющей площадку жилого комплекса на два «квартала» с пятью постройками в каждом. Лицевые фасады сооружений обращены в сторону центральной продольной оси. Все постройки реконструируются как четырехстенные сооружения, землянки или полуземлянки прямоугольные или близкие к квадрату в плане, жилого назначения с центральным очагом.

Городище Соровское 8 (рис. 24). Топографически на поверхности зафиксированы остатки ОЖК прямоугольной формы с усеченными с четырех сторон углами с входами в виде выступов шириной 4 м, длиной 6 м по четырем сторонам света.

Габаритные размеры ОЖК – 62,3 × 37,7 м. Оборонительная система состоит из остатков наружной стеновой конструкции (вала) шириной 3,0 м и высотой 0,3 м, окружающих площадку жилого комплекса с четырех сторон, и рва шириной 1,0–1,5 м глубиной 0,15 м, примыкающего к валу с наружной стороны.

Размеры площадки жилого комплекса – 55,5 × 31,3 м. На жилой площадке располагаются остатки 12 объектов в виде впадин, размещенных преимущественно вдоль северной и южной сторон жилого комплекса. Лишь одна постройка, зафиксированная в центральной части площадки, нарушает общую симметричную планировочную схему городка, возможно, потому что данное сооружение было построено в более позднее время. Визуально постройки разделены центральным проходом-«улицей» на две части по шесть построек. Оси построек совпадают с центральной и продольной осями городка, за исключением крайних угловых сооружений, оси которых совпадают с линиями среза углов. Остатки жилых сооружений городища Соровское 8 представляют собой впадины глубиной 0,3–0,5 м, близкие по форме к прямоугольнику со средними размерами от 2,5 × 2,7 м до 4,6 × 6,2 м. По периметру всех впадин зафиксирована обваловка высотой 0,2–0,3 м и шириной от 1,5 до 2,5 м.

Проектную планировочную схему ОЖК можно реконструировать как жилую площадку прямоугольной формы с усеченными с четырех сторон углами с четырьмя входами-выступами, расположенными по сторонам света, окруженную по периметру оборонительными сооружениями в виде остатков наружной стеновой конструкции (вала) и рва. Внутренняя планировка городка реконструируется как симметричная относительно двух осей – продольной, ориентированной запад – восток, и поперечной, ориентированной север –

юг, условно разделяющих площадку жилого комплекса на четыре «квартала» с тремя постройками в каждом. Лицевые фасады сооружений обращены в сторону центральной «улицы». Все постройки реконструируются как четырехстенные сооружения, землянки или полуземлянки прямоугольные или близкие к квадрату в плане, жилого назначения с центральным очагом.

Архитектурный анализ планов тринадцати ОЖК показал, что одиннадцать городищ кулайской археологической культуры относятся к регулярной планировочной системе, семь из них – к прямоугольной планировочной структуре, четыре – к прямоугольно-диагональной планировочной структуре. У большинства реконструируемая форма в плане близка к прямоугольнику и прослеживается стремление к симметрии. Два городища имеют форму неправильного пятиугольника, одно городище близко к трапеции с двумя усеченными углами, еще одно приближено к правильному шестиугольнику.

Два ОЖК кулайской археологической культуры относятся к смешанной планировочной системе. У обоих фиксируется хаотичное расположение остатков сооружений на жилой площадке, а одно из них имеет неправильные ломаные очертания в плане.

Укрепленные поселения Средневековья (IV–XII вв.). Следующий за ранним железным веком период Средневековья представлен шестнадцатью ОЖК шести археологических культур: карымской, зеленогорской, рёлкинской, кучиминской, вожапайской и кинтусовской. Следует заметить, что у всех средневековых городков прослеживается симметрия в композиции планировочной структуры. И большая их часть основана на принципе зеркальной симметрии относительно продольной оси городка, проходящей по его центральной улице.

ОЖК карымской археологической культуры (рис. 25–26). Городков карымской археологической культуры на исследуемой территории насчитывается всего шесть – Соровское 5, Соровское 10, Соровское 17, Соровское 20, Соровское 21, Соровское 36. Два из них (Соровское 5 и Соровское 10) разрушены паводковыми водами озера. Топографически зафиксированы лишь их сохранившиеся части, по которым мы восстановили гипотетическую планировочную схему. Предположительно, городки имели в плане форму прямоугольную или близкую к прямоугольной с симметричным расположением сооружений относительно центральной оси. Три ОЖК рассматриваемой археологической культуры (Соровское 17, Соровское 20, Соровское 21) представляют собой жилые площадки прямоугольной формы, окруженные системой обороны в виде остатков наружной стеновой конструкции (вала) и рва, с зеркальным размещением сооружений относительно центральной продольной (Соровское 17, Соровское 20) и центральной поперечной (Соровское 21) осей.

Лишь один ОЖК Соровское 36 в плане имеет более сложную многоугольную форму с входом в виде высту-

па. В размещении построек можно проследить определенную закономерность – часть из них расположена на одной оси, однако четкая система не выявлена.

Архитектурный анализ планов шести ОЖК карымской археологической культуры показал, что пять из них относятся к регулярной планировочной системе, к прямоугольной планировочной структуре. Одно городище имеет форму прямоугольника с усеченными углами, два – с треугольными выступами с двух сторон, а одно городище относится к смешанной планировочной системе.

ОЖК карымской и зеленогорской археологической культур (рис. 27–28). ОЖК Соровское 24 и Соровское 30 относятся к карымской и зеленогорской археологическим культурам. Они представляют собой жилые площадки прямоугольной формы с небольшими треугольными выступами с одной (Соровское 30) или двух сторон (Соровское 24), окруженные оборонительной системой в виде остатков наружной стены (вала) и рва. На жилой площадке размещены от четырех до восьми построек в два ряда симметрично относительно центральной продольной оси.

Архитектурный анализ планов двух ОЖК карымской и зеленогорской археологических культур показал, что оба городища относятся к регулярной планировочной системе, к прямоугольной планировочной структуре.

ОЖК зеленогорской и рёлкинской археологической культур (рис. 28). Городища Соровское 26 и Соровское 27 зеленогорской и рёлкинской археологических культур составляют замкнутую группу, расположенную на мысу, окруженную единой системой обороны в виде остатков наружной стеновой конструкции (вала) и рва. Кроме того, эскарпированные склоны мысового выступа использовались как дополнительная система обороны. Жилые площадки самих городков прямоугольной формы, окруженные системой обороны в виде остатков наружной стеновой конструкции (вала) и рва. На площадке ОЖК Соровское 27 располагаются два сооружения, обращенные лицевыми фасадами в сторону входа. Внутренняя планировка ОЖК Соровское 26 реконструируется как симметричная, рассчитанная на размещение восьми построек в два ряда (по четыре в каждом) параллельно центральной продольной оси. Лицевые фасады сооружений были обращены в сторону центральной «улицы». Входы в жилые комплексы Соровское 26 и Соровское 27 располагались напротив друг друга.

Архитектурный анализ планов двух ОЖК зеленогорской и рёлкинской археологических культур показал, что оба городища относятся к регулярной планировочной системе, к прямоугольной планировочной структуре.

ОЖК кучиминской археологической культуры (рис. 29). Все городки кучиминской археологической культуры (Соровское 16, Соровское 25, Соровское 28) представляют собой окруженные оборонительной

системой жилые площадки с 7–8 сооружениями на них, расположенными в два (Соровское 25, Соровское 28) и три ряда (Соровское 16).

Городище Соровское 16 реконструируется как прямоугольная жилая площадка, окруженная системой обороны в виде остатков внутренней стеновой конструкции (вала) шириной 1,5–2 м и высотой 0,4 м и остатков наружной стеновой конструкции (вала) шириной 3 м и высотой 0,3–0,4 м, и рва между ними шириной 4–5 м и глубиной 0,8 м. Композиция самой жилой площадки предположительно выглядела как расположенные по периметру внутренней стены восемь построек. Общая композиция планировочной системы городка основана на зеркальной симметрии относительно двух осей – продольной и поперечной, но ось центральной «улицы» со входом в городок не совпадала с осью симметрии, а была смещена в пространство между первым и вторым рядом построек.

Городище Соровское 25. Топографически на поверхности зафиксированы остатки ОЖК прямоугольной формы. Входы на жилую территорию комплекса выявлены с двух сторон: с северо-запада и юго-востока.

Габаритные размеры ОЖК – 77,8 × 56,0 м. Жилой комплекс по периметру окружает двойная система обороны. Она состоит из внутренней системы – рва, окруженного с двух сторон остатками оборонительной стены (вала) прямоугольной формы в плане, и наружной системы – рва, окруженного по периметру остатками оборонительной стены (вала) прямоугольной формы с треугольными выступами в лицевых фасадах городка. Валу внутренней и наружной оборонительных систем шириной 2–4 м и высотой до 0,6 м и рвы шириной 3–5 м и глубиной до 1,5 м.

Внутренние размеры ОЖК – 41,8 × 31,1. На площадке зафиксированы семь впадин, расположенных вдоль продольных оборонительных стен параллельно центральной оси городка в два ряда по три и четыре в каждом. Остатки сооружений представляют собой впадины глубиной 0,2–0,5 м, близкие по форме к прямоугольнику со средними размерами 5,3 × 5,8 м. По периметру впадин зафиксирована обваловка высотой 0,3 м и шириной до 3 м.

Первоначальная проектная планировочная схема ОЖК реконструируется как жилая площадка прямоугольной формы, окруженная по периметру фортификацией в виде фортификационной системы, состоящей из чередующихся трех линий стеновых конструкций (валов) и двух рвов. В композицию плана заложен принцип зеркальной симметрии. Симметричная планировка городка была рассчитана на размещение восьми построек в два ряда (по четыре в каждом) параллельно центральной продольной оси. Все постройки реконструируются как четырехстенные сооружения, землянки или полуземлянки прямоугольные или близкие к квадрату в плане, жилого назначения с центральным очагом. Лицевые фасады сооружений были обращены в сторону центральной «улицы». Входы

в городок расположены симметрично с двух сторон центральной «улицы» городка.

Архитектурный анализ планов трех ОЖК кучинской археологической культуры показал, что все городища относятся к регулярной планировочной системе, к прямоугольной планировочной структуре.

ОЖК вожпайской археологической культуры (рис. 30). ОЖК Соровское 31 вожпайской археологической культуры расположен на мысовой части коренной террасы берега р. Вошьгеа. Его форма в плане в виде сегмента многоугольника продиктована естественными условиями. На жилой площадке зафиксированы остатки трех жилых сооружений в виде впадин, окруженных обваловками. Жилая площадка защищена от внешних воздействий искусственными оборонительными сооружениями в виде остатков стеновых конструкций (валов) и рвов с северо-восточной и юго-западной сторон и естественным рельефом в виде эскарпированного склона, спускающегося к кромке воды реки Вошьгеа.

Первоначальная планировочная композиция ОЖК реконструируется как зеркальная с осью симметрии, проходящей от крайней точки мыса в сторону террасы, разделяя его пополам на два «квартала». Предположительно, в каждом квартале размещалось по две постройки, обращенные входами друг к другу. Вход в ОЖК располагался только со стороны террасы. Городище относится к регулярной планировочной системе, к прямоугольно-диагональной планировочной структуре.

ОЖК кинтусовской археологической культуры (рис. 30). Городища кинтусовской археологической культуры стали завершающим этапом функционирования ОЖК на территории урочища Соровские озера. Одно из городищ (Соровское 32) по расположению в пространстве и композиционной идее планировочной системы аналогично описанному выше городищу Соровское 31.

Городище Соровское 15 принципиально отличается от всех описанных ОЖК. В основу композиции городка заложена радиально-кольцевая планировочная система. Топографически на поверхности зафиксированы остатки ОЖК круглой в плане формы.

Габаритные размеры ОЖК – 43,5 × 37,5 м. Городище отличается довольно мощными фортификационными сооружениями, хорошо фиксирующимися в современном рельефе. С северной стороны жилой комплекс окружен крутым эскарпированным склоном, заканчивающимся рекой. С других сторон по периметру городок окружен рвом шириной от 3 до 6 м и глубиной 1,1 м, который плавно соединяется с береговым склоном, и остатками стеновой конструкции (валом) высотой около 1,5 м от уровня жилой площадки. При этом сама площадка была искусственно поднята на высоту около 2 м. Таким образом, городок по периметру окружен крутым склоном высотой 3,5 м с южной стороны и до 6,5 м – с северной стороны.

Размеры площадки жилого комплекса – 25 × 20 м. На круглой в плане площадке располагаются остатки семи объектов в виде впадин. В центре площадки фиксируется самая крупная впадина размерами 6,2 × 7,9 м. Остальные шесть построек размерами от 2,4 × 2,9 м до 3,2 × 5,7 м размещены полукольцом относительно центральной впадины. Остатки жилых сооружений городища Соровское 15 представляют собой впадины, близкие по форме к прямоугольнику глубиной до 0,6 м. По периметру всех впадин зафиксирована обваловка высотой 0,5 м.

Проектную планировочную схему ОЖК можно реконструировать как жилую площадку круглой в плане формы, со входом с южной стороны, окруженную по периметру оборонительными сооружениями в виде эскарпированного склона, стеновой конструкцией по периметру и рва. Планировка жилого комплекса городка реконструируется как симметричная относительно центральной оси, ориентированной север – юг, на которой расположена центральная постройка жилого комплекса. Центральная постройка и радиальная ось условно разделяют площадку на два «квартала» с тремя постройками в каждом. Постройки расположены по радиальной оси. Лицевые фасады сооружений обращены в сторону центральной постройки. Все постройки реконструируются как четырехстенные сооружения, землянки или полуземлянки прямоугольные или близкие к квадрату в плане, жилого назначения с центральным очагом.

Архитектурный анализ планов двух ОЖК кинтсовской археологической культуры показал, что городища относятся к регулярной планировочной системе, одно из них – к прямоугольно-диагональной планировочной структуре, второе – к радиально-кольцевой планировочной структуре.

Анализ планировочной структуры. На основании архитектурного анализа ОЖК, проведенного по таким двум элементам, как конфигурация оборонительной системы и расположение сооружений на жилой площадке, выделены две основные планировочные системы: *смешанная и регулярная*.

В смешанной планировочной системе несколько элементов композиции расположены вне общей закономерности или хаотично. В большинстве случаев внутри четкой геометричной оборонительной системы хаотично расположены постройки жилой площадки. К смешанной планировочной системе относятся всего три оборонительно-жилых комплекса – Соровское 37, Соровское 35, Соровское 36.

В регулярной планировочной системе прослеживается определенная закономерность расположения элементов и их взаимосвязь, а именно: параллельное и перпендикулярное расположение осей сооружений внутри четкой геометричной оборонительной системы. В большинстве случаев в данной системе наблюдается симметрия в размещении элементов или групп элементов.

В регулярной планировочной системе выделены три планировочные структуры: прямоугольная, прямоугольно-диагональная и радиально-кольцевая. В прямоугольной структуре форма оборонительной системы в плане прямоугольная или близкая к прямоугольной, основные планировочные оси жилого комплекса прямые, расположенные относительно друг друга и относительно центральной оси параллельно и перпендикулярно. Возможны варианты организации оборонительной системы как прямоугольник с усеченными углами (Соровское 1) или с треугольными выступами (Соровское 24, Соровское 29), с добавлением входов-выступов (Соровское 12). К данной структуре относится 29 оборонительно-жилых комплексов, из них – 17 раннего железного века и 12 средневековых.

В прямоугольно-диагональной структуре форма оборонительной системы в плане многоугольная, основные планировочные оси жилого комплекса прямые, расположенные относительно друг друга параллельно, перпендикулярно и под иным углом. К данной планировочной структуре относятся четыре оборонительно-жилых комплекса раннего железного века – Соровское 6, Соровское 8, Соровское 33, Соровское 18 (а) и два оборонительно-жилых комплекса средневековья – Соровское 31, Соровское 32. Средневековые ОЖК вписаны в естественный рельеф береговых склонов на мысовых участках. Оси крутых склонов мыса являются в данном случае частью планировочной структуры укрепленных поселений.

В радиально-кольцевой структуре элементы планировки расположены по прямым (радиальным) и кольцевым осям. К данной планировочной структуре относится один средневековый оборонительно-жилой комплекс – Соровское 15.

Таким образом, анализ планировочной структуры показал, что большая часть городков (73 %) урочища Соровские озера относится к прямоугольной планировочной системе. Основная их масса организована по принципу зеркальной планировки.

Подобная планировочная структура укрепленных поселений встречается в степной зоне Южного Зауралья, но в более раннее время – в эпоху бронзы. Поселения прямоугольные в плане с 2–3 рядами построек, расположенными вдоль улиц. Их оборонительная система также состоит из рвов и валов (остатков стен). Однако поселения степной зоны отличаются от более поздних таежных большими размерами. Данный факт можно объяснить техническими возможностями строительства ОЖК в разных ландшафтных зонах, а также наличием подручных строительных материалов.

Вероятно, эти архитектурные традиции проникают в таежную зону Западной Сибири с южных территорий, распространяются до арктических земель и продолжают существование вплоть до Позднего Средневековья (XVIII в.). Например, на Севере Западной Сибири исследован ряд средневековых оборонительно-жилых комплексов с прямоугольной

планировочной структурой – это городище Зеленая Горка [Чернецов, 1949] (XIII–XIV вв. н. э.), Надымский городок (XIII–XVII вв. н. э.), Полуйский городок (XIII–XVII вв. н. э.) и Полуйский мысовой городок (XVI–XVIII вв. н. э.), Войкарский городок (XIII–XIX вв. н. э.). Все перечисленные укрепленные поселения расположены в арктической зоне на территории с мерзлым культурным слоем, где хорошо сохраняются остатки органики, в том числе остатки деревянных конструкций. Это позволяет достоверно воссоздавать архитектуру населенных пунктов.

Наиболее близкой аналогией городков урочища Соровские озера является городок Бухта Находка XIII–XIV вв. н. э., расположенный на п-ове Ямал у побережья Обской губы – залива Карского моря. Верхний строительный горизонт городка полностью раскопан. Проведена реконструкция планировочной системы и архитектуры оборонительно-жилого комплекса [Кардаш, 2011]. Городок представлял собой группу из восьми жилых построек, расположенных симметрично относительно центральной продольной оси, в два ряда по четыре постройки в каждом. Площадка жилого комплекса прямоугольная в плане с размерами 35 × 25 м, ориентированная по оси север – юг.

Каркасные жилища прямоугольные в плане размерами 7,5 × 7,0 м были окружены стенами из торфяно-дерновых брикетов. Центральный очаг жилищ размером – 1,0 × 1,4 м был ограничен деревянной рамой. По углам очага располагались центральные опорные столбы, несущие кровлю. Кровля оборонительно-жилого комплекса плоская. Она состояла из настила жердей, слоя берестяной гидроизоляции, грунта и дерна. Снаружи городок полностью сливался с ландшафтом и выглядел как небольшой холм. Входом в каждое жилище служило светодымовое отверстие над очагом. В фасаде каждого строения, обращенном к центральному коридору, был устроен проем, обеспечивающий циркуляцию воздуха.

Заключение. В итоге исследования 38 оборонительно-жилых комплексов урочища Соровские озера мы проследили динамику заселения данной территории и составили систематизированную таблицу городищ Соровских по хронологическим этапам их функционирования. На территории зафиксировано 22 городища раннего железного века (VIII–VII вв. до н. э. – III в. н. э.); 16 городищ эпохи Средневековья (III–V – XII–XIV вв. н. э.).

По композиции планов и архитектуре, географии расположения, по некоторым аспектам материальной культуры и хронологии функционирования укрепленных поселений на территории степной зоны Южного Зауралья и таежной зоны Севера Западной Сибири прослежена преемственность архитектурных традиций строительства. Предполагаем, что эти архитектурные традиции проникают в таежную зону Западной Сибири с южных территорий и распространяются до арктических земель.

В результате архитектурного анализа выделены три планировочных структуры оборонительно-жилых комплексов: прямоугольная, прямоугольно-диагональная и радиально-кольцевая. Определено, что 73 процента городков урочища Соровские озера относятся к прямоугольной планировочной системе с возможными вариантами композиции оборонительной системы – с усеченными углами, с треугольными выступами, с добавлением входов-выступов или комбинации данных вариантов. С чем связано возникновение данных вариантов, пока достоверно не известно: возможно, со стремлением вписаться в ландшафт или обхождением препятствий в виде крупных деревьев. Кроме того, отклонение от прямых линий и прямых углов возникало вследствие несовершенства технологического строительства и орудий труда. Очевидна преемственность архитектурных традиций проектирования оборонительно-жилых комплексов Соровских озер и их инженерных решений, которые остаются неизменными на протяжении тысячелетий – от раннего железного века до Средневековья.

Есть на берегах Соровских озер и немногочисленные мысовые городища, а также единственное на этой территории городище Соровское 15 с радиально-кольцевой планировочной структурой. Их появление связано с притоком групп населения с территории Нижнего Приобья. Подобные городки встречаются на территории археологического комплекса «Барсова гора» [Зыков, 2012. С. 64, 156].

По результатам архитектурного анализа ОЖК можно определить численность семейно-родовой общины. На данном этапе можно предположить, что состав общины одного оборонительно-жилого комплекса раннего железного века и Средневековья варьировался в среднем от 50 до 80 человек. В современных юртах аборигенного населения – ханты численность населения (родовой общины) составляет 30–35 человек. Проблема состава и численности семейно-родовой общины ОЖК – это тема для дальнейших исследований.

Представленная работа положила начало исследованиям уникального археологического комплекса на территории таежной зоны Западной Сибири, состоящего из 101 памятника археологии и этнографии, где 40 процентов составляют оборонительно-жилые комплексы. На территории Ханты-Мансийского автономного округа на площади 534,8 тыс. кв. км насчитывается 10 крупных археологических комплексов, где расположено от 30 до 400 археологических памятников, в числе которых не менее 30 процентов составляют городища. Всего на территории округа зафиксировано около 800 оборонительно-жилых комплексов. Такое количество укрепленных поселений имеет место только на территории таежной зоны Западной Сибири. В соседнем Ямало-Ненецком автономном округе насчитывается всего около 600 археологических объектов, из них всего 29 городищ [Перечни объектов

культурного наследия ЯНАО]. Очевидно, что их количество уменьшается в северном направлении. Такая же ситуация в направлении к востоку – в Томской области их насчитывается не более 50 [Сведения об объектах...]. В западном направлении их число также невелико: в Пермском крае около 270 [Информация об объектах...], в Свердловской области зафиксировано не более 30 городков [Перечень объектов культурного наследия...], а в республике Коми известны всего три оборонительно-жилых комплекса [Объекты культурного наследия...].

Таким образом, опираясь на данные по количеству выявленных городков в округе, их распространение по территории и хронологию их функционирования, можно заключить, что оборонительно-жилые комплексы являются уникальной особенностью зоны северной тайги Западно-Сибирской равнины, ныне входящей в состав территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В этой связи продолжение их специального историко-архитектурного изучения будет иметь важное значение как для региональной истории, так и для сопредельных территорий.

Литература и источники

Источники

1. Информация об объектах культурного наследия, расположенных на территории Пермского края // Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края : оф. сайт. URL: <http://nasledie.permkrai.ru/deyatelnost/informatsiya-ob-obektakh-kulturnogo-naslediya-raspolozhennykh-na-territorii-permskogo-kraja/> (дата обращения: 01.03.2023).
2. Объекты культурного наследия // Управление Республики Коми по охране культурного наследия. URL: https://okn11.rkomi.ru/pages/obekty_kulturnogo_naslediya (дата обращения: 01.03.2023).
3. Перечень объектов культурного наследия Свердловской области // Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области : оф. сайт. URL: <http://okn.midural.ru/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya-sverdlovskoy-oblasti-v-formate-microsoft-word.html> (дата обращения: 01.03.2023).
4. Перечни объектов культурного наследия ЯНАО // Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа : оф. сайт. URL : <http://nasledie89.yanao.ru/wp-content/uploads/2017/06/PERECHEN-vyuavlennyh-OKN-YANAO.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).
5. Сведения о количестве объектов культурного наследия по данным государственного учета на 01.01.2023 // Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры : оф. сайт. URL: <https://nasledie.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya-/903871/svedeniya-o-kolichestve-obektov-kulturnogo-naslediya-podannym-gosudarstvennogo-uchyeta/> (дата обращения: 01.02.2023).
6. Сведения об объектах культурного наследия, расположенных на территории Томской области // Комитет по охране объектов культурного наследия Томской области. URL: <https://heritage.tomsk.gov.ru/svedeniya-ob-obektakh-kulturnogo-nasledija> (дата обращения: 01.03.2023).

Литература

7. **Борзунов В. А., Чемякин Ю. П.** Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Томск. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 217–261.
8. **Борзунов В. А., Чемякин Ю. П.** Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория распространения // ВААЭ. 2013а. № 1 (20). С. 35–46.
9. **Борзунов В. А., Чемякин Ю. П.** Карымские поселения таежного Приобья // ВААЭ. 2013б. № 2 (21). С. 45–55.
10. **Зданович Г. Б., Батанина И. М.** Аркаим – Страна городов: пространство и образы. Челябинск : Крокус, Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.
11. **Зыков А. П.** Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. 232 с.
12. **Кардаш О. В.** Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). Екатеринбург ; Нефтеюганск : АМБ, 2011. 60 с.
13. **Кардаш О. В.** Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура). Екатеринбург ; Салехард : Магеллан, 2013а. 360 с.
14. **Кардаш О. В.** Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура). Екатеринбург ; Салехард : Магеллан, 2013б. 380 с.
15. **Кардаш О. В., Визгалов Г. П.** Городок Монкысь урий: К истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического изучения): в 2 т. Екатеринбург : Караван, 2015. Том I. Археологические исследования. С. 53–57.
16. **Кениг А. В.** Археологическое наследие Югры в системе развития индустрии туризма (на примере Согомского археологического микрорайона) // Вестник угроведения. 2011. № 3 (6). С. 55–61.

17. **Корякова Л. Н.** К вопросу о жилой среде и образе жизни населения Южного Зауралья в эпоху бронзы (по материалам раскопок в бассейне р. Карагайлы-Аят) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2017. С. 533–534.

18. **Косарев М. Ф.** Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М. : Наука, 1991. 302 с.

19. **Косинцев П. А.** Экономика населения Южного Зауралья в эпоху финальной бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2017. С. 537.

20. **Косинцев П. А., Морозов В. М., Терехова Л. М.** Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск : Изд-во УрО АН СССР, 1988. С. 52–64.

21. **Соловьев А. И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.

22. **Челякин Ю. П.** Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. 224 с.

23. **Чернецов В. Н.** Зеленая Горка близ Салехарда // КСИА. 1949. Вып. XXV. С. 68–74.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта НИР СурГУ № 2023-227-18 «Югорская археология и этнография: сохранение и изучение культурного наследия в условиях нефтегазового освоения Севера».

Сведения об авторах

Кардаш Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, руководитель Центра югорской археологии и этнографии НОЦ Института гуманитарного образования и спорта СурГУ, г. Сургут; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

SPIN-код: 8401-0471

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Слесаренко Инна Васильевна – младший научный сотрудник Центра югорской археологии и этнографии НОЦ Института гуманитарного образования и спорта СурГУ, г. Сургут; помощник директора АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

E-mail: sliesarenko.inna@yandex.ru

Алексеева Екатерина Анатольевна – архитектор АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

E-mail: ultra.kate@yandex.ru

O. V. Kardash^{1, 2, 3}, I. V. Slesarenko^{1, 2}, E. A. Alekseeva²

¹ Surgut State University, Surgut, Russia

² ANO “Institute for Archaeology of the North”, Nefteyugansk, Russia

³ Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

DEVELOPMENT OF THE ARCHITECTURE AND PLANNING STRUCTURE OF DEFENSIVE AND RESIDENTIAL COMPLEXES OF THE MIDDLE OF THE 1ST MILLENNIUM BCE – MIDDLE OF THE 2ND MILLENNIUM CE IN THE SOROVSKIYE LAKES TRACT IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

The archaeological complex “Sorovskie Lakes” is located on the territory of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in the middle reaches of the Ob River, from the foothills of the Urals up to the Yenisei River watershed. More than 7 000 archaeological sites of various types are officially registered in this territory: cult places, settlements and sites connected with economic activities. These are the so-called “defensive and residential complexes”.

The purpose of this article is to present the results of preliminary historical and architectural studies of the towns of the middle of the 1st millennium BCE – middle of the 2nd millennium CE which are a part of the large archaeological complex of “Sorovskie Lakes”. To achieve this goal, an analysis of the composition and parameters of the planning structure of the defensive and residential complexes of the Sorovskie Lakes was carried out. The authors conducted a comparative analysis of the composition and sizes of the defensive and residential complexes of two main chronological stages – the Early Iron Age and the Middle Ages.

As a result of the study of 38 defensive and residential complexes of the Sorovskie Lakes, the dynamics of resettlement to this territory was traced and a systematized table according to the chronological stages of their functioning was com-

piled: 22 settlements belong to the early Iron Age (8th–7th centuries BCE – 3rd century CE); 16 settlements – the Middle Ages (3rd–5th – 12th–14th centuries CE). Based on the composition of planning structure and architecture, location, some aspects of material culture and the chronology of fortified settlements in the steppe zone of the Southern Trans-Urals and the taiga zone of the north of Western Siberia, the authors traced the continuity of architectural construction traditions that penetrated into the taiga zone of Western Siberia from the southern territories and then were spread to the Arctic lands.

As a result of the architectural analysis, 3 planning structures of defensive and residential complexes were identified: rectangular, rectangular-diagonal and radial-ring, and a characteristic of each structure was given. The community of one defensive and residential complex of the early Iron Age and the Middle Ages varied on average from 50 to 80 people.

Thus, according to the data of identified towns in the area, their distribution across the territory and the chronology of their functioning, the authors state that defensive and residential complexes are a unique feature of the northern taiga zone of the West Siberian Plain, now part of the territory of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra.

References

Sources

1. Informaciya ob ob'ektah kul'turnogo naslediya, raspolozhennyh na territorii Permskogo kraja [Information on cultural heritage sites located on the territory of Perm Krai] // Gosudarstvennaya inspekciya po ohrane ob'ektov kul'turnogo naslediya Permskogo kraja [State Inspectorate for the Protection of Cultural Heritage Sites of Perm Krai]: official website. URL: <http://nasledie.permkrai.ru/deyatelnost/informatsiya-ob-obektakh-kulturnogo-naslediya-raspolozhennykh-na-territorii-permskogo-kraja/> (Accessed: 01.03.2023) (In Russ.).

2. Ob'ekty kul'turnogo naslediya [Cultural heritage sites] // Upravlenie Respubliki Komi po ohrane kul'turnogo naslediya [Komi Republic Department for the Protection of Cultural Heritage]. URL: https://okn11.rkomi.ru/pages/obekty_kulturnogo_naslediya (Accessed: 01.03.2023) (In Russ.).

3. Perechen' ob'ektov kul'turnogo naslediya Sverdlovskoj oblasti [List of cultural heritage sites of Sverdlovsk Oblast] // Upravlenie gosudarstvennoj ohrany ob'ektov kul'turnogo naslediya Sverdlovskoj oblasti [Department of State Protection of Cultural Heritage Sites of Sverdlovsk Oblast]: official website. URL: <http://okn.midural.ru/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya-sverdlovskoy-oblasti-v-formate-microsoft-word.html> (Accessed: 01.03.2023) (In Russ.).

4. Perechni ob'ektov kul'turnogo naslediya YANAO [Lists of cultural heritage sites of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug] // Sluzhba gosudarstvennoj ohrany ob'ektov kul'turnogo naslediya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [State Service for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]: official website. URL: <http://nasledie89.yanao.ru/wp-content/uploads/2017/06/PERECHEN-vyyavlennyh-OKN-YANAO.pdf> (Accessed: 01.03.2023) (In Russ.).

5. Svedeniya o kolichestve ob'ektov kul'turnogo naslediya po dannym gosudarstvennogo ucheta na 01.01.2023 [Information on the number of cultural heritage sites according to state registration data as of 01.01.2023] // Sluzhba gosudarstvennoj ohrany ob'ektov kul'turnogo naslediya HMAO-Yugry [State Service for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra]: official website. URL: <https://nasledie.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya-/903871/svedeniya-o-kolichestve-obektov-kulturnogo-naslediya-podannym-gosudarstvennogo-uchyeta/> (Accessed: 01.02.2023) (In Russ.).

6. Svedeniya ob ob'ektah kul'turnogo naslediya, raspolozhennyh na territorii Tomskoj oblasti [Information on cultural heritage sites located on the territory of Tomsk Oblast] // Komitet po ohrane ob'ektov kul'turnogo naslediya Tomskoj oblasti [Committee for the Protection of Cultural Heritage Sites of Tomsk Oblast]. URL: <https://heritage.tomsk.gov.ru/svedeniya-ob-obektah-kulturnogo-nasledija> (date of access: 01.03.2023) (In Russ.).

Literature

7. *Borzunov V. A., Chemyakin Yu. P.* Karymskoe obshchestvo taezhnogo Priob'ya: nekotorye aspekty ego genezisa, razvitiya i vzaimodejstviya s sosedyami [Karymskoye society of the taiga Ob region: some aspects of its genesis, development and interaction with neighbors] // Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk University Press, 2012, Issue 10, pp. 217–261. (In Russ.).

8. *Borzunov V. A., Chemyakin Yu. P.* Karymskie pamyatniki taezhnogo Priob'ya: istoriya izucheniya, hronologiya i territoriya rasprostraneniya [Karym sites of the taiga Ob region: history, chronology and territory of distribution] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013a, No. 1 (20), pp. 35–46. (In Russ.).

9. *Borzunov V. A., Chemyakin Yu. P.* Karymskie pamyatniki taezhnogo Priob'ya [Karym settlements of the taiga Ob region] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013b, No. 2 (21), pp. 45–55. (In Russ.).

10. *Zdanovich G. B., Batanina I. M.* Arkaim – Strana gorodov: prostranstvo i obrazy [Arkaim – country of cities: space and images]. Chelyabinsk: Crocus, South-Ural. book publishing house, 2007, 260 p. (In Russ.).

11. **Zykov A. P.** Barsova gora: ocherki arheologii Surgut'skogo Priob'ya. Srednevekov'e i novoe vremya [Barsova Gora: essays on the archeology of the Surgut Ob region. The Middle Ages and modern times]. Ekaterinburg: Uralsky rabochy, 2012, 232 p. (In Russ.).

12. **Kardash O. V.** Gorodok sikhirtya v Buhte Nahodka (pervye rezul'taty issledovaniy) [The town of Sikhirtya in Nahodka Bay (first research results)]. Ekaterinburg-Nefteyugansk: AMB, 2011, 60 p. (In Russ.).

13. **Kardash O. V.** Nadym'skiy gorodok knyazey Bol'shoj Karachei (Obdorskie gorodki v konce XVI – pervoj treti XVIII vv.: Istoriya i material'naya kul'tura) [Nadym'skiy gorodok of the princes of Bolshaya Karachei (Obdorsk towns at the end of the 16th – first third of the 18th centuries: history and material culture). Ekaterinburg ; Salekhard : Magellan, 2013a, 360 p. (In Russ.).

14. **Kardash O. V.** Polujskiy mysovoj gorodok knyazey Tajshinyh (Obdorskie gorodki v konce XVI – pervoj treti XVIII vv.: Istoriya i material'naya kul'tura) [Polujskiy Mysovoj Gorodok of the Princes of Taishin (Obdorsk Gorodki in Late 16th – First Third of the 18th Centuries: History and Material Culture). Ekaterinburg ; Salekhard : Magellan, 2013b, 380 p. (In Russ.).

15. **Kardash O. V., Vizgalov G. P.** Gorodok Monkys' urij: K istorii naseleniya Bol'shogo YUgana v XVI–XVII vekah (po rezul'tatam kompleksnogo arheologicheskogo izucheniya) [Monkys Uriy Gorodok: On the History of the Population of Bolshoy Yugan in the 16th–17th Centuries (Based on the Results of a Comprehensive Archaeological Study)]; in 2 volumes. Ekaterinburg : Karavan, 2015, Vol. I. Archaeological Research, pp. 53–57. (In Russ.).

16. **Kenig A. V.** Arheologicheskoe nasledie YUgry v sisteme razvitiya industrii turizma (na primere Sogom'skogo arheologicheskogo mikrorajona) [Archaeological Heritage of Yugra in the System of Tourism Industry Development (Based on the Sogom'skiy Archaeological Microdistrict)] // Vestnik ugrovedeniya [YUGRA Studies Bulletin], 2011, No. 3 (6), pp. 55–61. (In Russ.).

17. **Koryakova L. N.** On the issue of the residential environment and way of life of the population of the Southern Urals in the Bronze Age (based on excavations in the Karagayly-Ayat River basin) [K voprosu o zhiloy srede i obraze zhizni naseleniya YUzhnogo Zaural'ya v epohu bronzy (po materialam raskopok v bassejne r. Karagajly-Ayat) // Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul: Altai State University Publishing House, 2017, pp. 533–534. (In Russ.).

18. **Kosarev M. F.** Drevnyaya istoriya Zapadnoj Sibiri: Chelovek i prirodnyaya sreda [Ancient history of Western Siberia: Man and the natural environment]. Moscow: Nauka, 1991, 302 p. (In Russ.).

19. **Kosintsev P. A.** Ekonomika naseleniya YUzhnogo Zaural'ya v epohu final'noj bronzy [Economy of the population of the Southern Urals in the final Bronze Age] // Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul: Altai State University Publishing House, 2017, p. 537. (In Russ.).

20. **Kosintsev P. A., Morozov V. M., Terekhova L. M.** Mlekopitayushchie v sisteme prirodopol'zovaniya srednevekovogo naseleniya Zapadnoj Sibiri [Mammals in the Nature Management System of the Medieval Population of Western Siberia] // Sovremennoe sostoyanie i istoriya zhivotnogo mira Zapadno-Sibirskoj nizmennosti [Current State and History of the Animal World of the West Siberian Lowland]. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 1988, pp. 52–64. (In Russ.).

21. **Soloviev A. I.** Voennoe delo koren'nogo naseleniya Zapadnoj Sibiri. Epoha srednevekov'ya [Military Affairs of the Indigenous Population of Western Siberia. The Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1987, 193 p. (In Russ.).

22. **Chemyakin Yu. P.** Barsova gora: ocherki arheologii Surgut'skogo Priob'ya. Drevnost' [Barsova Gora: Essays on the Archeology of the Surgut Ob Region. Antiquity]. Surgut ; Omsk: Omsk Printing House, 2008, 224 p. (In Russ.).

23. **Chernetsov V.N.** Zelenaya gorka bliz Salekharda [Green Hill near Salekhard] // kratkiye soobscheniya Instituta arheologii [Short reports of the Institute of Archaeology], 1949, Issue XXV, pp. 68–74. (In Russ.).

Information about the authors

Kardash Oleg V. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of history of Russia, head of the Center of Ugra Archaeology and Ethnography, REC of the Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk; director of ANO “Institute of Archeology of the North”, Nefteyugansk.

SPIN-code: 8401-0471

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Slesarenko Inna V. – junior researcher of the Center of Yugra Archaeology and Ethnography, REC of the Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; assistant director of ANO “Institute of Archeology of the North”, Nefteyugansk.

E-mail: sliesarenko.inna@yandex.ru

Alekseeva Yekaterina A. – architect of ANO “Institute of Archeology of the North”, Nefteyugansk.

E-mail: ultra.kate@yandex.ru

Рис. 1. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера» на карте Евразии
 Fig. 1. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiy Lakes” archaeological complex on the map of Euroasia

Рис. 2. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера» на карте округа
 Fig. 2. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiy Lakes” archaeological complex on the map of okrug

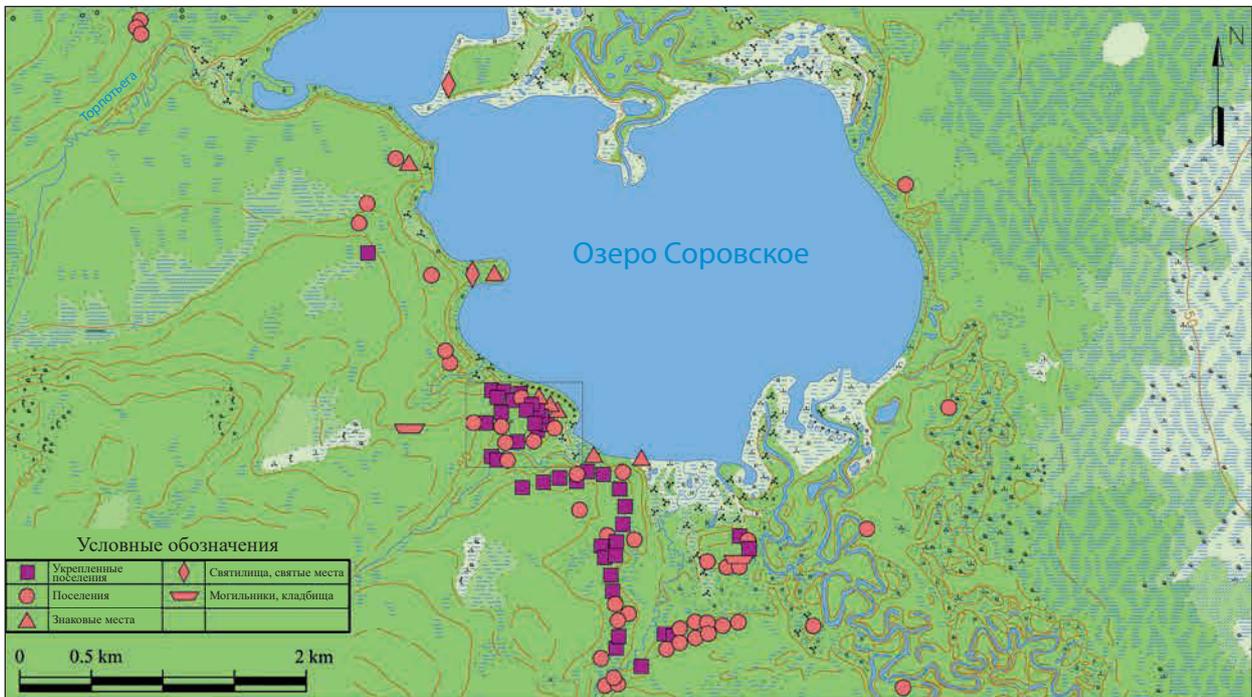

Рис. 3. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Объекты в окрестностях Соровского озера

Fig. 3. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Objects in the vicinity of Sorovskoe Lake

Рис. 4. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Топоплан местности

Fig. 4. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Topographical plan of the area

Рис. 5. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Сорвское 25. Вид с юго-востока

Fig. 5. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 6. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Сорвское 25. Вид с северо-запада

Fig. 6. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

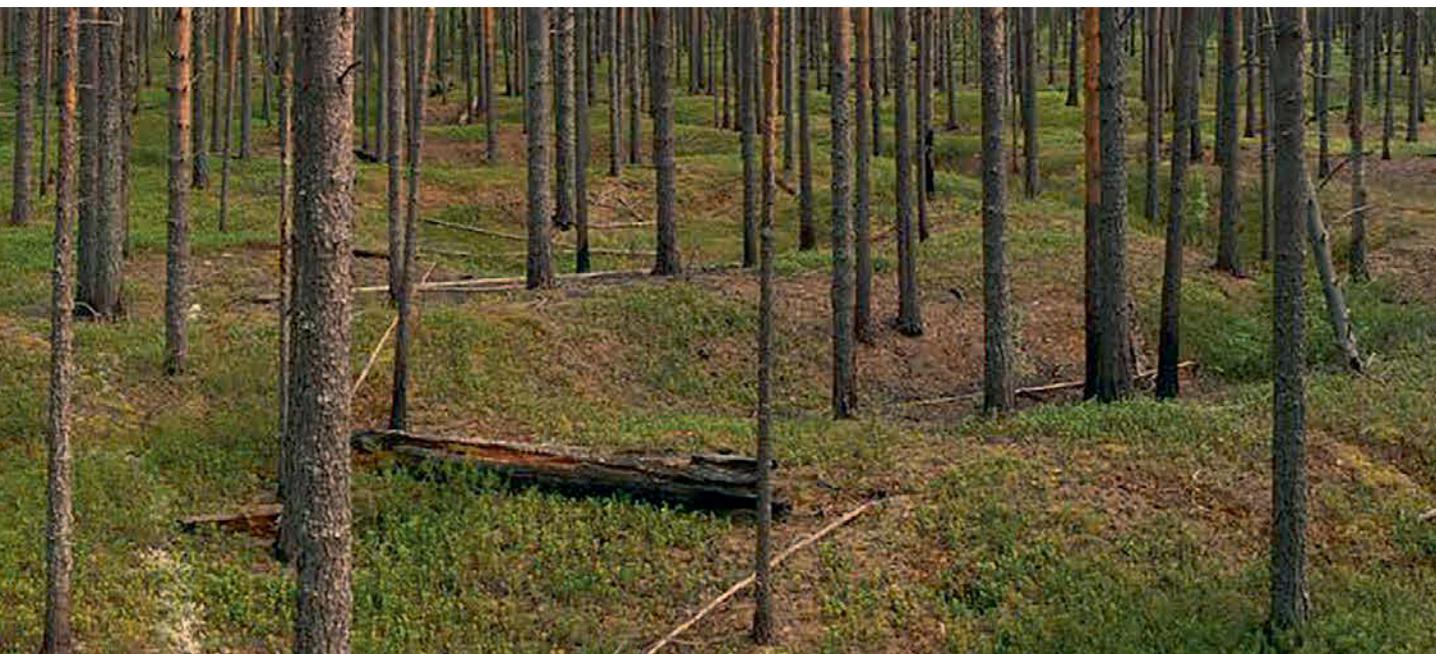

Рис. 7. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 25. Вид с востока

Fig. 7. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 8. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 25. Вид с юго-востока

Fig. 6. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 9. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 25. Вид с запада

Fig. 9. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 10. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 25. Вид с северо-запада

Fig. 10. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 11. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 28. Вид с запада

Fig. 11. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 12 ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 28. Вид с юго-запада

Fig. 12. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 13. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 28. Вид с запада

Fig. 13. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 14 ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 28. Вид с юго-запада

Fig. 14. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 15. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 28. Вид с юго-запада

Fig. 15. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

Рис. 16 ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Городище Соровское 28. Вид с востока

Fig. 16. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex, general view of the area

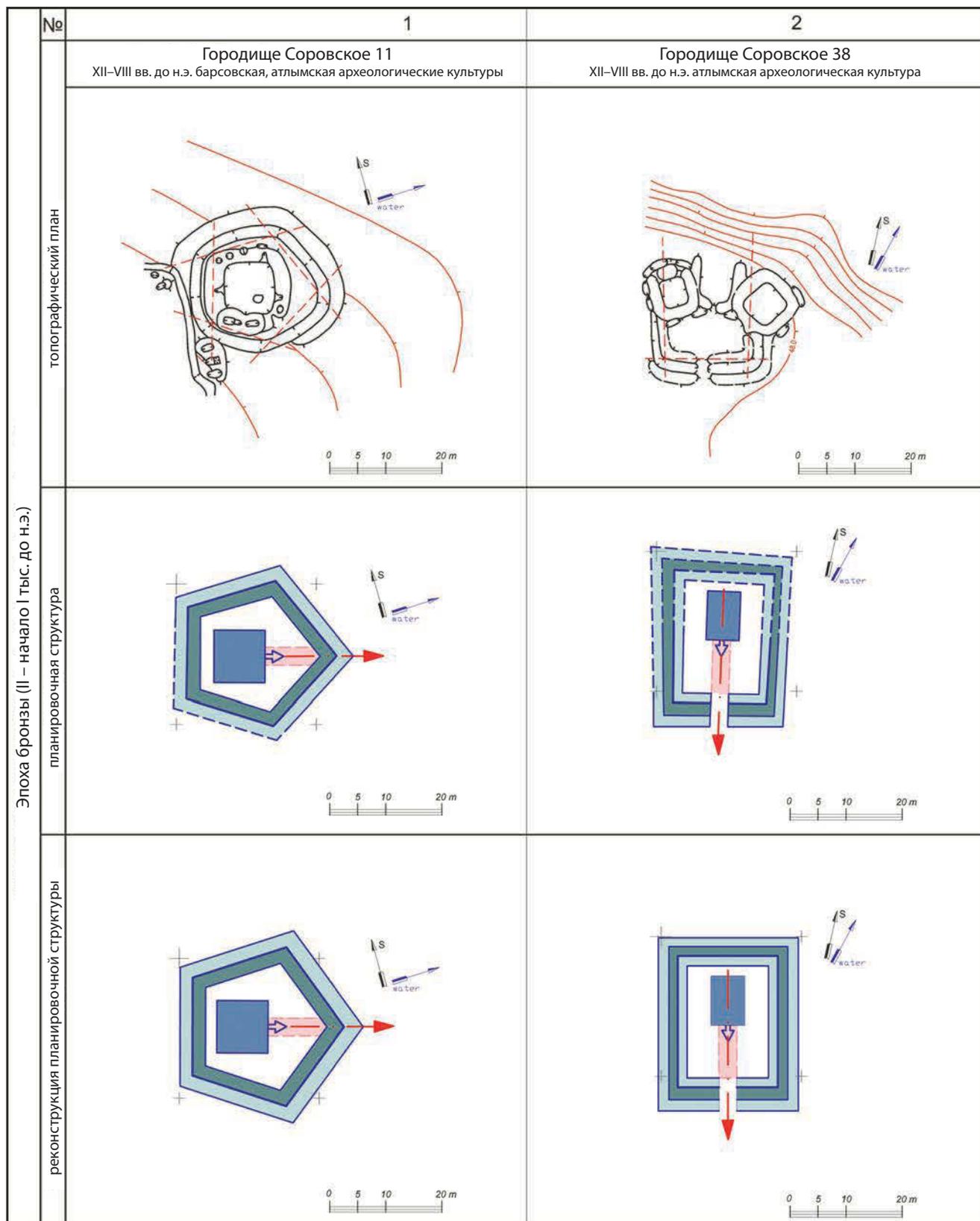

Рис. 17. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». Укрепленные жилища эпохи бронзы

Fig. 17. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense complexes of Bronze Age

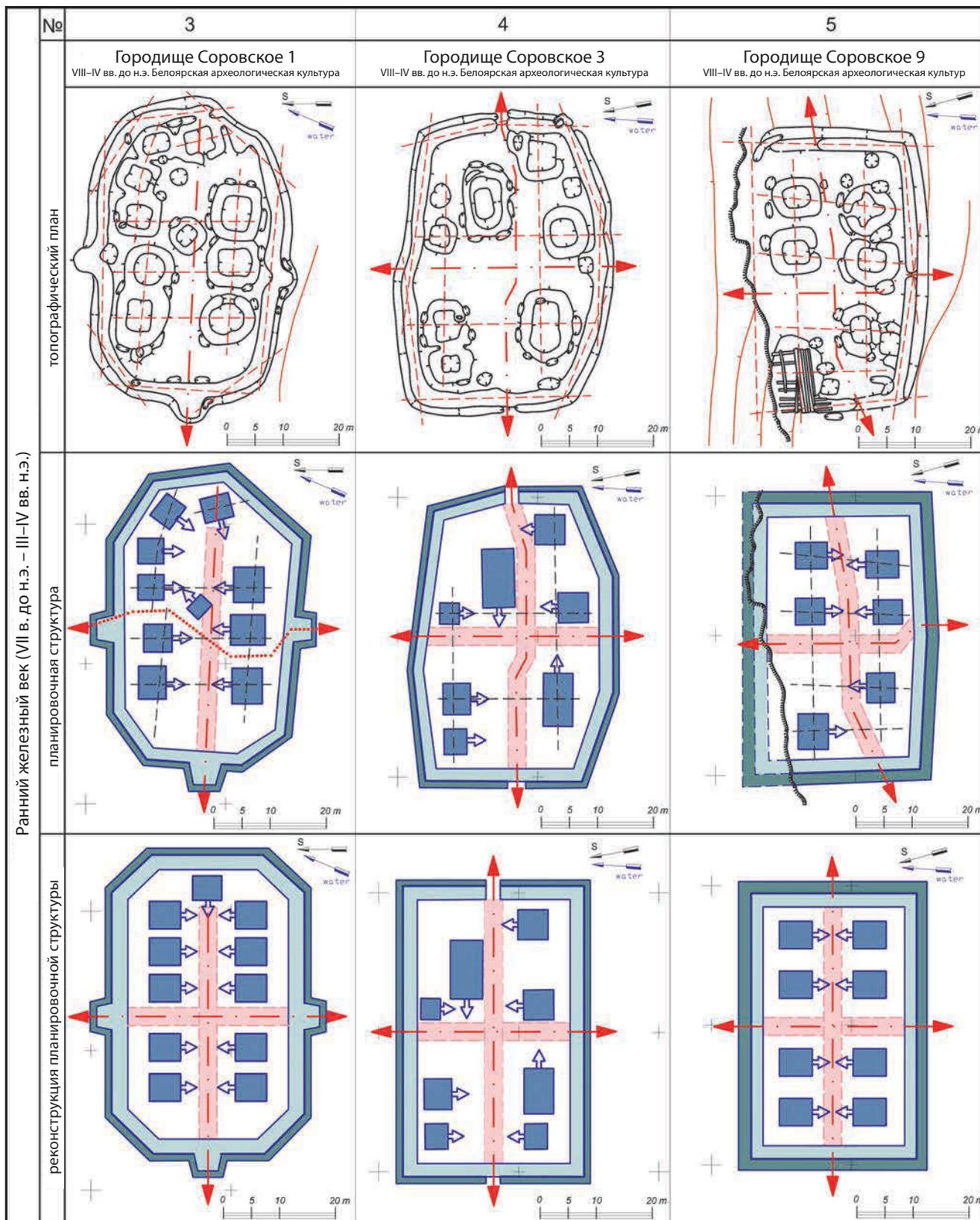

Рис. 18 ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК белоярской археологической культуры

Fig. 18. KhMAO-Yugra, Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Bely Yar archaeological culture

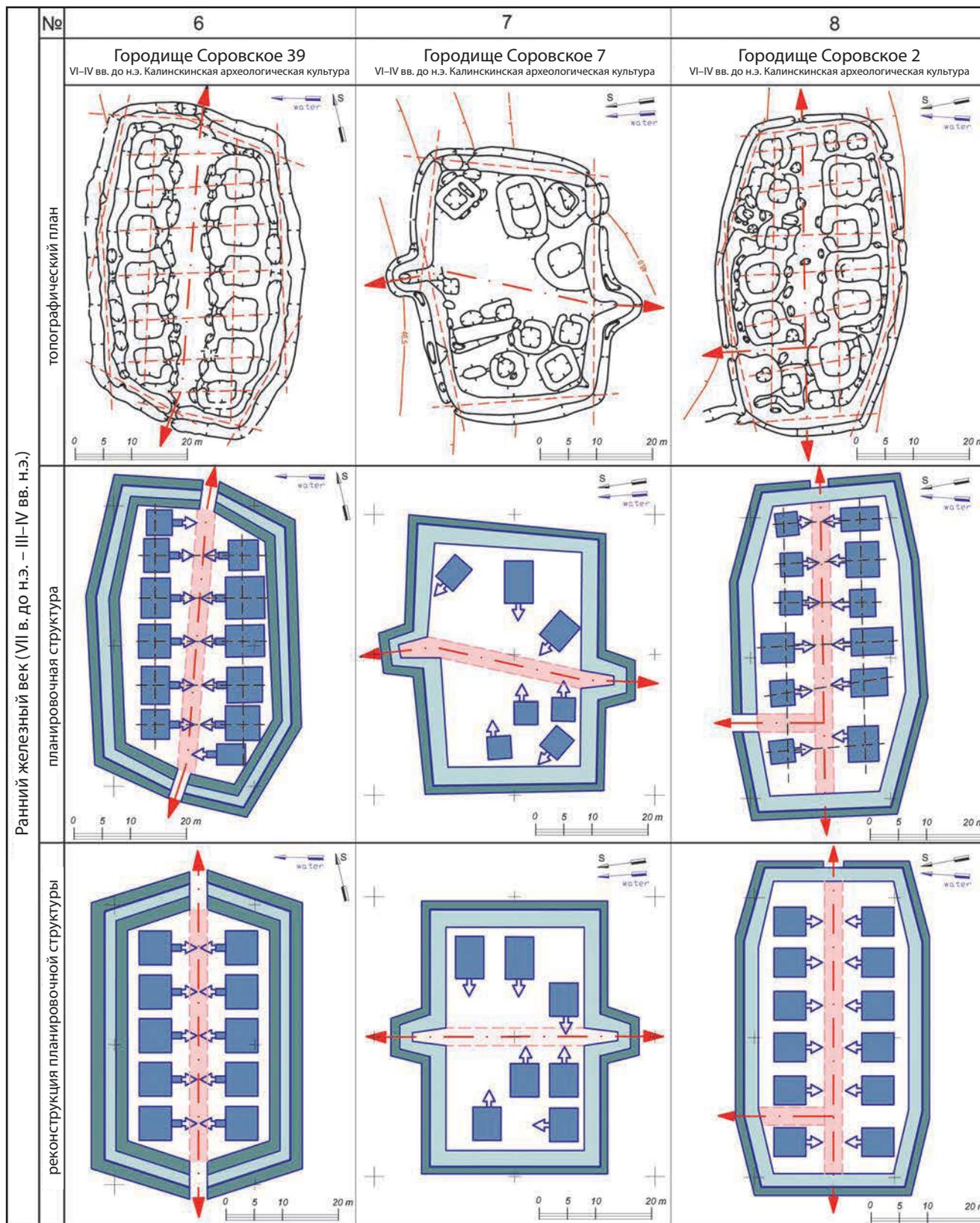

Рис. 19. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК калининской археологической культуры

Fig. 19. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Kalinkinskoye archaeological culture

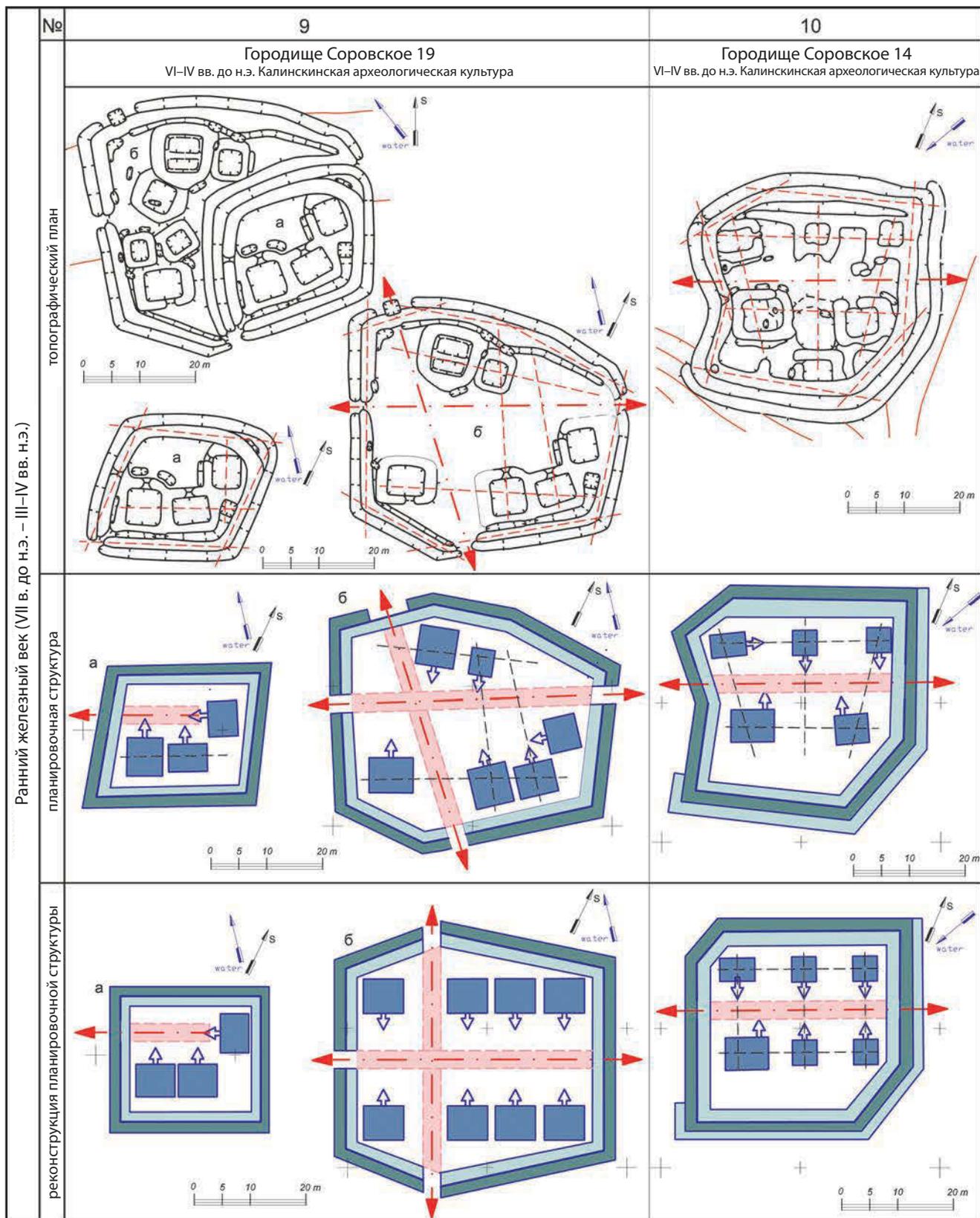

Рис. 20. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК калининской археологической культуры

Fig. 20. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Kalinkinskoye archaeological culture

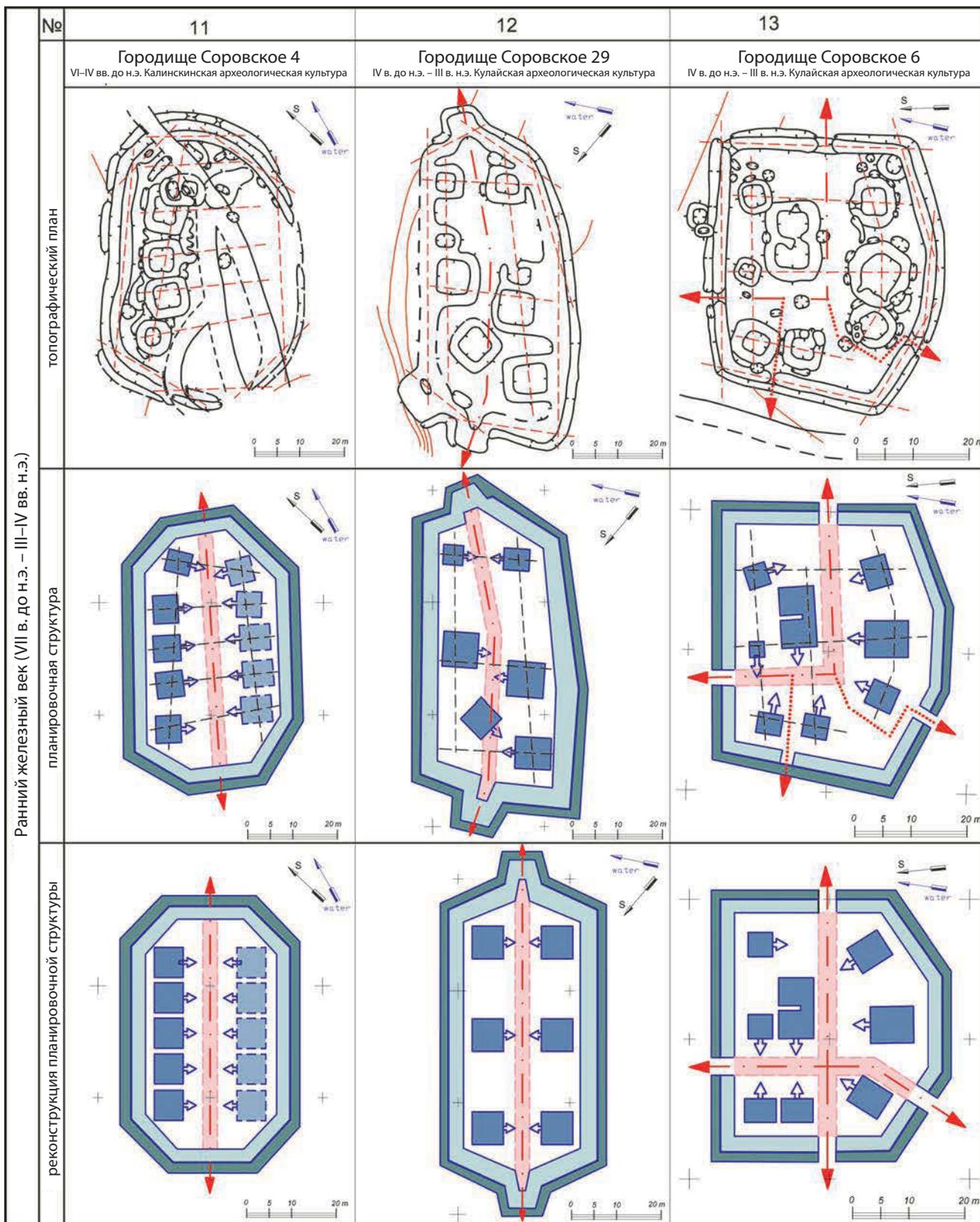

Рис. 21. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК калининской и кулайской археологических культур

Fig. 21. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Kalinkinskoye and Kulay archaeological cultures

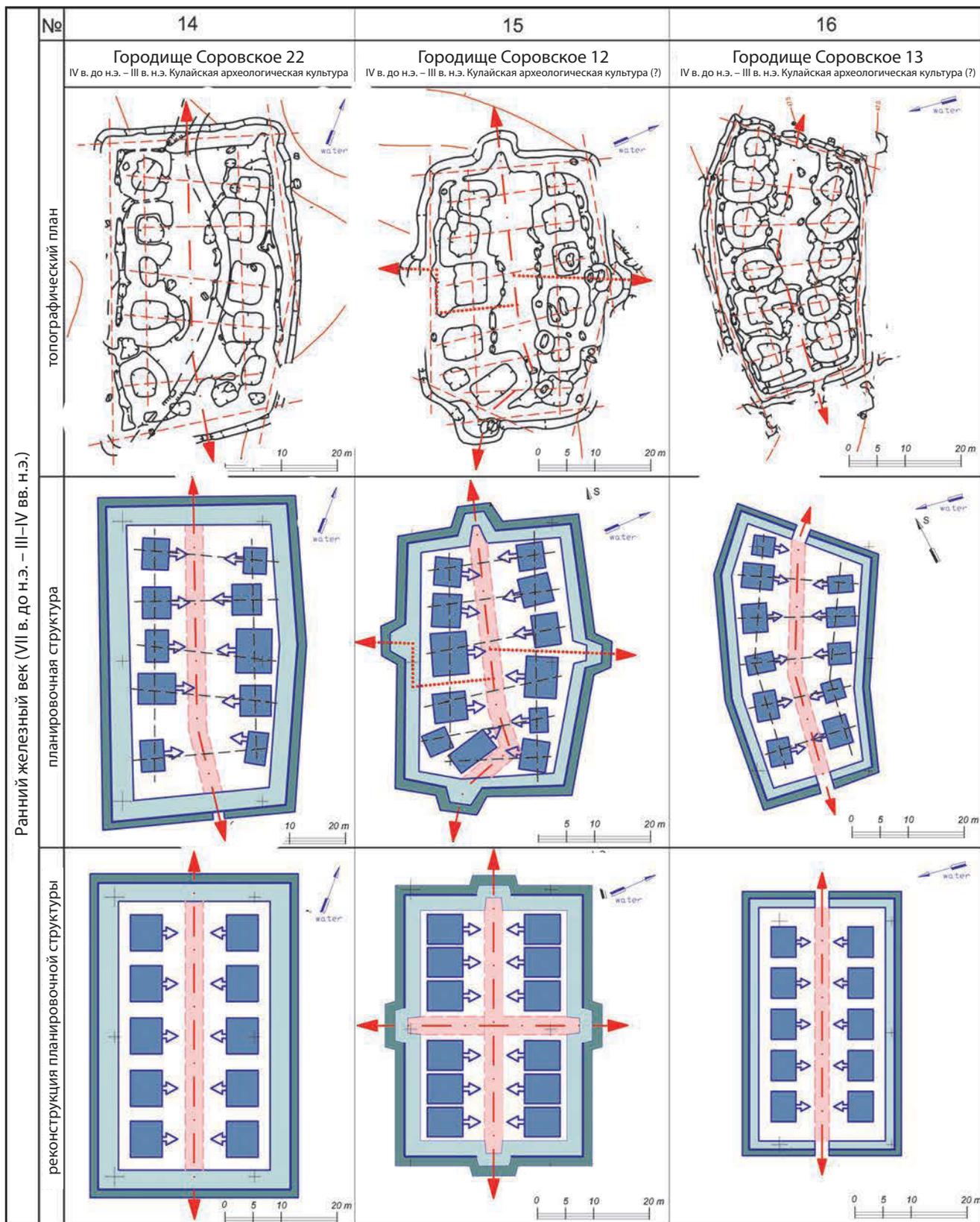

Рис. 22. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК кулайской археологической культуры

Fig. 22. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Kulay archaeological culture

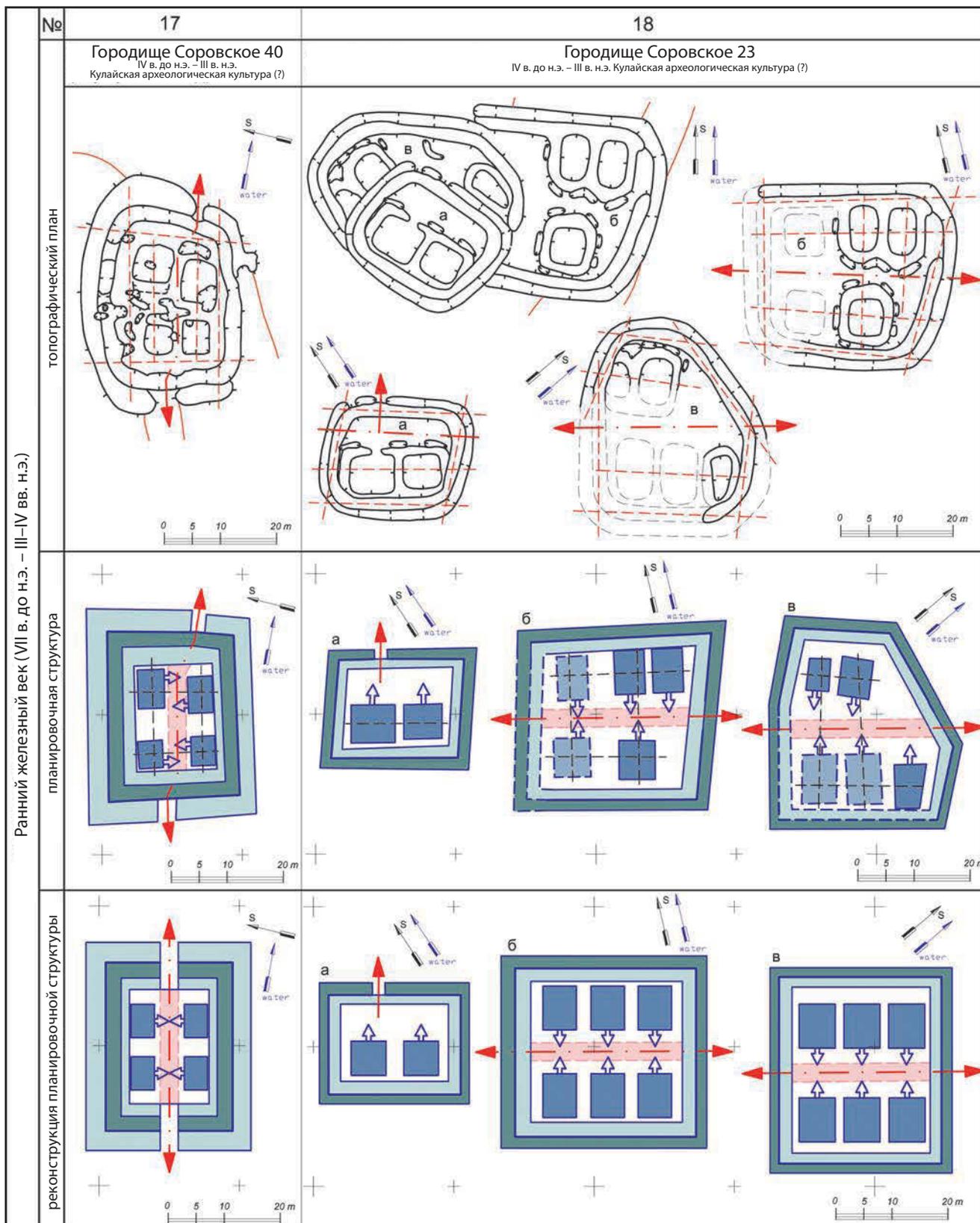

Рис. 23. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК кулайской археологической культуры

Fig. 23. KhMAO-Yugra, Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Kulay archaeological culture

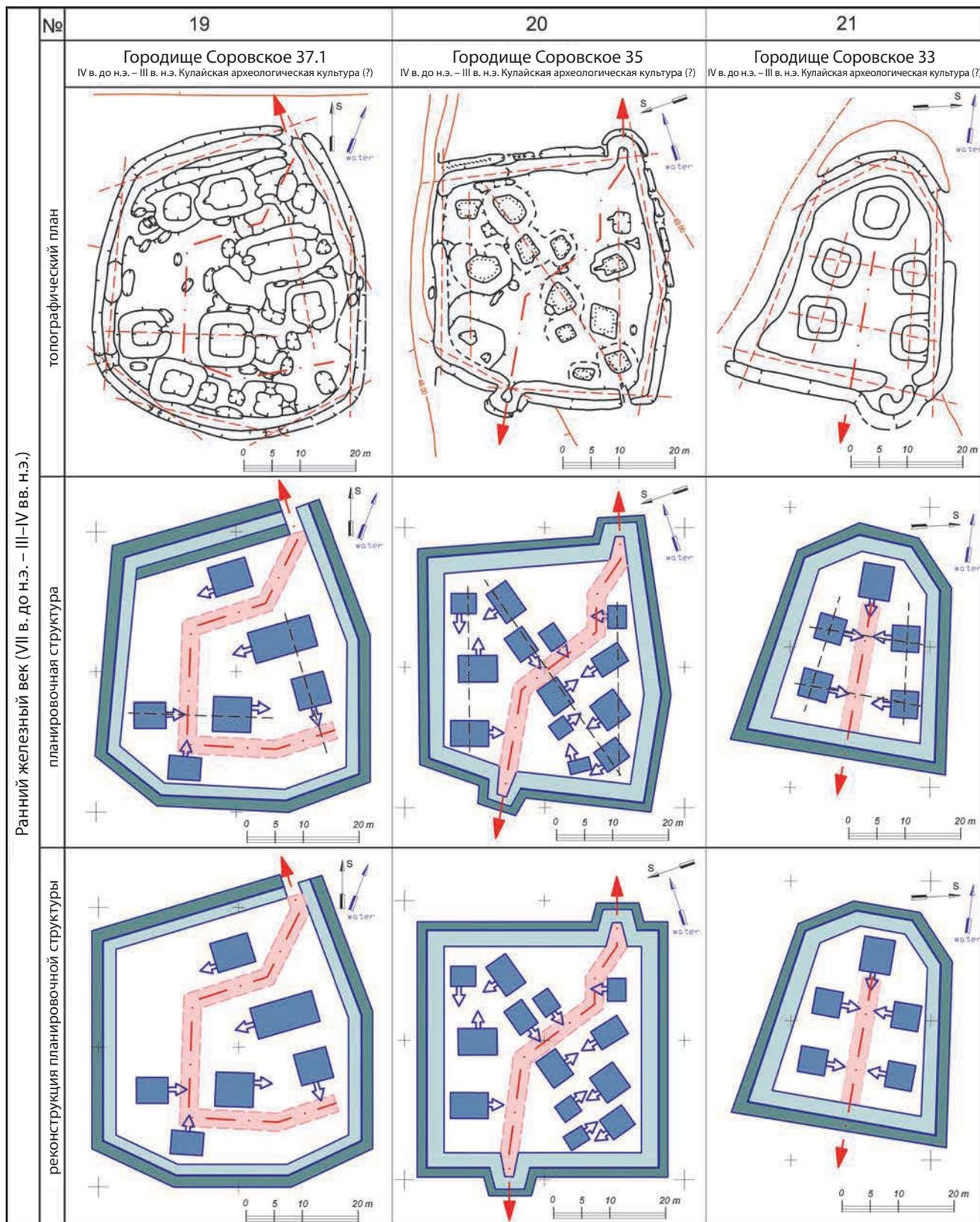

Рис. 24. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК кулайской археологической культуры

Fig. 24. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Kulay archaeological culture

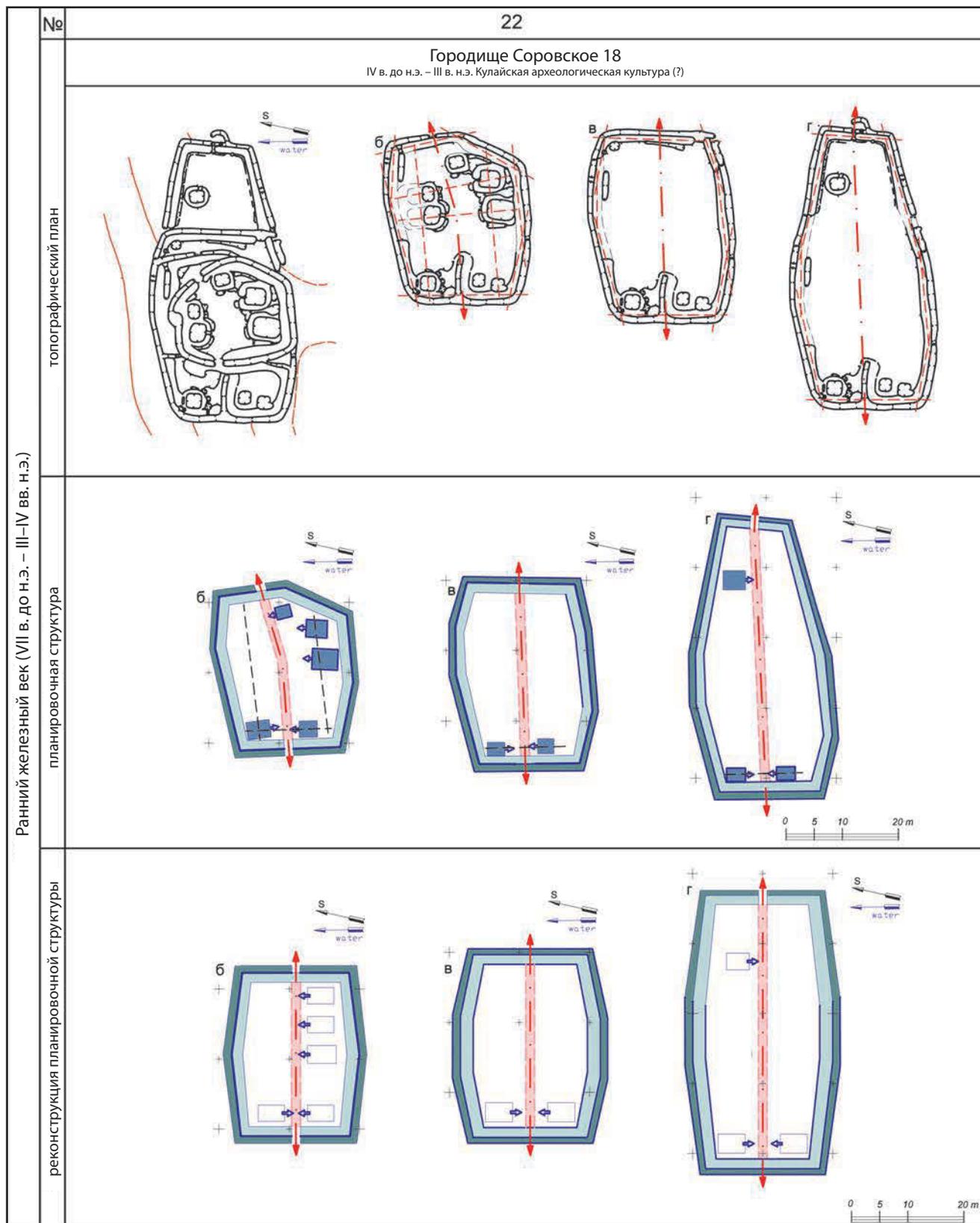

Рис. 25. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК кулайской археологической культуры

Fig. 25. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Kulay archaeological culture

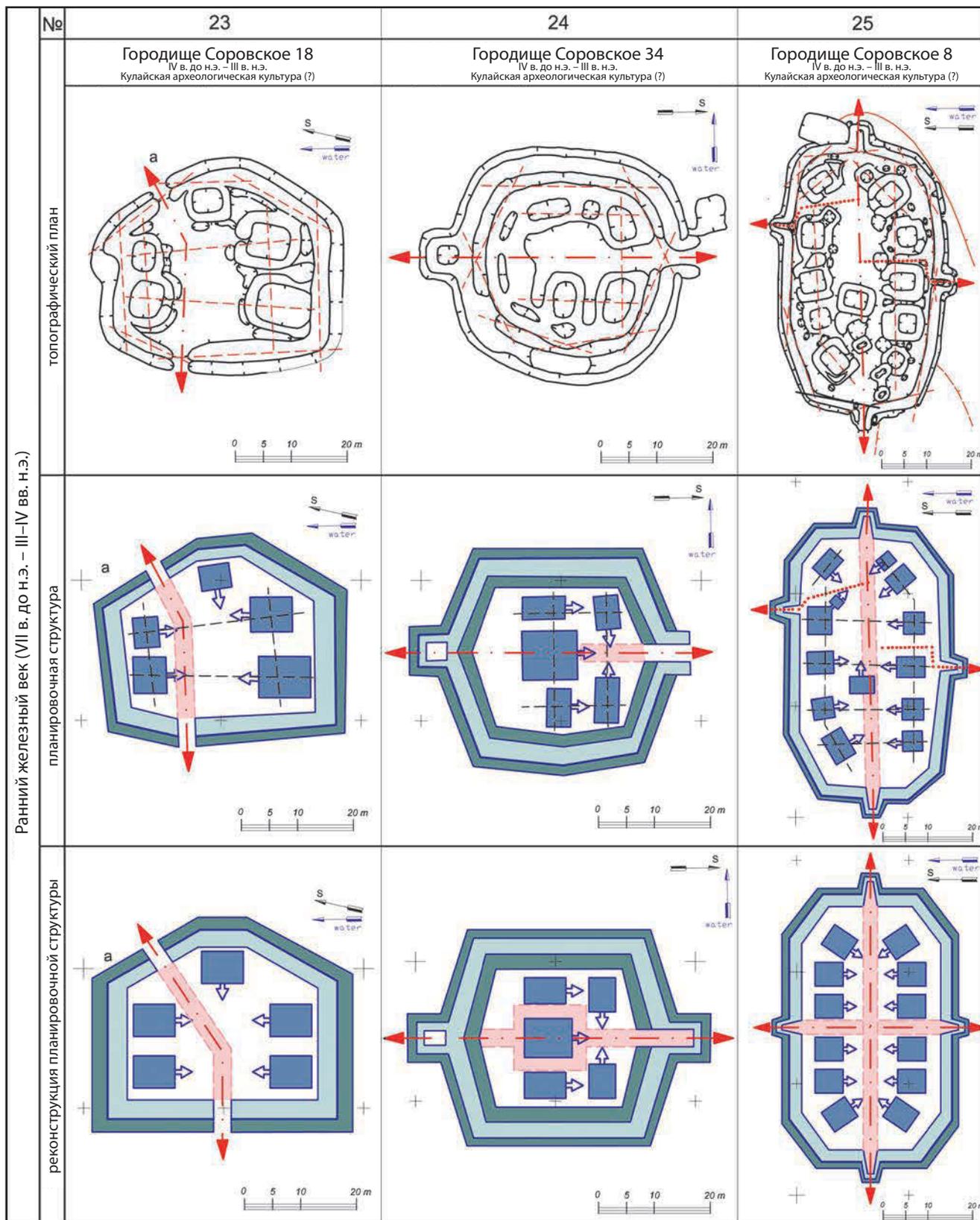

Рис. 26. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК кулайской археологической культуры

Fig. 26. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Kulay archaeological culture

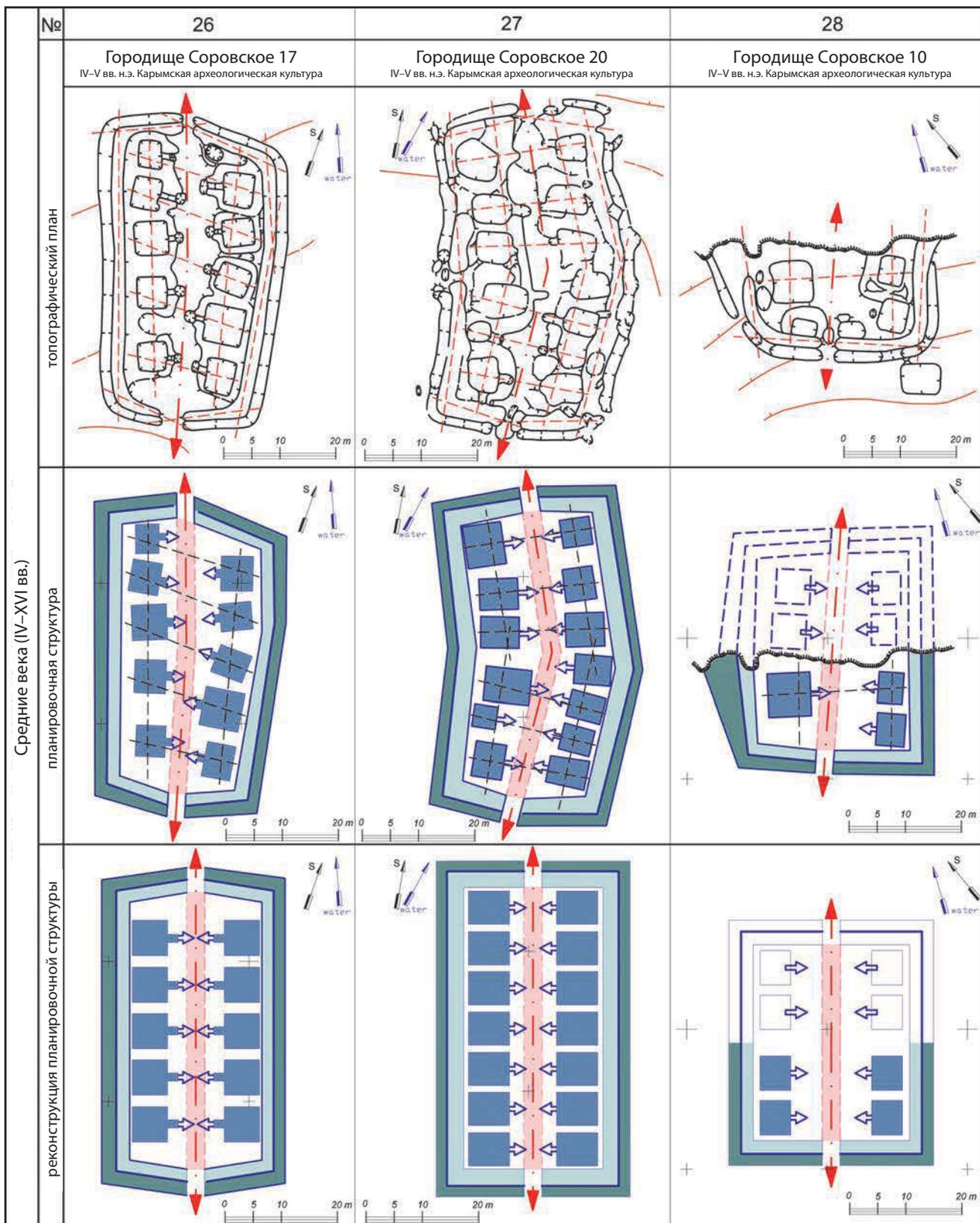

Рис. 27. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК карымской археологической культуры

Fig. 27. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Karym archaeological culture

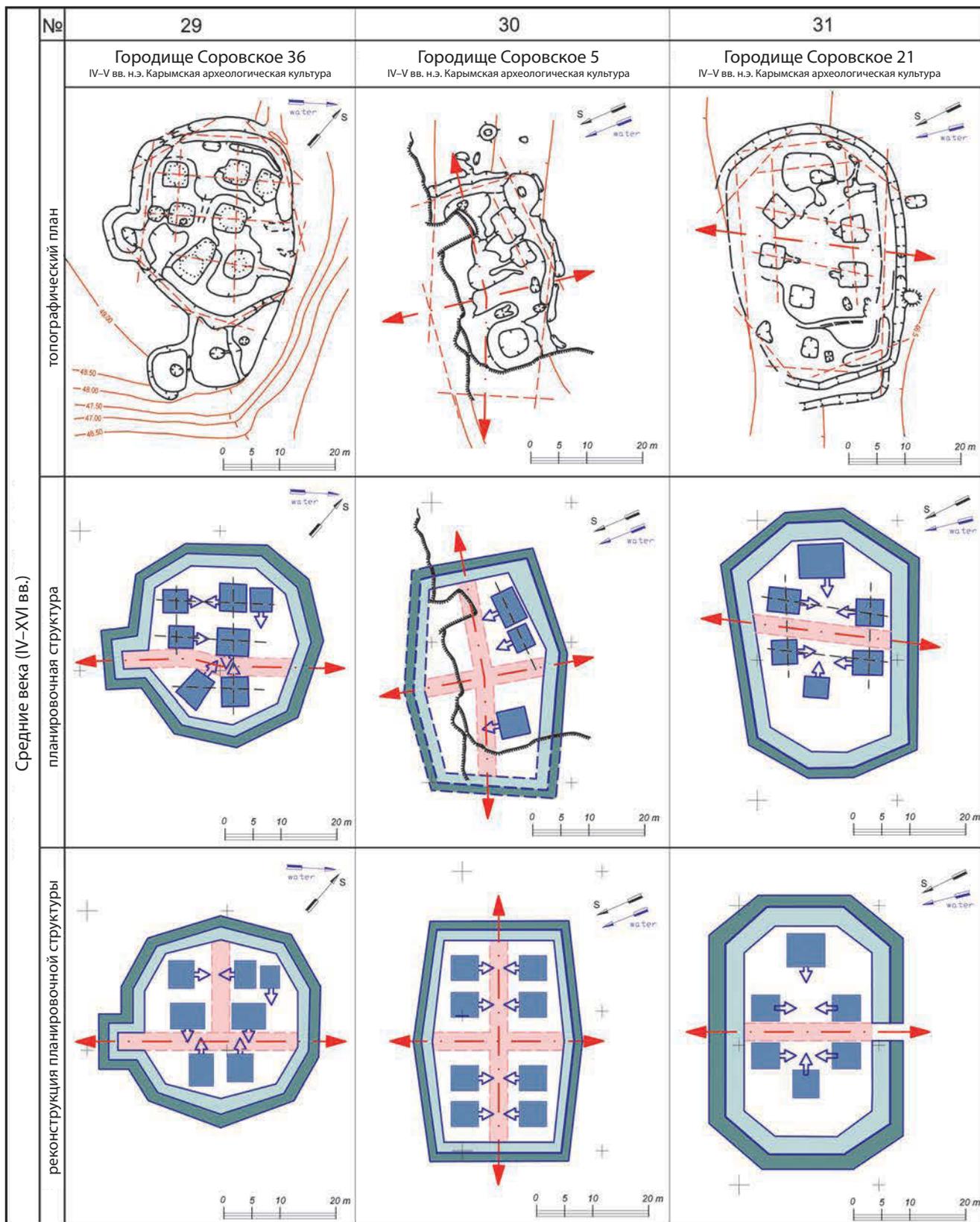

Рис. 28. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК карымской археологической культуры

Fig. 28. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorsovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complex of Karym archaeological culture

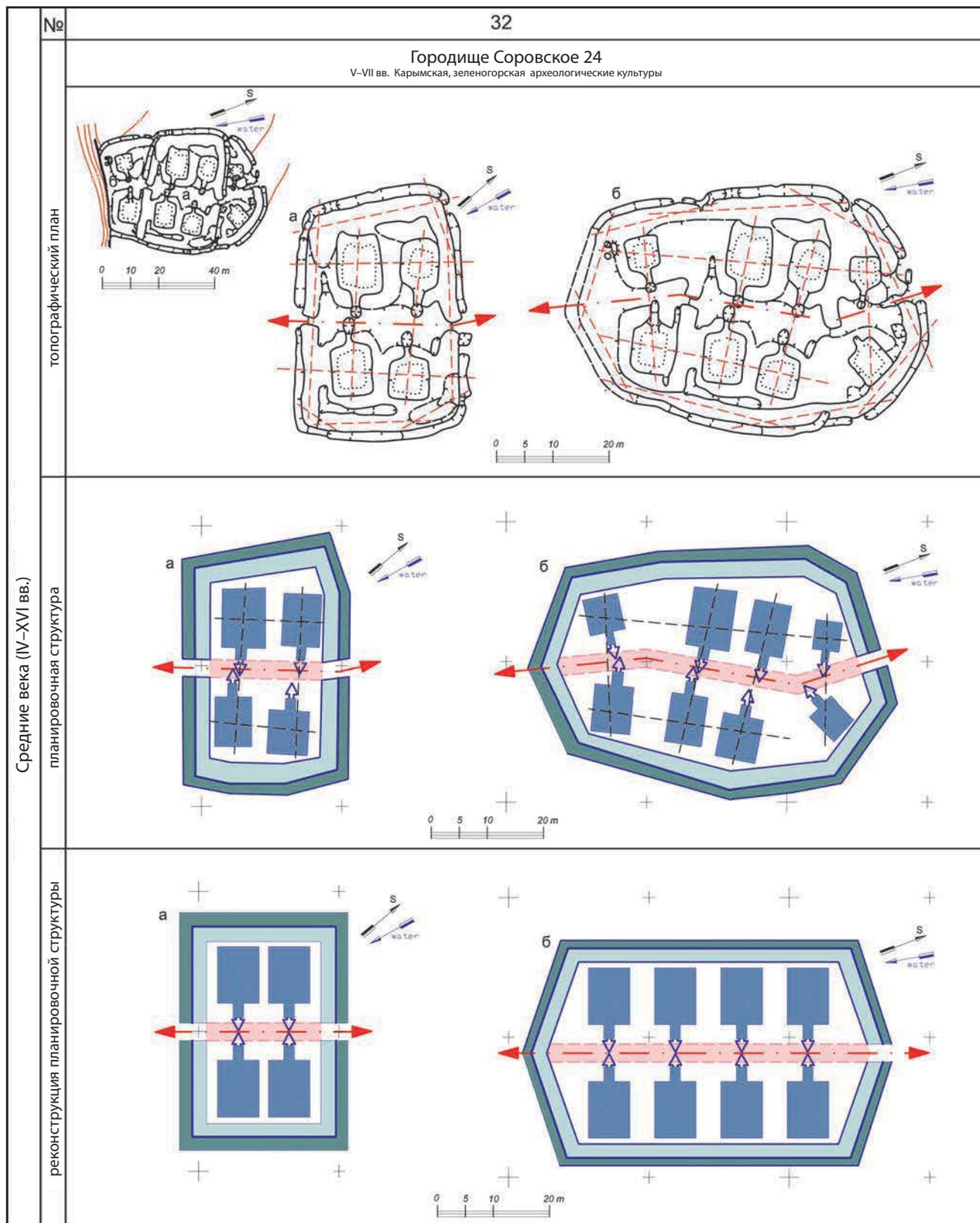

Рис. 29. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК карымской и зеленогорской археологических культур

Fig. 29. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complexes of Karym and Zelenaya gorka archaeological cultures

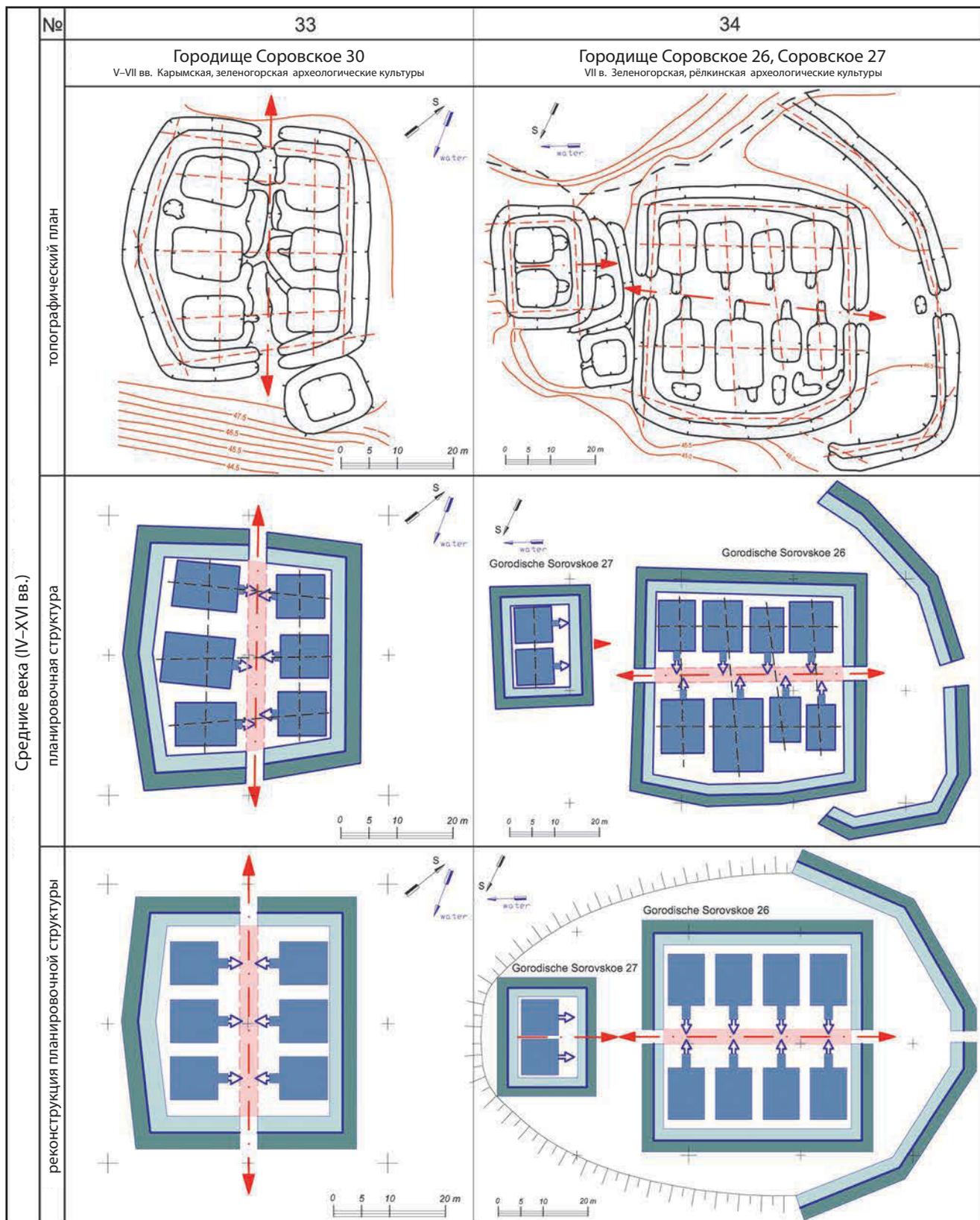

Рис. 30. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК зеленогорской и рёлкинской археологических культур

Fig. 30. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complexes of Zelenaya gorka and Rylka archaeological cultures

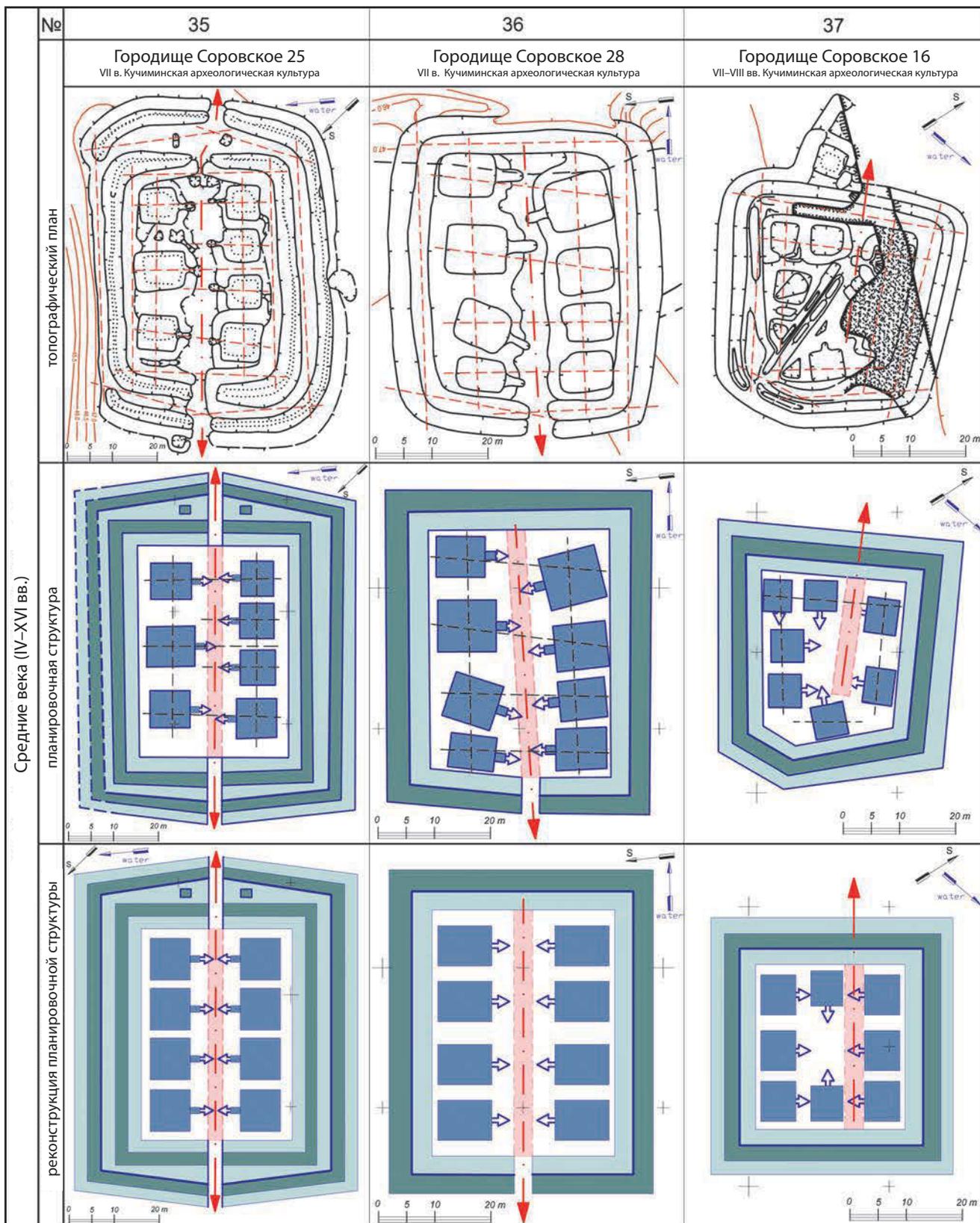

Рис. 31. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК кучиминской археологической культуры

Fig. 31. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complexes of Kuchiminskoye archaeological culture

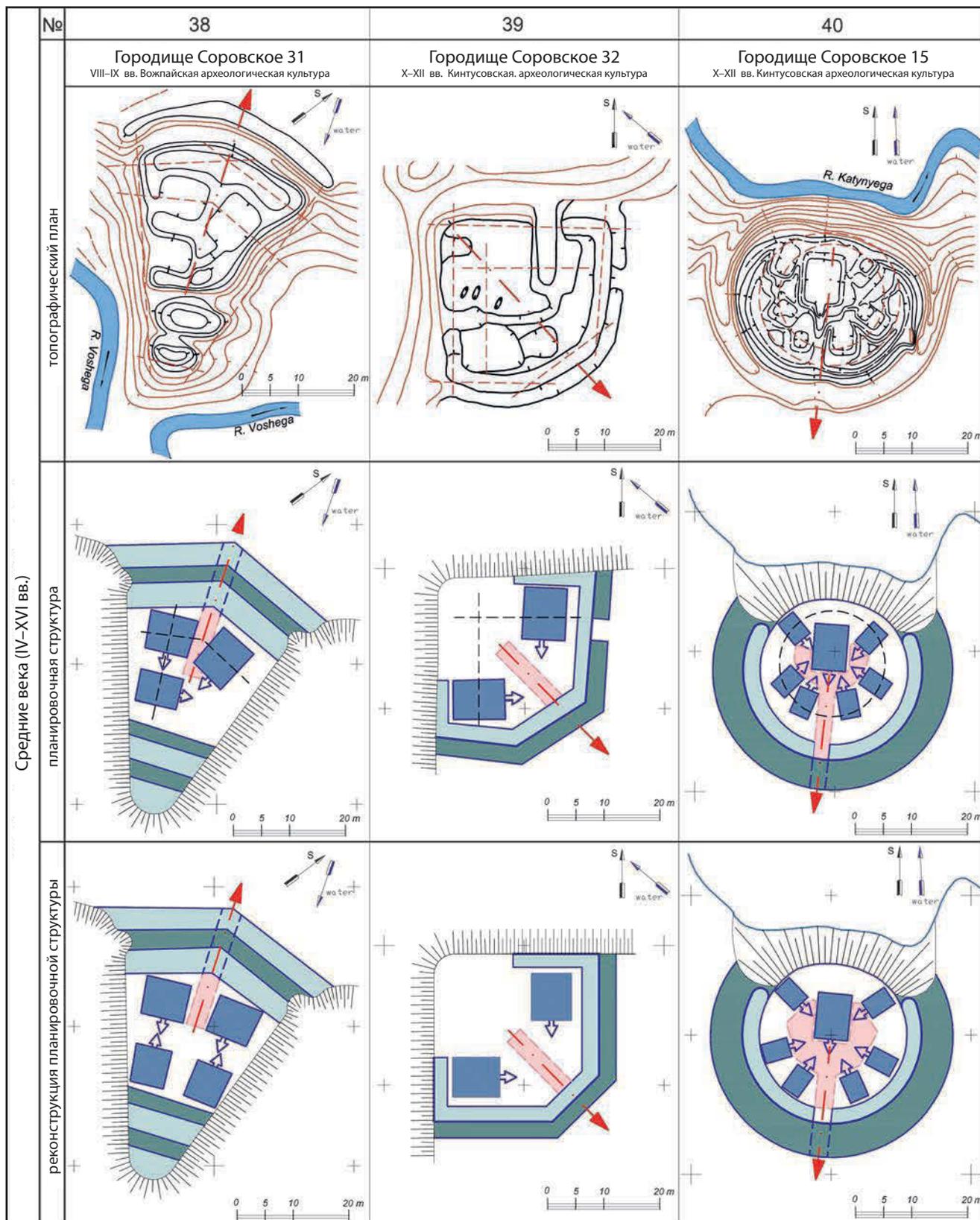

Рис. 32. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Археологический комплекс «Соровские озера». ОЖК возьпайской и кинтусовской археологических культур

Fig. 32. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk District. “Sorovskiye Lakes” archaeological complex. Defense and residential complexes of Vozhpay and Kintusy archaeological cultures

УДК 72.03

DOI 10.31630/2949-3609-2024-3-52-70

Г. П. Визгалов^{1, 2, 3}, Е. Н. Петрова^{1, 3}¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия² Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия³ ООО «НПО «Северная археология – 1», Нефтеюганск, Россия

МЫХКОТ БЛИЗ РАЗРУШЕННОГО СТОЙБИЩА ВАСИЛЬКОВА

Аннотация. В статье приведено описание «земляного дома», руины которого были найдены в 2003 г. В результате раскопок была сделана реконструкция самого древнего и распространенного жилища северных ханты с целью сохранения живой культуры коренных народов Обского Севера.

Abstract. The article describes a ruined “earthen house”, that was found in 2003. As a result of excavations, a reconstruction of the most ancient and widespread dwelling typical for the northern Khanty was made in order to preserve the living culture of the indigenous peoples of the Ob North.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Сургутское Приобье, р. Аган, ханты, «земляной дом», рубка «в обло», реконструкция

Keywords: Western Siberia, Surgut Ob region, Agan River, Khanty, “earth house”, D-shaped saddle notch type of joint, reconstruction

Введение. До прихода русских на территорию Западной Сибири сооружения типа «*мыхкот*» («земляной дом» или «землянка») были распространены практически на всей территории расселения обских угров. Известно, что традиционные формы хозяйственной деятельности обских угров требовали, как правило, полуоседлого образа жизни. Семьи ханты и манси имели зимние поселения, в которых они проживали в течение большей части времени, а в весеннее, летнее и осеннее время переезжали к местам промыслов.

Возникновение подобных жилищ восходит к глубокой древности. Каркасно-столбовые полуземлянки известны на территории Западной Сибири с эпохи неолита. Согласно работам К. Г. Карачарова [Карачаров, 1999] углубленные каркасные постройки с коридоробразным входом появились на исследуемой территории не позднее середины I тыс. н. э. и получили широкое распространение в эпоху Средневековья. Полуземлянки с различными вариантами крепления кровли известны у манси Северной Сосьвы и Пельма. По этнографическим данным, земляные дома подобной конструкции строились на реках Ваха и Васюган [Сирелиус, 2001. С. 161–164, 211; Соколова, 1998. С. 27, 37; Шатилов, 2000. С. 68–70; Кулемзин, Лукина, 1977. С. 73, 74]. На территории р. Аган традиция строительства земляных домов просуществовала значительно дольше: последние «*мыхкоты*» на данной территории были заброшены 50–60 лет назад. Возникновение же таких жилищ восходит к глубокой древности.

Для обозначения небольших сезонных поселений ханты в настоящее время в литературе обычно применяется термин «стойбище», которое мы и будем использовать. По Д. Н. Ушакову, стойбище – стоянка, становище кочевников [Толковый словарь..., 1935; Толковый словарь..., 1940]. Однако сезонные поселения

ханты р. Юган часто именовались юртами. По мнению З. П. Соколовой, татарское слово «юрты» для названия селений стала использовать русская администрация [Соколова, 2009. С. 152]. Широкое расселение обских угров, разнообразие их хозяйственно-культурных типов обусловило и большое разнообразие построек. У ханты насчитывалось почти сорок различных типов жилищ. При этом в историко-этнографическом атласе Сибири у ханты перечисляются всего около полутора десятков типов жилищ, а у манси – восемь. Форма и конструкция жилищ были обусловлены типом поселения, который, в свою очередь, был связан с образом жизни, с характером оседлости [Поселения..., 2015].

Цель данной статьи – определить основные элементы конструкции *мыхкота* и, опираясь на полученные сведения из этнографических источников, реконструировать постройку такого жилища.

Для этого в 2003 г. были обследованы стойбища ханты на правом берегу р. Аган: заброшенные стойбища М. П. Лейкова (61°45'41,2" СШ, 75°51'41,4" ВД), С. В. Василькова (61°46'57" СШ, 75°58' 47,6" ВД), старое стойбище Василия Айпина и зимние стойбища Д. И. Айпина и братьев Лейковых (61°45 '59,2" СШ, 75°53 '27,2" ВД).

По результатам первичного осмотра объекты были интерпретированы как развалины *мыхкота*, или «земляного дома». Типологически *мыхкоты* относятся к каркасным полуземлянкам усеченно-пирамидального типа. Данный тип жилищ представляет огромный интерес, с одной стороны, как пример архаичного, исчезающего типа, а с другой – как одного из самых распространенных типов зимних жилищ остяков Сургутского Приобья [Патканов, 1999. С. 58]. Для уточнения конструктивного решения с целью дальнейшей реконструкции остатки *мыхкота* были расчищены от растительности, зафиксированы и разобраны до основания.

Описание мыхкота. На момент обнаружения постройка полностью разрушена. Руины заросли мелкой сосной, багульником, брусничником, зеленым мхом. Визуально постройка фиксировалась в виде впадины четырехугольной формы размерами $6,5 \times 6,5$ м и глубиной 40 см. По периметру впадина окружена валообразной насыпью шириной до 1,8 м и высотой 30–60 см, с юго-восточной стороны которой фиксировался разрыв длиной в 1,4 м, маркирующий вход в жилище.

Внутри котлована сохранились фрагменты деревянных конструкций сооружения: завалившиеся стойки в виде массивных бревен, жерди – элементы кровли и стен и колотые плахи – элементы стен. В восточной части котлована имеет четкую форму, что свидетельствует о наличии в его основании горизонтально уложенных бревен. В юго-восточной части сохранились два столба, установленных под углом к котловану, имеющих продольный паз с юго-восточной стороны. Они, вероятно, и являлись частью заплотной конструкции «входной группы». В юго-западном углу впадины отмечено скопление колотых бревен, сложенных поленницей. В 1,5 м к юго-востоку от впадины расположены остатки срубной конструкции. От нее сохранилось шесть венцов, выполненных в смешанной технике строительства. Бревенчатые стены постройки имеют П-образную форму, срублены в углах «в обло» с остатком.

Главным является юго-восточный фасад, так как здесь располагался вход в постройку. Противоположные концы бревен стен, перпендикулярных главному (юго-восточному) фасаду, подгесаны, что свидетельствует об их фиксации в заплотной конструкции. Заплотный столб – вертикально установленное бревно высотой 1,45 м, стесанное на четыре канта, сохранилось с восточной стороны бревенчатой конструкции. Данный столб имеет продольные пазы с юго-восточной и северо-западной сторон. Заплотный наклонный столб, расположенный на краю котлована, и столб срубной конструкции находятся на одной линии. Все это, как и незначительное расстояние между впадиной и остатками срубной конструкции, позволяет предположить, что изначально они являлись частью единой постройки.

В результате натурных работ было установлено, что объект состоял из «прируба-сеней», «тамбура» и собственно самого жилого объема, расположенных симметрично относительно центральной оси, вытянутой в направлении юго-запад – северо-восток.

В основании жилой части постройки уложена рама размерами $6,2 \times 5,8$ м. Она выполнена из стесанных на четыре канта бревен сечением 18×18 см, соединенных в углах в паз, выбранный в нижних поперечных бревнах. Рама уложена на заранее подготовленную площадку, с которой предварительно был удален дерн на глубину около 15 см. Центральная часть бревна с юго-восточной стороны имеет плохую степень сохранности и меньшее сечение по высоте, что является свидетельством существования здесь входа и выборки части

бревна под порог. Каких-либо конструктивных элементов, имеющих отношение к дверям или дверной колоде, не зафиксировано. Согласно этнографическим данным обычно дверная коробка имела размеры $1,5 \times 0,6$ м и крепилась под наклоном в распор между бревном рамы и перекладиной-связью, установленной между фронтальными столбами. Дверь набиралась из досок, стянутых врезными продольными шпонками. С одной стороны дверь имела вертикальные выпуски, которые заводились в глухие отверстия, выбранные в пороге и верхней детали колоды, так называемые пяты.

В котловане в ходе расчистки были обнаружены 12 опорных столбов. Установлено, что они были вкопаны с внешней стороны рамы на глубину от 70 до 90 см. В процессе руинирования стойки каркаса у основания рамы сгнили и обвалились внутрь помещения, что говорит о том, что каркас был установлен не вертикально, а под наклоном. Стойки выполнены из бревен, стесанных на четыре канта. Опорные столбы, расположенные вдоль продольных и поперечных стен, имеют размеры сечения 21×18 см, а угловые – 18×18 см. Высота четырех несущих столбов составляет 3,05 м. Они расположены попарно вдоль боковых продольных (северо-восточной и юго-западной) сторон так, что точка стояния делит сторону на три условно равные части ($2,0/1,8/2,0$ м). Столбы в верхней части имеют вилкообразную конструкцию, образованную за счет паза для крепления балок в так называемый «сквозной открытый шип». Пазы были тщательно измерены, и при проведении графических исследований сделан вывод, что угол наклона стоек от вертикальной оси составлял около 36 градусов. Пары столбов вместе с балкой имели вид трапеции и формировали основной фасад. В верхней части столбов в ходе обследования обнаружены глухие пазы для крепления распорок, которые не позволяли трапециевидной раме каркаса заваливаться под давлением передней и задней стен. Следующие четыре столба высотой 3,18 м установлены наклонно под углом в 40 градусов вдоль передней и задней (юго-восточной и северо-западной) стен в точках, делящих данную сторону на три условно равные части ($2/2,2/2$ м). Данные столбы в верхней части имеют подтесы с внутренней стороны для опоры на балку трапециевидной рамы. Опорные столбы высотой 3,58 м, установленные по углам котлована, прикрепляются вершинами к уже установленным опорным столбам, о чем также свидетельствуют подтесы в верхней части опор.

По периметру каркаса сохранились остатки вертикально поставленных плах – бревен, расколотых надвое в продольном направлении. Средняя ширина плах составляет 20–21 см. С северо-восточной стороны сохранилась тонкая жердь, служащая горизонтальной обвязкой для дополнительной опоры стеновой конструкции. Согласно этнографическим данным таких жердей с задней и боковых сторон обычно устраивалось две, а со стороны входа – одна.

При расчистке котлована жилища каких-либо элементов конструкции перекрытия не выявлено. Однако известно, что перекрытие также набиралось из плах, которые укладывались вдоль основной оси постройки. Чаще всего именно в перекрытии устраивалось окно. Согласно этнографическим данным, представленным А. В. Головневым [Головнев, 1993], размер окна зависел от размера бубна, имеющегося в семье. Данное окно в потолке помимо утилитарной функции освещения помещения имело еще и сакральное значение.

Также необходимо отметить, что степень обветшания и руинирования конструктивных элементов постройки происходит с разной скоростью. В первую очередь разрушается кровля и ее составляющие, а также основание постройки, если оно не засыпано землей. Кроме того, процесс гниения древесины происходит быстрее с северо-восточной стороны, т. к. здесь практически отсутствует солнце. Хорошую сохранность стоек каркаса можно объяснить высоким качеством их изготовления, а также тем, что они пропитывались копытью и жиром, что явилось естественным консервантом.

Внутри помещения вдоль боковой (юго-западной) и задней (северо-западной) стен и в юго-восточном углу жилища зафиксированы остатки нар. Ширина нар, расположенных слева и справа от входа, составляет 1,7 м, вдоль задней стены – 1,9 м. Нары образованы за счет выборки грунта в центральной части, ближе к входу, на глубину 25–30 см. С целью предотвращения осыпания грунта по периметру с внутренней стороны конструкция нар ограничена плахами, уложенными на ребро. С правой стороны у боковой (северо-восточной) стены по центру расположены остатки печи типа чувала, сохранившиеся в виде фрагментов каркаса, глины и углей. При расчистке чувала установлено, что его основание расположено на 10 см выше, чем пол жилища. Каркас чувала составляли жерди диаметром 6 см, установленные на расстоянии 25 см друг от друга. Размер чувала в основании 1,3 × 1,6 м, он был развернут относительно продольной оси на 45 градусов.

В ходе обследования установлено, что пол был земляной. Нары также не имели покрытия из жердей или досок. У задней стены в нарах обнаружен приклад, характерный для данной территории, в виде вкопанного ведра. Слева от входа на расстоянии в 1,7 м зафиксировано четыре столбовые ямки, глубиной около 10 см от вертикально вкопанных жердей диаметром 6 см, отделяющих дровяник от жилой части помещения.

С юго-восточной стороны от жилого объема, с его внешней стороны, сохранились два столба, установленных под углом к котловану, имеющих продольный паз с юго-восточной стороны и являющихся частью заплотной конструкции «входной группы». С уверенностью можно сказать, что они опирались на стену жилого объема, но при этом были вкопаны как минимум на глубину в 70 см, т. к. даже после разрушения несущих конструкций *мыхкота* один из столбов остался на своем месте. Между данными столбами на уровне земли перед вхо-

дом были зафиксированы остатки настила, состоящего из трех сильно истлевших досок шириной около 30 см и двух лаг в полбревна диаметром 8 см. Каких-либо иных конструкций, имеющих отношение к устройству «тамбура», зафиксировать не удалось. Но, исходя из того, что основу конструктивного решения «тамбура» составляют заплотные столбы, стены, скорее всего, представляли собой бревна с подтесами на концах.

При более детальном изучении остатков срубной конструкции, расположенной к юго-востоку от основного жилого объема, установлено, что прируб в плане имел размеры 3,0 × 3,0 м и был поставлен «на пошву» без фундамента. Нижними являются продольные бревна, нижние венцы не сохранились. С учетом высоты заплотного столба, равной 1,60 м, и среднего диаметра 15 см, можно предположить, что сруб состоял из 11 венцов. Деревянные срубы, изготовленные на данной территории, как правило, имели нечетное количество венцов, число которых было 9 или 11. Высота постройки до конька кровли не превышала 1,9 м. Вход в постройку располагался с юго-восточной стороны, концы бревен имеют характерные подтесы для крепления дверной колоды, однако остатков косяков и дверного полотна не найдено. Скорее всего, в торцах бревен входа было установлено бревно, стесанное на два канта чуть меньшего диаметра, чем бревна сруба, или доска, для чего в верхнем и нижнем бревне проема был выбран паз в четверть бревна. Вход в «тамбур» обычно закрывался легкой дверью, сделанной из жердей и крепящейся к стойке дверного косяка на ремнях, чтобы не заходили олени. Каких-либо элементов конструкций, говорящих об устройстве кровли, не удалось обнаружить. Предположительно, кровля была двускатная, самцово-слеговой конструкции, с уклоном в 15 градусов. В качестве кровельного материала, скорее всего, использовалась сосновая дранка – дощечки шириной 4–5 см и толщиной в 0,5 см, уложенные поверх слег по скату крыши на расстоянии 10 см одна от другой. Поверх обрешетки внахлест укладывались берестяные маты, укрепленные сверху гнетом из бревен и жердей. Согласно этнографическим данным крыша именно такой конструкции использовалась для покрытия срубных построек хозяйственного назначения.

О том, что прируб имел хозяйственное назначение, свидетельствуют сохранившиеся в пятом венце справа и слева от входа пазы для крепления вешал и остатки самих вешал, идущих в продольном направлении вдоль боковых стен. С противоположного конца вешала опирались на перекладину, перекинутую перпендикулярно вешалам в районе заплотных столбов. Кроме того, венцом выше прямо над входом зафиксированы остатки хозяйственной полки в виде узкой доски шириной 10 см, установленной, скорее всего, на распор.

Выводы. Таким образом, в результате проведенных работ получены сведения об основных элементах конструкции. Отсутствующие элементы были восполнены по материалам, содержащимся в этнографических источниках и литературе, посвященной данной тематике.

Опираясь на полученные сведения, постройку реконструировали как двухкамерное жилище, состоящее из холодного прируба и непосредственно жилой части, обогреваемой чувалом. Основной объем представляет каркасно-столбовое сооружение в форме усеченной пирамиды с прямоугольным основанием. С юго-восточной стороны основного объема к нему примыкает прируб, выполненный в смешанной

технике строительства. Данный объект является свидетельством сохранения живой культуры коренных народов Обского Севера.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта НИР СурГУ № 2023-227-18 «Югорская археология и этнография: сохранение и изучение культурного наследия в условиях нефтегазового освоения Севера».

Литература и источники

Источники

1. **Карачаров К. Г.** Отчет о НИР «Исследование поселения Сырой Аган 6 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1999 г.». Нефтеюганск, 1999 // Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 33.
2. Поселения, постройки, средства передвижения, орудия труда народов Югры: альбом этнографических рисунков / ред.-сост. Т. А. Молданова. Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2015. 240 с.
3. **Сирелиус У. Т.** Путешествие к хантам. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001. 342 с.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935. Т. 1. 1562 с.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935. Т. 4. 1500 с.

Литература

6. **Головнев А. В.** Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 204 с.
7. **Кулемзин В. М., Лукина Н. В.** Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Этнографические очерки. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1977. 226 с.
8. **Патканов С. К.** Очерк колонизации Сибири. Тюмень : Изд-во Мандрика, 1999. Т. 2. 320 с.
9. **Соколова З. П.** Жилище народов Сибири (опыт типологии). М. : ИПА ТриЛ, 1998. 284 с.
10. **Соколова З. П.** Ханты и манси: взгляд из XXI в. М. : Наука, 2009. 755 с.
11. **Шатилов М. Б.** Ваховские остяки: Этнографические очерки. Тюмень : Изд-во Мандрика, 2000. 285 с.

Сведения об авторах

Визгалов Георгий Петрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра Института гуманитарного образования и спорта, доцент кафедры истории России Сургутского государственного университета, г. Сургут; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск.

SPIN-код: 6728-8917

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Петрова Елена Николаевна – младший научный сотрудник Центра югорской археологии и этнографии Института гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет, г. Сургут; архитектор ООО «НПО «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск.

E-mail: schoko@mail.ru

G. P. Vizgalov^{1, 2, 3}, E. N. Petrova^{1, 3}

¹ Surgut State University, Surgut, Russia

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

³ LLC “NPO “Northern Archaeology – 1”, Nefteyugansk, Russia

МЫХКОТ NEAR THE DESTROYED HALTING OF VASILKOV

Before the arrival of the Russians to the territory of Western Siberia, structures of the “mykhkot” type (earth house or dugout) were widespread in almost the entire territory of the Ob Ugrians. In the Agan River territory, the tradition of building earthen houses lasted much longer: the last “mykhkots” in this territory were abandoned 50–60 years ago.

In order to reconstruct the dwelling, it was necessary to determine the main elements of the mykhkot design, relying on the information obtained from ethnographic sources. For this purpose, in 2003, the Khanty camps on the right bank of the Agan River were investigated: the abandoned camps of Leikov M. P., Vasilkov S. V., the old camp of Vasily Aipin and the winter camps of D. I. Aipin and the Leikov brothers.

Based on the results of the initial inspection, the objects were interpreted as the ruins of a mykhkot or “earth house”. Typologically, mykhkots are frame semi-dugouts of a truncated-pyramidal type. This type of dwelling is of great interest, on the one hand, as an example of an archaic, disappearing type of dwelling, and on the other – as one of the most common types of winter dwellings of the Ostyaks of the Surgut Ob region. To clarify the design solution for the purpose of further reconstruction, the remains of the mykhkot were cleared, recorded and dismantled to the ground.

As a result of field work, it was established that the object consisted of a “log-hall”, a “vestibule” and the actual residential area itself, located symmetrically relative to the central axis, stretched in the southwest – northeast direction.

Based on the information obtained, the structure was reconstructed as a two-chamber dwelling consisting of a cold extension and a living area heated by a *chuval*. The main volume was a frame-and-post structure in the form of a truncated pyramid with a rectangular base. On the south-eastern side, an extension adjoins it, making a mixed construction technique. This object is an evidence of the preservation of the living culture of the indigenous peoples of the Ob North.

References

Sources

1. **Karacharov K. G.** Otchet o NIR «Issledovanie poseleniya Syroy Agan 6 v Nefteyuganskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga v 1999 g.». [Research report “Investigation of the settlement of Syroy Agan 6 in the Nefteyugansk region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug in 1999”]. Nefteyugansk, 1999 // Archive of LLC “NPO Severnaya arkheologiya – 1”. Ф. 1. Д. 33. (In Russ.).

2. Poseleniya, postrojki, sredstva peredvizheniya, orudiya truda narodov YUgry: al'bom etnograficheskikh risunkov [Settlements, buildings, means of transportation, tools of labor of the peoples of Yugra: an album of ethnographic drawings] / ed. T. A. Moldanova. Khanty-Mansiysk : Print-Klass, 2015. 240 p. (In Russ.).

3. Sirelius U. T. Puteshestvie k hantam [Journey to the Khanty]. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 2001. 342 p. (In Russ.).

4. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] / ed. D. N. Ushakov. Moscow: State Institute “Sov. encycl.”; OGIK; State foreign publishing house and national words, 1935, vol. 1, 1562 p. (In Russ.).

5. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] / ed. D. N. Ushakov. Moscow: State Institute “Sov. encycl.”; OGIK; State foreign publishing house and national words, 1935, vol. 4, 1500 p. (In Russ.).

Literature

6. **Golovnev A. V.** Istoricheskaya tipologiya hozyajstva narodov Severo-Zapadnoj Sibiri [Historical typology of the economy of the peoples of North-West Siberia]. Novosibirsk: NSU Publishing House, 1993. 204 p.

7. **Kulemzin V. M., Lukina N. V.** Vasyugansko-vahovskie hanty v konce XIX – nachale XX vv. Etnograficheskie ocherki [Vasyugan-Vakhov Khanty in the late XIX – early XX centuries. Ethnographic essays]. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1977. 226 p.

8. **Patkanov S. K.** Oчерk kolonizacii Sibiri [Essay on the colonization of Siberia]. Tyumen' : Mandrika, 1999. Vol. 2. 320 p.

9. **Sokolova Z. P.** ZHilishche narodov Sibiri (opyt tipologii) [Dwellings of the Peoples of Siberia (Typology Experience)]. Moscow : IPA TriL, 1998. 284 p.

10. **Sokolova Z. P.** Hanty i mansi: vzglyad iz XXI v. [Khanty and Mansi: A View from the 21st Century]. Moscow : Nauka, 2009. 755 p.

11. **SHatilov M. B.** Vahovskie ostyaki: Etnogr. Oчерki [Vakh Ostyaks: Ethnographic Essays]. Tyumen: Mandrika Publishing House, 2000. 285 p.

Information about the authors

Vizgalov Georgiy P. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of history of Russia, leading researcher of the Ugra Laboratory of Archeology and Ethnography, Institute of Humanities and Sport, Surgut State University, Surgut; researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk; director of LLC “SPA “Northern Archaeology – 1”, Nefteyugansk.

SPIN-code: 6728-8917

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Petrova Elena N. – Junior Researcher of the Ugra Laboratory of Archeology and Ethnography, Institute of Humanities and Sport, Surgut State University, Surgut; Architect of LLC “SPA “Northern Archaeology – 1”, Nefteyugansk.

E-mail: schoko@mail.ru

Рис. 1. ХМАО-Югра. Зброшенне стойбище близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Развалины мыхкота. Общий вид
Fig. 1. KhMAO-Yugra. Abandoned stable near the winter stable of S. V. Vasilkov. Ruins of a mykhkot. General view

Рис. 2. ХМАО-Югра. Зброшенне стойбище близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Развалины мыхкота. Общий вид
Fig. 2. KhMAO-Yugra. Abandoned stable near the winter stable of S. V. Vasilkov. Ruins of a mykhkot. General view

Рис. 3. ХМАО-Югра. Зброшенне стойбище близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Развалины мыхкота. Общий вид
Fig. 3. KhMAO-Yugra. Abandoned stable near the winter stable of S. V. Vasilkov. Ruins of a mykhkot. General view

Рис. 4. ХМАО-Югра. Зброшенне стойбище близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Развалины мыхкота. Общий вид
Fig. 4. KhMAO-Yugra. Abandoned stable near the winter stable of S. V. Vasilkov. Ruins of a mykhkot. General view

Рис. 5. ХМАО-Югра. Зброшенне стойбище близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Развалины мыхкота. Общий вид
Fig. 5. KhMAO-Yugra. Abandoned stable near the winter stable of S. V. Vasilkov. Ruins of a mykhkot. General view

Рис. 6. ХМАО-Югра. Зброшенне стойбище близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Развалины мыхкота. Расчистка конструкции
Fig. 6. KhMAO-Yugra. Abandoned stable near the winter stable of S. V. Vasilkov. Ruins of mykhkot. Construction clearing

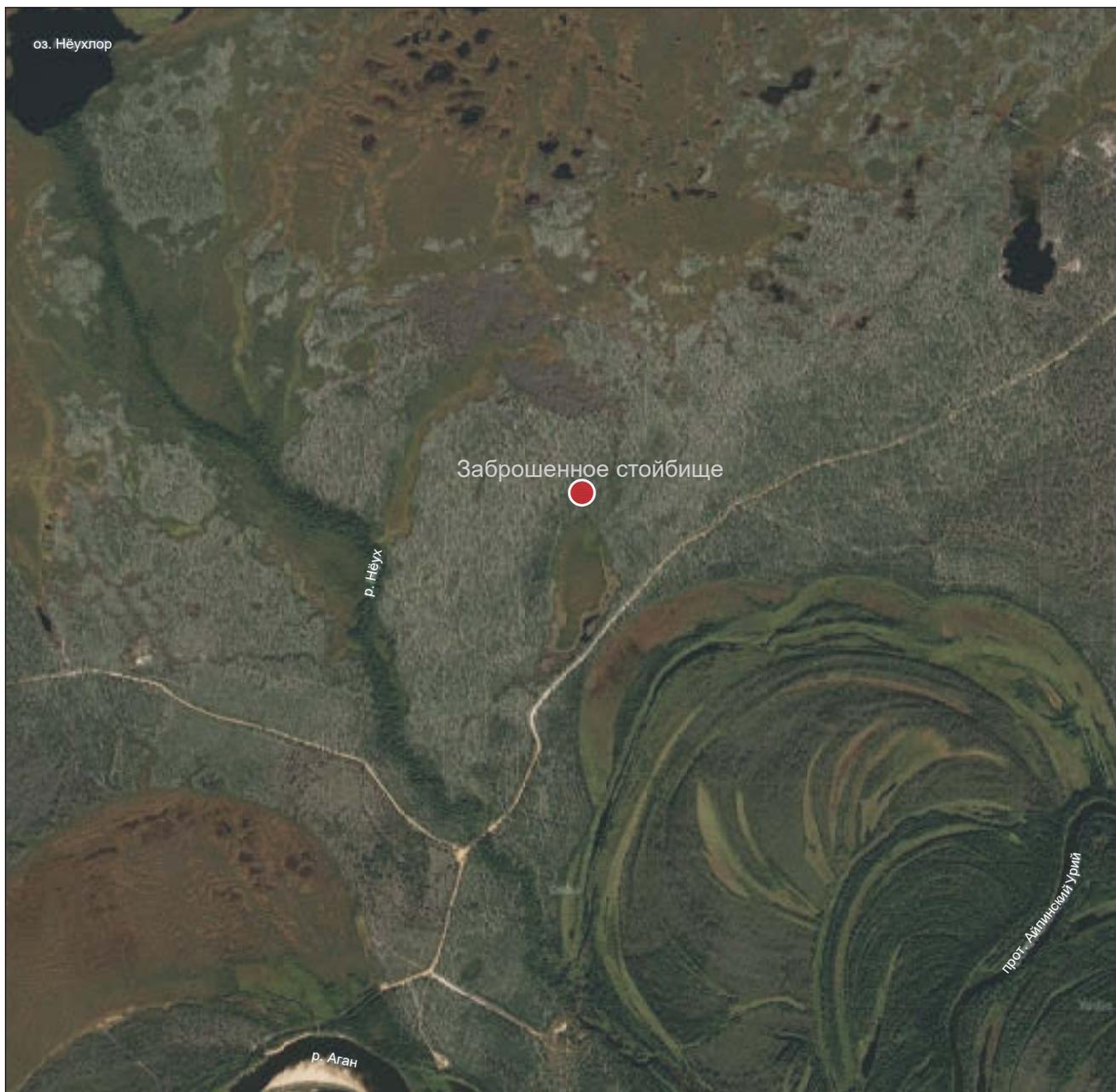
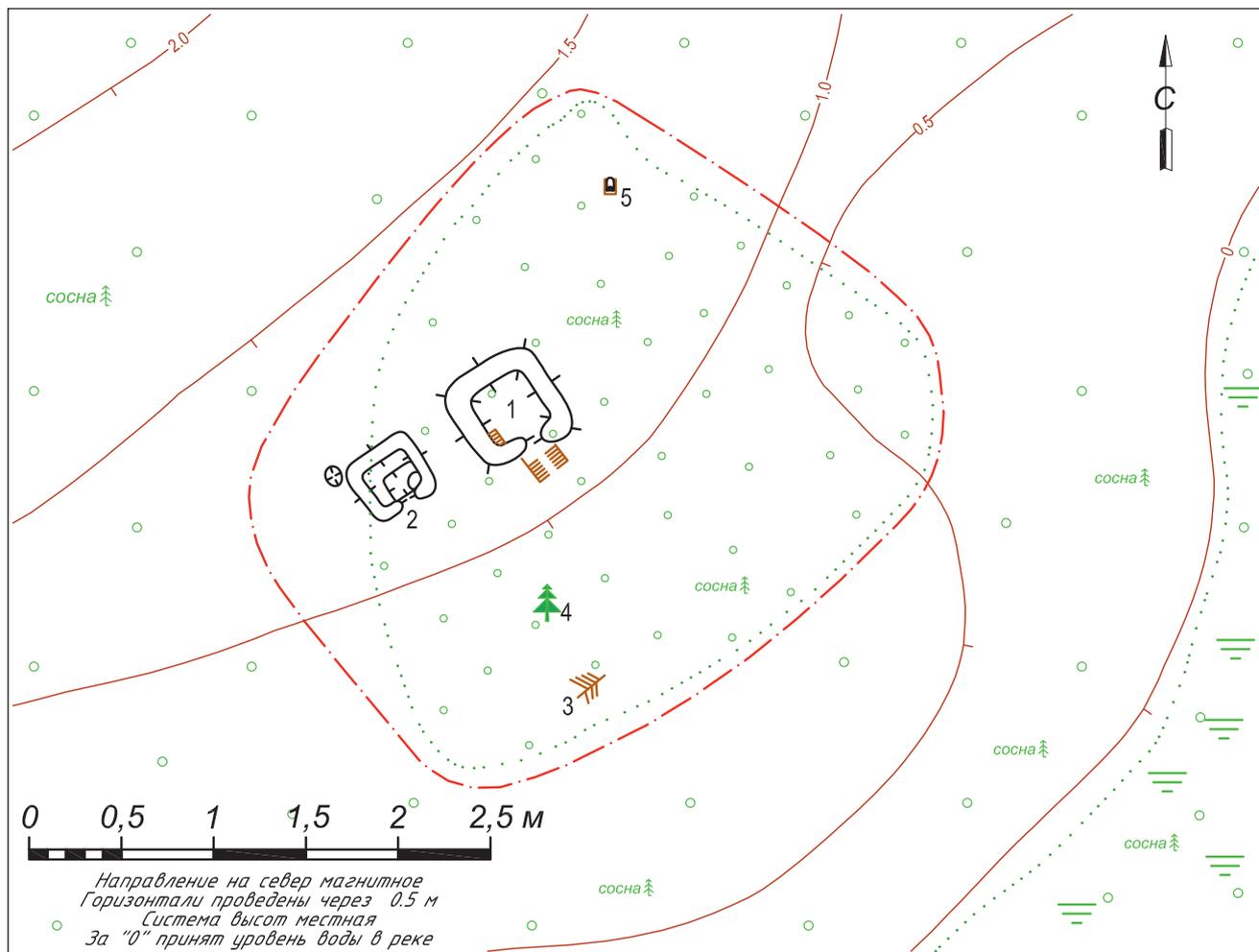

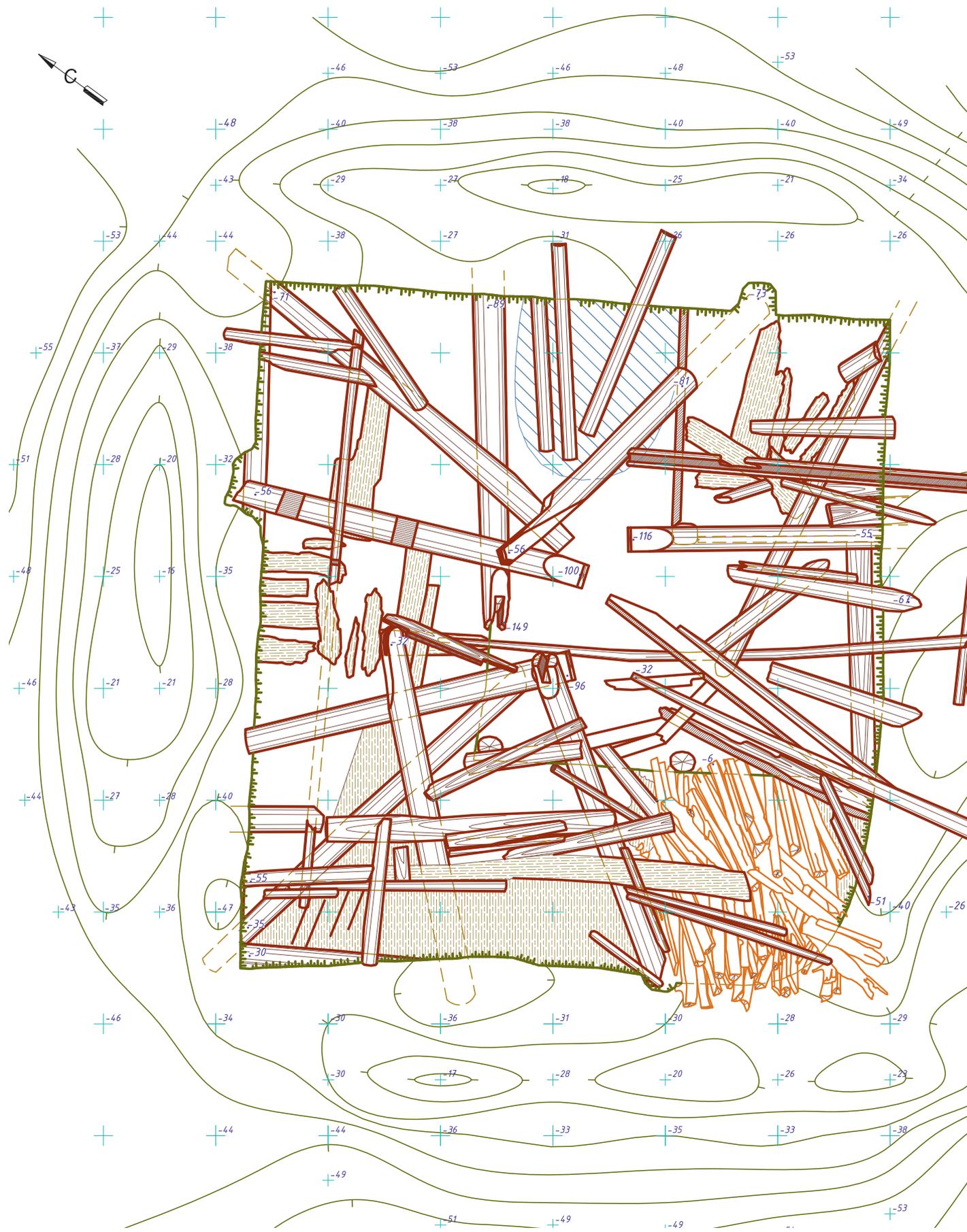
Рис. 7. ХМАО-Югра. Заброшенное стойбище близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Ситуативный план
Fig. 7. KhMAO-Yugra. Abandoned stable near the winter stable of S. V. Vasilkov. Situational plan

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- 1,2 - Жилище
- - Остатки деревянных конструкции
- 3 - "Куль-кот" - рыбный дом
- 4 - "Юхпос" - дерево со знаком
- 5 - Хлебная печь

Рис. 8. ХМАО-Югра. Зброшенное стойбище близ зимнего стойбища С. В. Василькова. План памятника
Fig. 8. KhMAO-Yugra. Abandoned stable near the winter stable of S. V. Vasilkov. Site plan

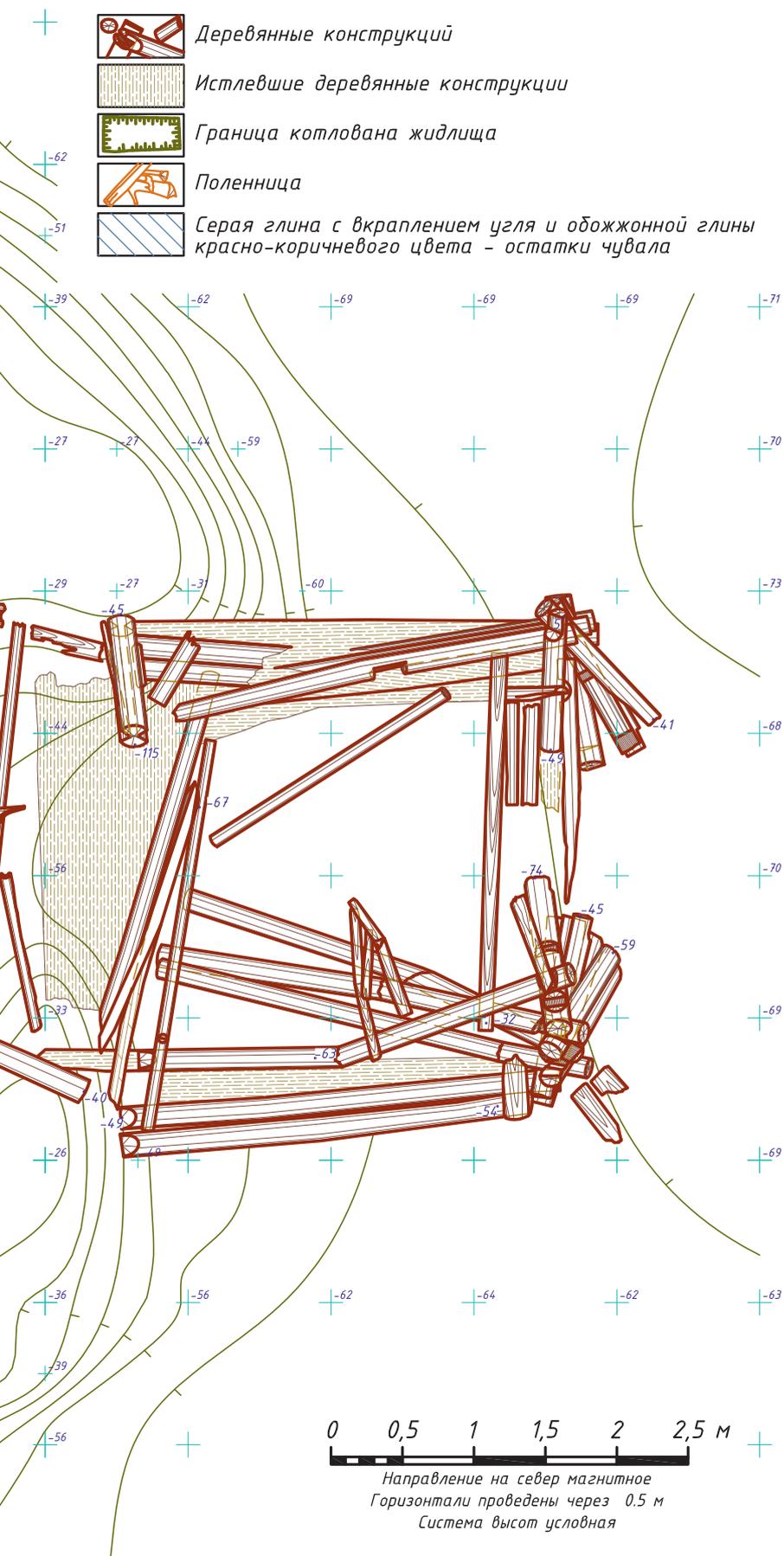

Рис. 9. ХМАО-Югра. Мыхкот близ зимнего стойбища С. В. Василькова. План объекта после расчистки конструкции
Fig. 9. KhMAO-Yugra. Mykhkot near the winter stable of S. V. Vasilkov. Site plan after clearing the structure

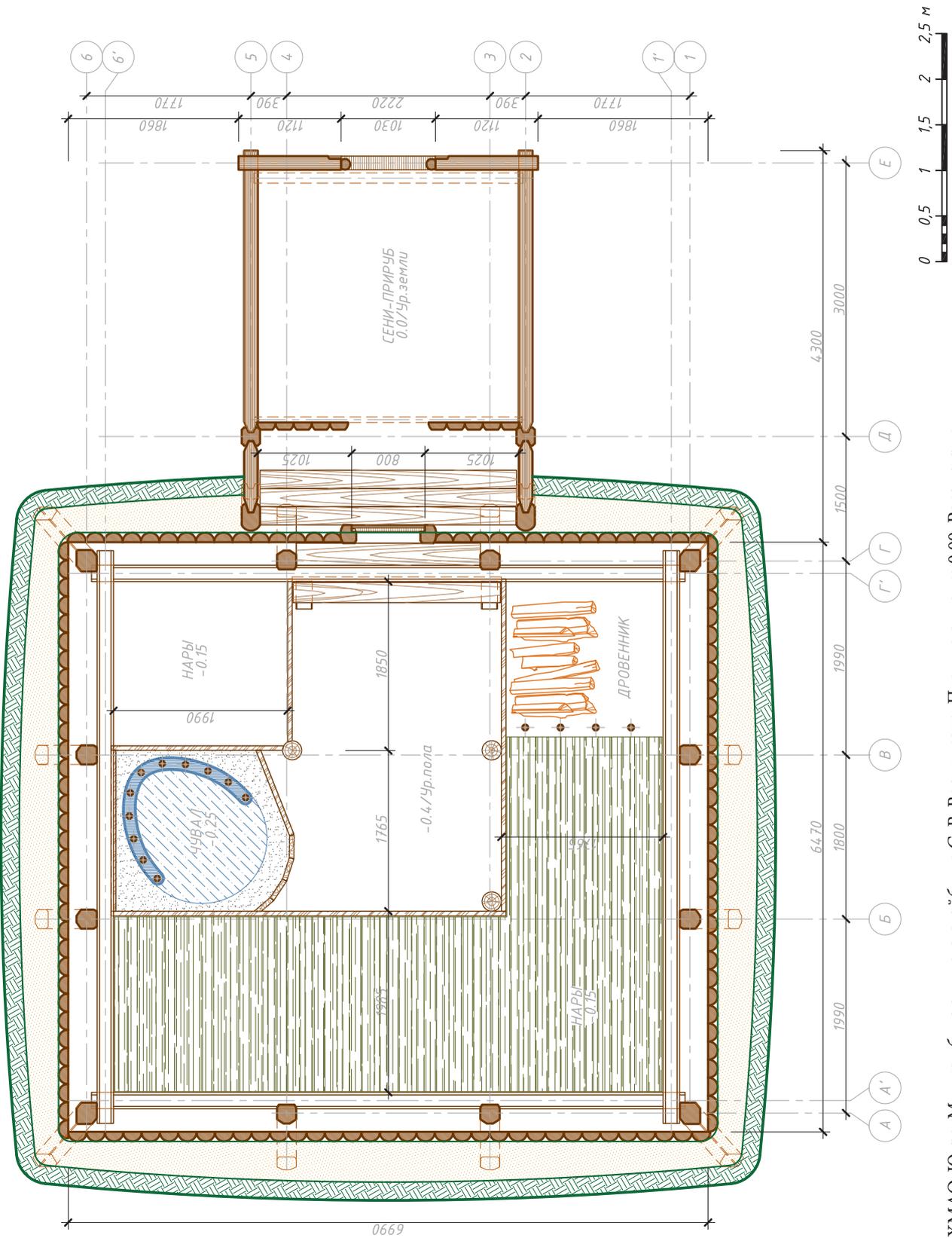

Рис. 10. ХМАО-Югра. Мыхкот близ зимнего стойбища С. В. Василькова. План на отметке 0.00. Реконструкция
 Fig. 10. KhMAO-Yugra. Muxkot near the winter stable of S. V. Vasilkov. Plan at the mark of 0.00. Reconstruction

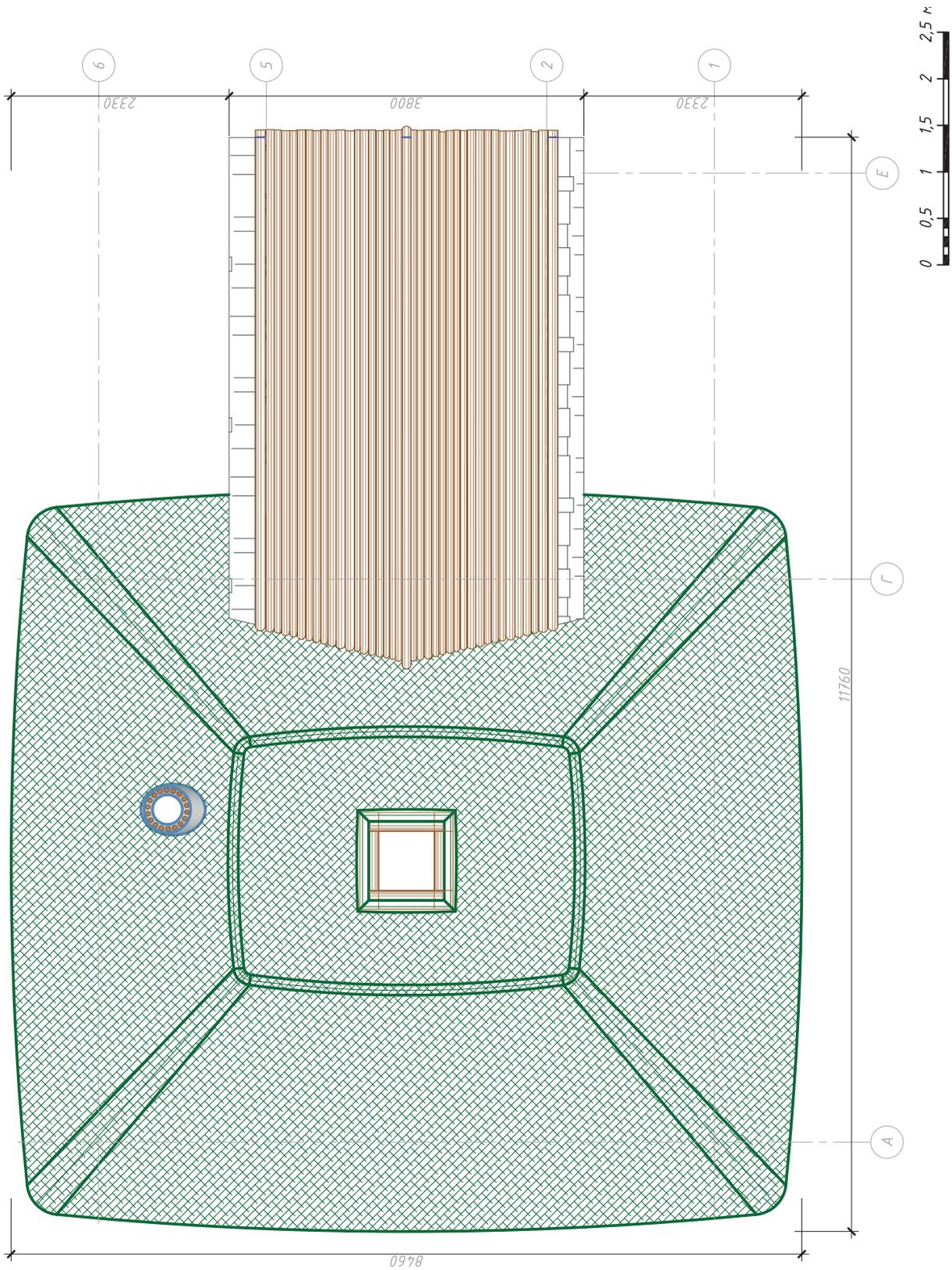

Рис. 11. ХМАО-Югра. Мыхкот близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Вид сверху. Реконструкция
Fig. 11. KhMAO-Yugra. Mykhkot near the winter stable of S. V. Vasilkov. View from the top. Reconstruction

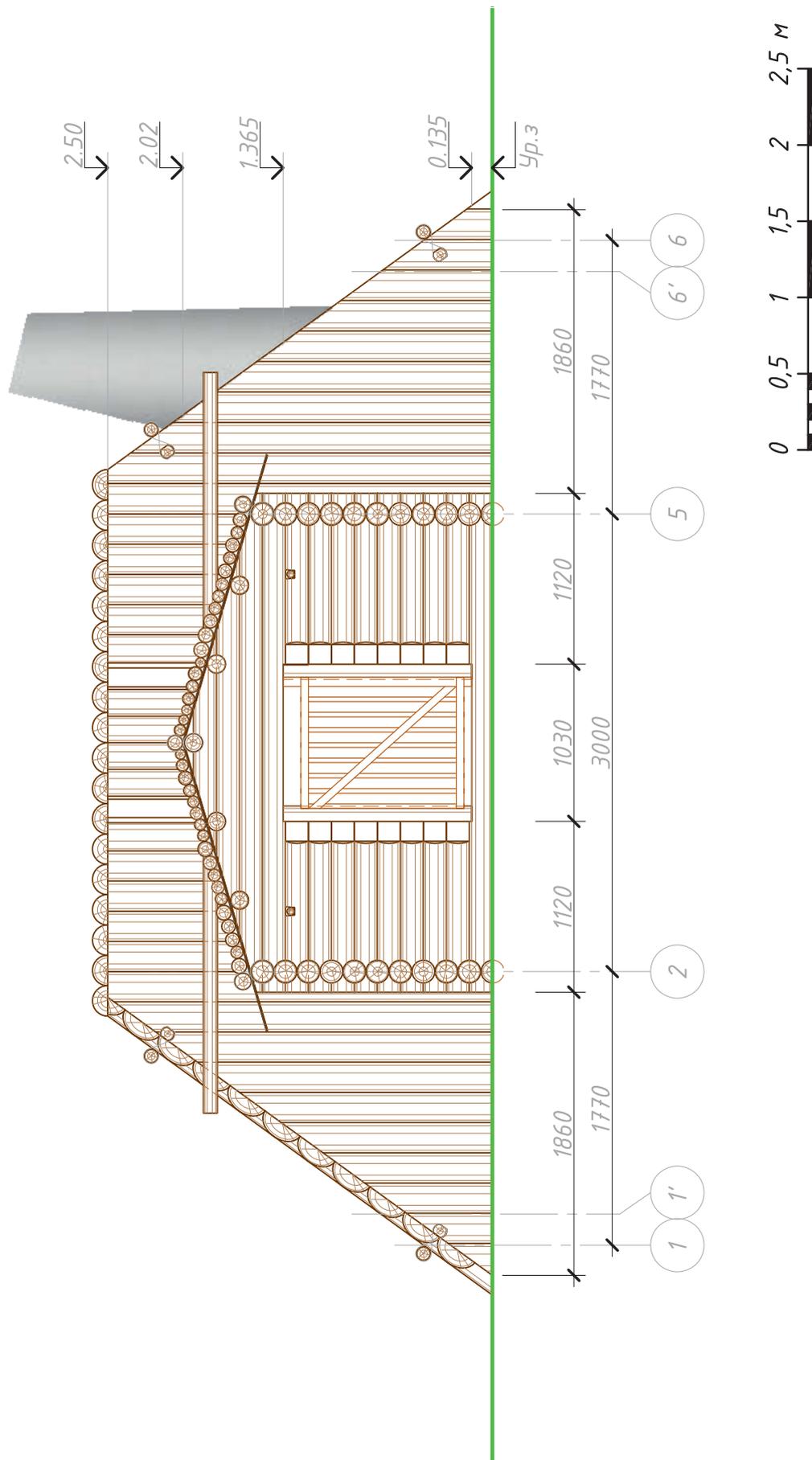

Рис. 12. ХМАО-Югра. Мыхкот близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Фасад 1-6. Конструкция без засыпки землей. Реконструкция
 Fig. 12. KhMAO - Yugra. Muxhkot near the winter stable of S. V. Vasilkov. Facade 1-6. Construction without earth filling. Reconstruction

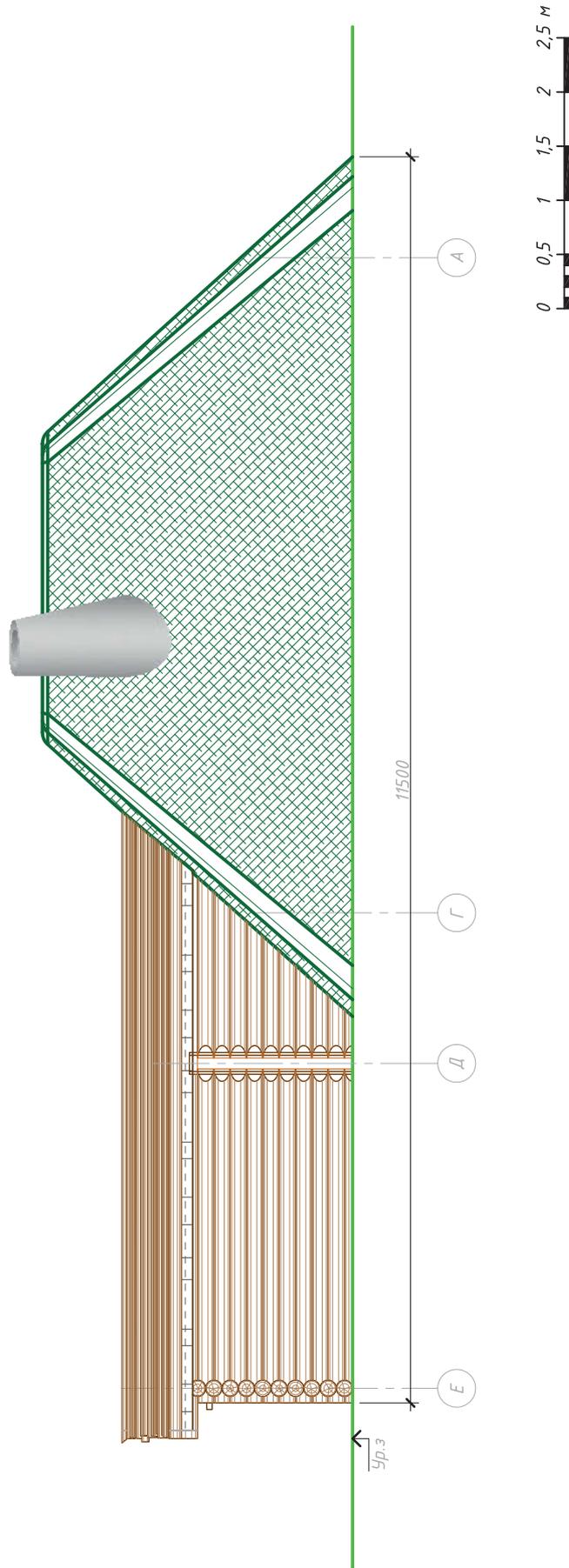

Рис. 13. ХМАО-Югра. Мылхкот близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Фасад А-Е. Реконструкция
Fig. 13. KhMAO-Yugra. Mylkhkot near the winter stable of S. V. Vasilkov. Facade A-E. Reconstruction

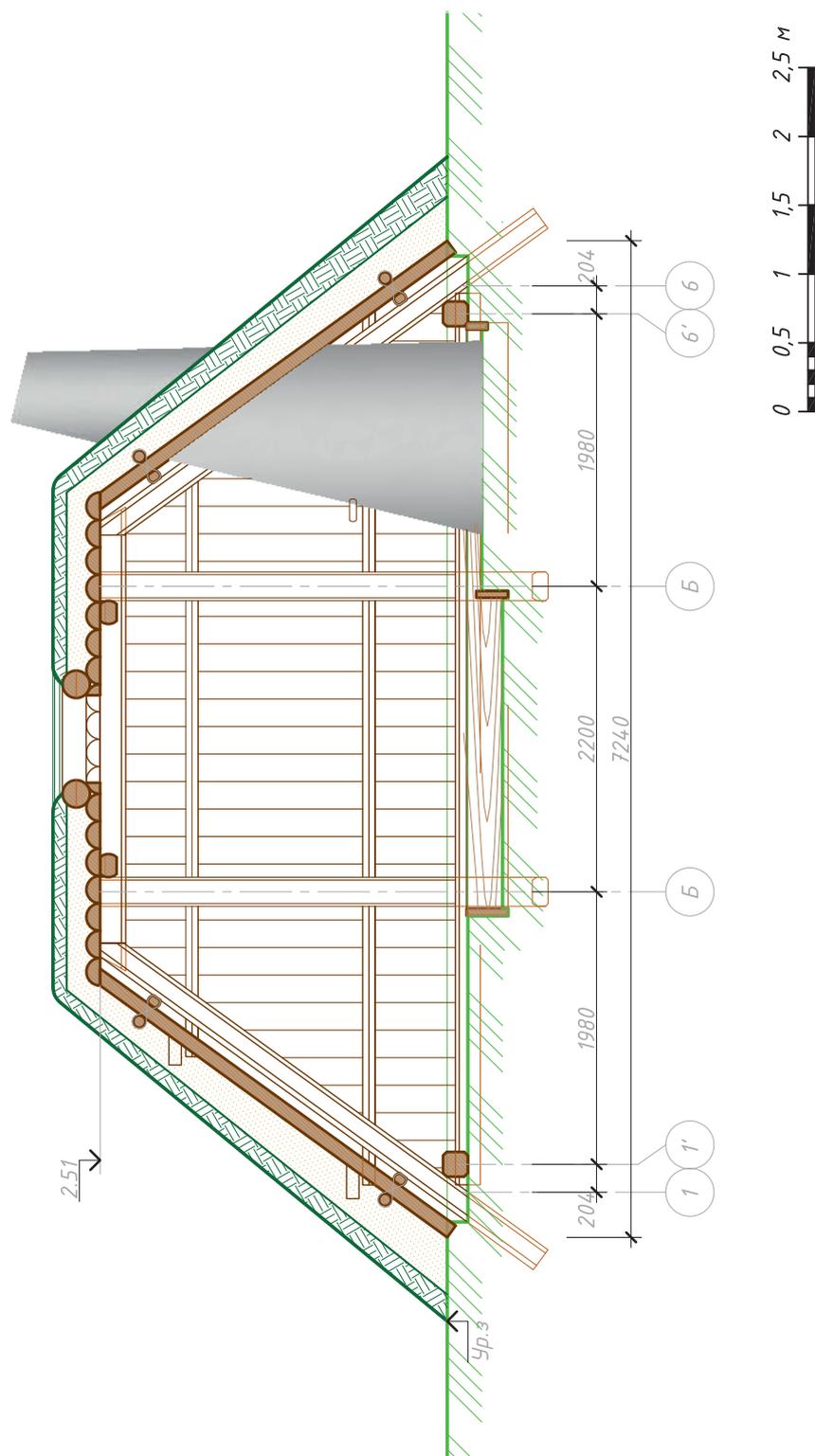

Рис. 14. ХМАО-Югра. Мыхкот близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Поперечный разрез. Реконструкция
Fig. 14. KhMAO-Yugra. Mykhkot near the winter stable of S. V. Vasilkov. Cross section. Reconstruction

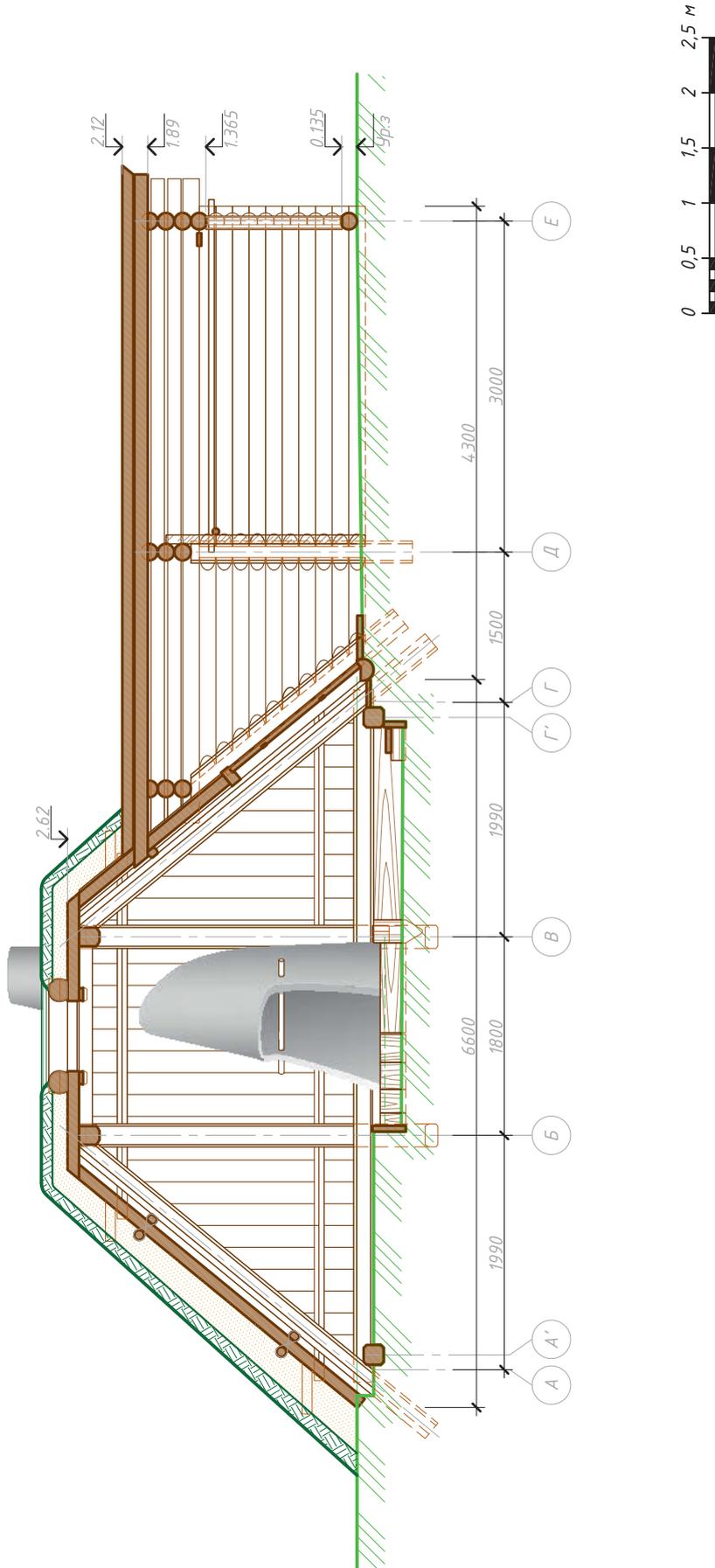

Рис. 15. ХМАО-Югра. Мышкот близ зимнего стойбища С. В. Василькова. Продольный разрез. Реконструкция
 Fig. 15. KhMAO-Yugra. Mykhkot near the winter stable of S. V. Vasilkov. Longitudinal section. Reconstruction

Рис. 16. ХМАО-Югра. Мыхкот близ зимнего стойбища С. В. Василькова. 3D-реконструкция
Fig. 16. KhMAO-Yugra. Mykhkot near the winter stable of S. V. Vasilkov. 3D-reconstruction

ЭТНОГРАФИЯ ETHNOGRAPHY

УДК 398.41+299.52

DOI 10.31630/2949-3609-2024-3-72-88

Е. Л. Фролова¹, Е. А. Балкина²¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия²Независимый исследователь, Новосибирск, Россия

КУЛЬТЫ БОГОВ-ПРИШЕЛЬЦЕВ МАРЭБИТО В ЯПОНИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен японских богов-пришельцев *марэбито*. Проанализированы основные положения теории о богах-пришельцах *марэбиторон*: определение термина *марэбито*, основные признаки богов, представления об их мифической родине. Зафиксированы доминирующие гипотезы исследователей теории о происхождении данных верований. Во второй части статьи дано описание процессуальной обрядности локальных верований на материале четырех фестивалей божеств в трех регионах Японии: на островах Хонсю, Кюсю и архипелаге Рюкю.

Abstract. This article examines the phenomenon of Japanese alien gods *marebito*. The main provisions of the theory of the alien gods *marebitoron* are being investigated: the definition of the term *marebito*, the main features of the gods, ideas about their mythical homeland. The dominant hypotheses of the origins of these beliefs expressed by different researchers are analyzed. The second part of the article describes the procedural rituals of local beliefs based on the material of four festivals of deities in three regions of Japan: on the islands of Honshu, Kyushu and the Ryukyu archipelago.

Ключевые слова: боги-пришельцы *марэбито*, теория *марэбиторон*, синтоизм, обряды богов-пришельцев
Keywords: *marebito* alien gods, *marebitoron* theory, shinto, alien gods rituals

Введение. Боги-пришельцы *марэбито* упоминаются в контексте религии синто, народных верований и фольклора. Согласно поверьям в определенное время года наш мир посещают божества *марэбито*¹, являющиеся из внешнего мира, места за морем, называемого *Токоё-но кун* (яп. 常世の国), с целью принести в жизнь людей порядок, благополучие и достаток. Пришельцы недолго задерживаются в нашем мире и, закончив свои дела, уходят снова. Природа богов *марэбито* варьируется. К ним относятся пришлые *ками*, призраки либо души покойных предков из *ино*го мира. Среди богов *марэбито* также есть демоны, горные существа в разных обликах. Информация о них встречается не только в классической литературе, но и религиозном фольклоре. Такая широкая трактовка богов-пришельцев демонстрирует гетероморфность понятия *марэбито*. Появление божеств обычно приходится на новогодний период или конец лета – начало осени, иногда совпадая с праздником поминовения О-бон. Чтобы обряд состоялся, среди местных жителей выбираются люди для исполнения роли божеств. Сверхъестественная сущность проявляется в costume божеств во время обрядов, которые могут быть выполнены как в антропоморфной, так и в зооморфной стилистике. Человек, исполняющий роль *марэбито* на фестивале, напоминает по своей сути шамана и находится в состоянии *камигакари* (одержимости божеством). В основном роль *марэбито* исполняется молодыми мужчинами. Они должны произнести ритуаль-

ные заклинания благословения людей, проживающих в данной местности, заклинания о богатом урожае [Falero, 2010. С. 276].

История исследования. Впервые обширное описание богов *марэбито* появилось в исследовательских работах японского этнолога и фольклориста Орикути Синобу (1887–1953 гг.), который первым ввел термин *марэбито* в исследовательскую литературу, используя его в эссе 1923 г. «Возникновение японской литературы» (яп. 国文学の発生, *кокубунгаку-но хассэй*) [Там же. С. 275]. В этой работе Орикути Синобу развил теорию о богах *марэбито*, так называемую теорию *марэбиторон*. Согласно данной теории боги *марэбито* приходили в Японию из-за моря еще в период Дзёмон (13 тыс. лет до н. э. – III в. до н. э.). Они приносили благоденствие и изобильные урожаи, участвовали в ритуалах инициации. Богов *марэбито* связывают с пришедшей в Японию техникой возделывания таро (яп. *сатоимо*, «деревенский картофель», вид овощей тропической зоны). В период Яёй (III в. до н. э. – III в. н. э.) религиозные обряды приобретают черты шаманизма [Ермакова и др., 2002. С. 18]. Еще одно упоминание о богах-пришельцах мы находим в период Кофун (IV–VI вв.). Оно непосредственно связано с погребальным обрядом, когда тело покойного клали в лодку и отправляли в море. Образ лодки ассоциировался с богами *марэбито* и богом *Эбису*, которые прибывали на обряд из-за моря [Там же. С. 22]. Один из известных Семи богов счастья – бог *Эбису* считается божеством рыбалки и торговли, а помимо этого божеством – хранителем здоровья маленьких детей [Павленко, 2018. С. 156]. Востоковед Е. М. Ермакова называет бога *Эбису* «богом-чужаком». В частности, само наименование *Эбису* переводится

¹ Варианты иероглифического написания *марэбито* разные: 客人, 賓, 稀人. Часто встречается написание азбукой (каной).

как «чужак», «чужой», «иностранец». Кроме того, он не является исконно японским божеством. Бог *Эбису* – типичный представитель божеств полинезийской разновидности. В целом для божеств Полинезии характерно яркое сходство с богами *марэбито*. Так, некоторые исследователи с уверенностью причисляют бога *Эбису* к племени богов *марэбито*. Можно заключить, что такое известное божество синтоизма, как *Эбису*, тоже является богом *марэбито*, что говорит о том, что боги *марэбито* могут считаться частью синтоизма.

Для фольклориста Орикути Синобу *марэбито* – это примитивный вид духов вроде божеств *ками*, однако отличие от классических *ками* в том, что согласно древним текстам боги *марэбито* не принадлежат ни к богам неба, ни к богам земли. Этот вид религиозных поверий архаичной японской культуры предшествовал централизованному синтоизму с системой пантеона *Такамагахара* (Равнина Высокого неба, место обитания главных богов синтоистского пантеона). Так, можно трактовать богов *ками* типа *марэбито* как своего рода предков великих богов Ямато [Falero, 2010. С. 276] или, как говорил Орикути Синобу, – «боги до богов» [Бакшеев, 2004. С. 7]. Иногда для *марэбито* воздвигаются святилища и временные пристанища или же обряды богов-пришельцев проводятся в местных святилищах других синтоистских богов *ками*.

Одна из работ Орикути Синобу называется «Иной мир и *марэбито*» (яп. 常世及び生まれびと). Этой работой и в целом идеями Орикути Синобу был вдохновлен этнолог и японовед Ока Масао – не менее значимый специалист, положивший начало новому этапу в развитии концепции *марэбито*. Ока Масао указывал на связь верований в богов *марэбито* с обрядами, принятыми в Океании [Ермакова и др., 2002. С. 16]. Согласно исследователю Ока Масао, боги *марэбито* связаны с горизонтальным космологическим типом праавстронезийских этносов, что отличает их от богов *ками* религии синто, связанных с вертикальной космологией [Там же. С. 25]. Если Орикути Синобу считал, что вера в богов *марэбито* зародилась на культурной почве Японии из японской культуры выращивания риса, то Ока Масао, сравнивая *марэбито* Японии и Меланезии, отмечал либо общее происхождение, либо некоторое раннее родство и/или культурный обмен. Ока Масао предполагал наличие связи *марэбито* с обрядами инициации, мужскими сообществами и тайными союзами Меланезии. В ходе исследования наиболее примечательных тайных союзов Меланезии было обнаружено яркое визуальное сходство с японскими ритуалами *марэбито*, проводимыми по сей день (рис. 2, 3). Среди меланезийских тайных союзов в качестве примера можно представить союзы на острове Новая Британия (системы *дук-дук* и *ингует*) и на Банковских островах (союзы *сукве* и *тамате*). Фольклорист и литературовед Тайра Тацухико, рассматривая теорию этнолога Ока Масао о меланезийских секретных обществах, предполагал, что сначала это культурное заимствование проникло

из Океании в Китай, а уже потом из Китая достигло Японии [Тайра Тацухико, 2020. С. 32]. В пользу данной теории говорит и другой факт. Одна из функций тайных союзов – это устрашение местного населения. Рассматривая японские ритуалы богов-пришельцев, мы видим, что у богов *марэбито* ужасающий облик, можно сказать демонический. В наши дни во время обрядов «боги» пугают главным образом детей, а ранее, например в эпоху Эдо, было принято страшить и молодых девушек. Именно данный элемент обрядности богов-пришельцев, их устрашающие маски и в некоторых случаях схожие наряды богов-пришельцев и членов тайных союзов – мог натолкнуть этнолога Ока Масао на предположение о связи японских обрядов с тайными союзами островов Тихого океана.

Этнолог и японовед Ока Масао изучал этнографию в Вене в 30-х гг. XX в. К Венской школе японоведения также принадлежал австрийский исследователь польского происхождения Александр Славик. Он был другом Ока Масао, чьими идеями и вдохновлялся. В 1930–1950-х гг. основными векторами его исследований были боги *марэбито*, которых он именовал «священными гостями», и айну. В 1959 г. в работе «К вопросу о “священном госте” в Японии» Александр Славик в попытке классификации верований о *марэбито* и их сравнительного анализа поднимал вопрос о потенциальном родстве с комплексом верований айнов. Исследователь указывал на некоторую схожесть японских богов *марэбито* и айнских *иомантэ*. Айнский праздник *иомантэ* – медвежий праздник, а именно – «проводы» духа медведя. По другой теории Александра Славика, потенциальные корни обрядов богов-пришельцев находятся на континенте в Азии.

Откуда приходят *марэбито*. Как уже было упомянуто, по доминирующей версии боги *марэбито* – это существа из места *Токоё-но куни* (данная версия распространена на о. Хонсю) или земли Нирай Канай (аналогичное название *Токоё-но куни*, но на о. Рюкю). По буддийской версии боги *марэбито* приходят из Чистой земли Будды Амиды. Страна *Токоё-но куни* – мифическое место, расположенное далеко за морем или на дне океана. Она отличается от классического подземного мира, представленного в синтоизме (страна *Ёми-но куни*). В стране *Токоё-но куни* живут усопшие, которые смогли освободиться от бремени скверны. Так, в отличие от страны *Ёми-но куни*, место *Токоё-но куни* представляет собой часть горизонтального уровня космологической системы Японии, тогда как *Ёми-но куни* – аналог подземного мира в мифологической системе мира религии синто. На становление концепции *Токоё-но куни* оказал влияние даосизм в Китае. Согласно даосизму существует гора-остров Пэнлай (кит. 蓬莱 *пэнлай*, яп. *хо:рай*), обитель бессмертных. Это одно из мест, представляющих собой даосский рай. Данный остров является мифическим. Считали, что он находится в Восточно-Китайском море. Согласно легендам китайцы организовывали экспедиции в целях найти

этот остров, однако в итоге судна достигали архипелага Окинавы, поэтому один из островов Окинавы стали ассоциировать с заветным островом Пэнлай. Вполне вероятно, что данная концепция даосизма могла оказать влияние на японскую концепцию *Токоё-но куни*. Религиовед Хори Итиро отмечает появившуюся впоследствии идею о том, что Иной мир *Токоё* находится в горах [Бакшеев, 2004. С. 8].

Существует еще один термин для обозначения Иного мира – *Нирай-канай*. Он эквивалентен *Токоё-но куни*. *Токоё-но куни* фигурирует на Хонсю, тогда как *Нирай-канай* – на Окинаве и островах Рюкю. Иной мир Окинавы – это райская земля, где пребывают боги и души усопших, а также место, откуда согласно религиозным представлениям люди получили рис и огонь. Концепция *Нирай-канай* тесно связана с сельскохозяйственной деятельностью Окинавы и Рюкю. В картине мира Окинавы есть важная категория *ю*, которая соответствует японскому *ё* (яп. 世 – свет, жизнь, поколение), а в контексте сельскохозяйственной жизни – это плодородие. Соответственно райская земля *Нирай-канай* с ее богами есть источник плодородия, что указывает на безусловную значимость данной концепции для жизни простых людей. После сбора урожая земля истощена, поэтому люди с радостью встречают богов и просят дать земле новый *ю* [Там же. С. 10].

География фестивалей богов-пришельцев *марэ-бито*. Японский фольклорист Симоно Тосими в труде «Культура Ямато и Рюкю» (1986) разделил ритуалы богов-пришельцев на три группы (рис. 1): культурная зона Ямато (северная и западная часть о. Хонсю), культурная зона Рюкю (южные японские острова, в том числе архипелаг Рюкю) и смешанная культурная зона (главным образом о. Кюсю) [Тайра Тацухико, 2020. С. 25].

Наиболее яркие представители среди фестивалей так называемой культурной зоны Ямато: *Ога-но Намахагэ*, *Ёнэкава-но Мидзукабури*, *Юдза-но Косёгацу Гёдзи*, *Ёсихама-но Сунэка* и *Ното-но Амамэхаги*. Это зимние фестивали, которые главным образом проводятся в малый Новый год (новогодний обряд 15 января) и канун Нового года *омисока* 31 декабря. Самый известный фестиваль этой группы – *Ога-но Намахагэ*. Японский антрополог Комацу Кадзухико определял обряды, родственные обряду *Намахагэ*, как ритуалы богов-пришельцев в демонических масках и костюмах, проводимые вечером малого Нового года. Помимо вышеуказанных, к ним относятся ритуалы *Капакана* района Цугару префектуры Аомори, *Аптосся* поселка Гамо города Фукуи префектуры Фукуи, *Амамэн* поселка Сирахама и др. [Там же. С. 30].

Фестивали культурной зоны Рюкю: *Акусэкидзима-но Бодзэ*, *Миякодзима-но Паанту*, *Такэтомисима-но Мируку*, *Ириомотэ-но Оохо*. Самый известный представитель группы – *Миякодзима-но Паанту*. Главным

образом, это летние ритуалы, приводимые с июня по сентябрь по лунному календарю.

Фестивали смешанной культурной зоны: *Мисима-но Касэдори*, *Косикидзима-но Тосидон*, *Сацума-Иодзима-но Мэндон*. Сюда входят обряды, которые проводятся и летом, и зимой. Эти ритуалы сочетают в себе черты фестивалей обеих культурных зон.

Причина разного времени прихода божеств в разных культурных зонах кроется, вероятно, в разнице сельскохозяйственной жизни и рода занятий местных жителей. Главным занятием жителей о. Хонсю является возделывание заливного риса. Первый этап культивирования риса, то есть посев семян, начинается приблизительно в весенний период, именуемый *Хиган*, в каждой местности в свое время. Затем в сезон дождей рассаду высаживают в поля и спустя определенное время собирают первые урожаи [О-комэ дзукури...]. Время сбора урожая отличается в зависимости от района и сорта семян, но в основном оно приходилось на сентябрь по лунному календарю. Таким образом, время проведения ритуалов подстраивается под этапы культивирования риса. На о. Хонсю ритуалы проводятся до непосредственного начала сельскохозяйственных работ.

На архипелаге Рюкю время посадки семян приходится на сентябрь, с января по февраль высаживают рассаду, а с июня по июль собирают урожай. В итоге в деревнях формировались ритуалы, в которых процесс посадки семян переплетался с местными народными искусствами, и в результате такого синтеза формировалась красочная праздничная обрядность. Обряды богов-пришельцев на островах Рюкю проводятся в основном в конце лета – начале осени.

Сравнив сельскохозяйственный календарь двух культурных зон, можно сделать вывод, что ритуалы богов-пришельцев зоны о. Хонсю ориентируются на зимний Новый год и летнюю систему возделывания риса, тогда как ритуалы зоны архипелага Рюкю сфокусированы на летнем Новом годе и зимней системе возделывания суходольного риса.

На территории от юга Кюсю до островов Сацунан, в смешанной культурной зоне, причина появления богов-пришельцев и летом, и зимой кроется именно в том, что на этой территории применяются оба способа культивирования риса. Так, например, божество *Мэндон* префектуры Кагосима приходит летом (как бог-пришелец зоны архипелага Рюкю), а божество *Тосидон*, тоже из префектуры Кагосима, – зимой (как бог-пришелец культурной зоны Ямато) [Тайра Тацухико, 2020. С. 26].

Фестивальная обрядность разных культурных зон. В качестве примера обряда группы фестивалей о. Хонсю приведем обряд *Юдза-но Косёгацу Гёдзи* (яп. 遊佐の小正月行事) или *Юдза-но Амахагэ*, который проводится в трех деревнях: Такиноура, Мэга и Торидзаки близ г. Юдза (уезд Акуми, префектура Ямагата) [Там же. С. 15–16]. Каждый год

ритуалы организуют в деревнях соответственно 1, 3 и 6 января.

Божества, посещающие эти деревни, зовутся *Амахагэ*. Роль божеств исполняют молодые люди. Число исполнителей роли божества, вид масок и другие детали в деревнях разнятся. В деревне Такиноура – два *Амахагэ* в коричневых масках старца и париках *сягума*. При обходе домов они остаются бесшумными. В деревне Мэга – пять или шесть *Амахагэ* в театральных масках танцев и пантомимы *кагура* под названием *Хияма Бангаку*. Главным образом маски выглядят как лик демонов, имеют красный и темно-синий цвета. *Амахагэ* деревни Мэга шумные. В деревне Торидзаки – три *Амахагэ* в красных демонических масках.

Согласно северной традиции божества одеты в соломенные накидки *мино*, которые служат верхней одеждой (рис. 4). Накидка состоит из соломенных элементов, которые слой за слоем надевают на божество. Как правило, есть люди, которые помогают божеству одеться, потому что самостоятельно это сделать практически невозможно (рис. 5, 6). Количество слоев накидки зависит от местных традиций и роста человека, исполняющего роль *Амахагэ* [Мукэй миндзоку бункадзай..., 1984. С. 15]. По окончании обхода домов накидки сжигаются, а на следующий год создаются новые. Раньше их изготовление поручалось ученикам младшей школы. Первоклассник делал две штуки, второклассник – три и так далее, а шестиклассник должен был выполнить семь. Однако после войны из-за сокращения численности населения накидки стала делать и молодежь.

Обряд перевоплощения в бога проводится в местном синтоистском святилище (рис. 7, 8). Человек, исполняющий роль божества, выпивает ритуальное сакэ, молится у алтаря и надевает маску, после чего совершает обход домов в деревне со своей свитой с барабанами (рис. 9). Цель прихода божеств – благословить людей на плодородный сельскохозяйственный год, наказать лежебок, наставить детей слушаться старших. При обходе домов «божества» носят с собой специальные ножи, что придает устрашающую ауру. Этими ножами они «срезают» с людей пятна, появляющиеся от долгого лежания рядом с очагом *ирори*, что является символом лени и бездействия. Разумеется, в настоящее время обряд проводится без кровопролития. Когда *Амахагэ* попадают в дом, то первым делом хватают детей, пугая их и заставляя громко плакать. Держа детей на руках, они могут крутить их и поучительно говорить, чтобы те слушались родителей. Кроме того, божества подходят к пожилым обитателям дома, массируют им плечи или хлопают по спине, тем самым выражая признательность за все их труды и старания. После этого они вместе пьют сакэ (рис. 10). Если в доме нет детей, то сразу же начинается потчевание божества напитком сакэ и сладостями *моти*.

По окончании обхода домов *Амахагэ* и наблюдающие за обрядом собираются в лесной части деревни и сжигают соломенные накидки, после чего собираются

в доме общественных собраний и устраивают ритуальный банкет *наорай*.

Другой обряд о. Хонсю, фестиваль *Ёсихама-но Сунэка* (яп. 吉浜のスネカ), проводится в пос. Ёсихама района Санрикутё близ г. Офунато префектуры Иватэ (рис. 11) [Тайра Тацухико, 2020. С. 20]. Для сохранения обряда действует сообщество по охране обряда *Ёсихама-но Сунэка*. До 1950 гг. ритуал проводился 15 января по лунному календарю, тогда как в настоящее время – 15 января по григорианскому, соответственно *Сунэка* – тоже фестиваль малого Нового года. Наименование *Сунэка* происходит от выражения «вырезать пятна». На местном диалекте пятна называются *сунэкава*, иероглифами записывается как 脛皮. Отрезание звучит как *тагури* или *такури*. Так, считается, что имя местного божества произошло от выражения *сунэкава тагури*, что означает «отрезать пятна *сунэкава*».

По сути, *Сунэка* – самый выдающийся фестиваль в префектуре Иватэ. Помимо него есть более десяти других мелких ритуалов под названиями *Намоми*, *Намомэтакури*, *Нагоми*, *Нагомэ*, *Нанамитакури*, *Хигатакури* (*Хигататакури*), *Касэдори*, *Сурумэвари*, *Арагумаки* и др. [Иватэ кэнрицу хакубуцукан..., 1991. С. 146]. Многие из них в настоящее время больше не проводятся.

Раньше в божество *Ёсихама-но Сунэка* наряжались мужчины кризисного возраста *якюдоси*, и они ходили по домам по одному, тогда как в настоящее время в организации мероприятия большей частью участвует молодежь, которая ходит группами. Организуются две группы молодых людей по три человека. К тому же в ряжении в бога *Сунэка* участвуют ученики младшей школы, которые ходят группами по два-три человека [Иватэ кэнрицу хакубуцукан. Они..., 1988. С. 47]. Они облачены в причудливые и устрашающие маски, среди которых бывают маски демонов *они*, лошадей и собак (рис. 12). На тело надевают соломенную накидку *мино* (рис. 13). Иногда образ дополняют мехом и мешками для риса. В руках у *Сунэка* небольшой нож *кириха*, на ногах – специальная плетеная обувь для снежной погоды *юдзукэ*. На спине висят раковины моллюсков «морское ушко» *аваби*, собранные на ближайшем побережье, звук которых оповещает местных жителей о пришествии бога *Сунэка* и обозначает обильный улов. Кроме того, там же на спине у *Сунэка* соломенный мешок (рис. 14), в котором лежат сапоги (рис. 15). Эти сапоги олицетворяют похищенных детей. Мешок также имеет другое символическое значение – пожелание богатого урожая.

Каждый малый Новый год *Сунэка* совершают обход в поисках ленивых людей и непослушных детей. Прохот раковин с *мино*, когда *Сунэка* совершают обход, пугает ожидающих их детей. Прежде чем зайти в дом, *Сунэка* грохочет дверью. При вторжении в дом божества начинают устрашать детей ножами. *Сунэка* обменивается приветствиями с хозяином дома, после чего глава семейства предоставляет рисовые лепешки *моти*

и денежные пожертвования в качестве даров. На этой ноте *Сунэка* покидает дом.

Среди обрядов о. Кюсю известен *Косикидзима-но Тосидон* (яп. 甑島のトシドン). Это первый фестиваль богов-пришельцев, признанный ЮНЕСКО как нематериальное культурное наследие еще в 2009 г. В Японии существует сообщество по охране ритуала *Косикидзима-но Тосидон* [Тайра Тацухико, 2020. С. 7].

Косикидзима-но Тосидон – это новогодний фестиваль богов-пришельцев, который проводится и передается из поколения в поколение в деревне на юге о. Симокосики при г. Сацумасэндай префектуры Кагосима. Остров расположен в Восточно-Китайском море. Это самый большой остров среди островов Косикидзима, в честь которых ритуал получил название.

У бога *Тосидон* причудливая маска с большим ртом и длинным носом. Он облачен в накидку *мино* и пальмовые листья. В канун Нового года *омисока* 31 декабря *Тосидон* спускается с горы и идет навестить дома, в которых есть дети. В зависимости от поведения ребенка божество либо ругает его, либо хвалит. После выговора он увещевает ребенка вести себя хорошо, желает ему расти здоровым, дает лепешку из рисовой муки *моти* и уходит. Миссия *Тосидона* – благословить людей на Новый год.

Роль *Тосидона* исполняет мужчина. Перед входом *Тосидон* имитирует топот лошадиных копыт, потом просовывает в дверной проем большую часть тела, тем самым пугая детей, и начинает задавать им вопросы о том, как те проводят дни. Затем в качестве награды *Тосидон* угощает детей новогодними рисовыми лепешками *моти* (*тосимоти*). Их также называют «круглые *моти*» (*марумоти*). Божество кладет *марумоти*, похожие на большой блин, на спину ребенку, а тот должен с ним вернуться на четвереньках на свое прежнее место (рис. 16). В конце *Тосидон* тихо и не оглядываясь уходит, отползая назад [«Кагосима нанбоку 600 киро»...].

В фольклористике *Тосидон* считается воплощением бога *Тосигами*. Рисовая лепешка *тосимоти* представляет собой образцовый новогодний подарок для детей. Считается, что ребенок становится на год старше, когда он получает *тосимоти*. Лепешку *тосимоти* также называют лепешка тосидама (яп. 年霊, букв. «новогодний дух»).

Это классический образец обрядов богов-пришельцев на юге о. Кюсю. Используемая маска и имя божества разнятся в зависимости от места проведения обряда. *Тосидон* – универсальное имя бога, однако в обиходе также используются такие наименования, как *Тоситойдон*, *Тосиноисама*, *Сё:гацудон* и др.

Среди фестивалей зоны Рюкю наиболее известен обряд *Миякодзима-но Паанту* (яп. 宮古島のパーントウ) (рис. 17). За его охрану ответственен муниципалитет района Симадзири г. Миякодзима. Фестиваль проводится в префектуре Окинава на о. Мияко в г. Миякодзима в двух районах – Симадзири и Нобару. В Симадзири *мацури* проводится в начале сентября по лунному

календарю, а в Нобару – в конце декабря по лунному календарю, в день быка. В этот день *Паанту* ходит по поселению с целью очистить места и людей от несчастий и бедствий. *Паанту* на Миякодзуме – это бог в маске, покрытый травой и лозой. У *Паанту* темно-зеленая маска с небольшими прорезями. Слово *Паанту* имеет отрицательную коннотацию и обозначает оборотня или злого духа, который приходит в наш мир далеко из-за моря.

В Симадзири этот ритуал также называют *Паанту Пунака*, он растягивается на два дня в сентябре. Вечером молодежь собирается у деревенского колодца и наряжается в *Паанту*. Трое юношей обматываются лозами растения, обмазываются грязью из колодца, а сверху прицепляют связку мисканта, которую называют *маата*. Одной рукой *Паанту* надевают маску, а в другую берут трость, после чего начинают обход домов в поселении. Их особенно радушно принимают в домах с детьми для обретения благополучия. Кроме того, *Паанту* пачкают грязью из колодца окружающих и стены домов поселка, что должно уберечь от несчастий и принести удачу.

В районе Нобару у обряда другое название – *Сатинаро*. В обходе участвуют женщины со всего поселения и ученики младшей школы. Обычно один ребенок надевает маску *Паанту*, два других играют на духовом музыкальном инструменте из ракушки, который называется конх или конха, и еще один играет на маленьком барабане. Остальные присоединяются к процессии. Процессия идет до священного места *утаки*, где все молятся, после чего направляются в деревню, параллельно производя обряд очищения. Женщины прикрепляют к голове и талии пальмовые листья *куроцугу*, а в руках несут небольшие ветки коричника японского. По окончании обхода все листья выбрасывают [Тайра Тацухико, 2020. С. 14].

Заключение. Проанализировав собранные нами сведения об обрядности фестивалей богов-пришельцев, мы выделили основные признаки богов-пришельцев *марэбито*:

- 1) У самых известных богов-пришельцев *марэбито* есть видимая форма, т. е. это видимые боги – в отличие от невидимых синтоистских божеств.
- 2) Боги носят диковинные маски и накидки.
- 3) Дизайн маски связан либо с устрашающими мистическими существами, такими как демон *они* или леший *тэнгу*, либо с традиционным японским театром Но. Если маска отсутствует, лицо маскируют грязью, сажей или тушью.
- 4) Цели прихода божества – изгнать злых духов, благословить людей на счастливый новый год, наставить детей быть послушными, поблагодарить взрослых за все труды и пожелать обильного урожая и здоровья.
- 5) Роль божества исполняют молодые люди.

Десять самых известных на данный момент обрядов были включены в список нематериального наследия ЮНЕСКО. Самым первым в список вошел обряд *Косикидзима-но Тосидон* в 2009 г. [Традиция явления божеств...], и на 2018 г. их число составило уже десять. Учитывая, что это произошло относительно недавно,

можно предположить, что в будущем количество может увеличиться. Кроме того, с учетом того, что некоторые обряды перестали проводиться, но память о них сохранилась, при поддержке местных жителей и муниципа-

литетов есть шансы возобновления забытых традиций. Вероятно, в Японии существует множество и других обрядов богов-пришельцев, которые еще не получили широкой поддержки и известности.

Список источников и литературы

Источники

1. *Акусэкидзима бодзэ мацури* [Фестиваль Акусэкидзима Бодзэ] // Агентство по делам культуры, 2022. URL: <https://dentou-koukai-report.jp/%E6%82%AA%E7%9F%B3%E5%B3%B6%E3%83%9C%E3%82%BC%E7%A5%AD%E3%82%8A/> (дата обращения: 26.08.2024). (на яп. яз.).
2. *Иватэ минкан синко*: дзитэн. Иватэ кэнрицу хакубуцукан [Энциклопедия народных верований Иватэ. Музей префектуры Иватэ]. Мориока : Корпорация по развитию культуры префектуры Иватэ, 1991. 272 с. (на яп. яз.).
3. «*Кагосима намбоку 600 киро*» Кагосима-но Тосидон Оомисока-но ёру-ни яттэ куру коваи камисама (2023-нэн итигацу микка хо:со:) [Косикидзима-но Тосидон: страшный бог, приходящий ночью в канун Нового года (трансляция 4 января 2023 г.)] // Видеохостинг Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hKKM1Qw5VZE> (дата обращения: 23.03.2024). (на яп. яз.).
4. *Косикидзима-но Тосидон* [Косикидзима-но Тосидон]. Туристический гайд по Кагосиме, 2022. URL: <https://satsumasendai.gr.jp/spotlist/1928/> (дата обращения: 27.08.2024) (на яп. яз.).
5. *Мукэй миндоку* бункадзай юдза-но амахагэ юдзамаги кё:ику иинкай [Нематериальное культурное наследие Юдза-но Амахагэ]. Юдза : Комитет по образованию города Юдза, 1984. 40 с. (на яп. яз.).
6. *Намахагэ и амамэхаги... райхо:син мукэй бунка исан-ни кэттэй* [Намахагэ/Амамэхаги... Постановление о нематериальном культурном наследии Намахагэ и Амамэхаги]. Электронная газета Асахи Симбун, 2018. URL: https://www.asahi.com/articles/photo/AS20181129005379.html?iref=pc_photo_gallery_1 (дата обращения: 28.08.2024) (на яп. яз.).
7. *О-комэ дзукури* (суйто: сайбай)-но итинэн-но нагарэ [Выращивание риса в течение года (рис на заливных полях)] // Видеохостинг Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P_VrqDo1B_4&t=111s (дата обращения: 01.04.2024) (на яп. яз.).
8. *Они, они, они*. Иватэ кэнрицу хакубуцукан [Демоны, демоны, демоны. Музей префектуры Иватэ]. Мориока : Корпорация по развитию культуры префектуры Иватэ, 1988. 64 с. (на яп. яз.).
9. *Паанту-надо тэйан кэттэй / юнэсуко мукэй бунка исан* [Учреждение Паанту в качестве нематериального культурного наследия]. Газета Асахи Мияко, 2017. URL: <https://www.miyakomainichi.com/news/post-97691/> (дата обращения: 27.08.2024) (на яп. яз.).
10. *Тайра Тацухико*. Райхо:син дзитэн [Энциклопедия богов-пришельцев]. Токио : Синкигэнся, 2020. 304 с. (на яп. яз.).
11. *Традиция явления божеств в Японии: необычные праздники во Всемирном наследии ЮНЕСКО* // Nippon: Современный взгляд на Японию. URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00462/> (дата обращения: 27.05.2024).
12. *Эбису* // Энциклопедия Японии (Ниппоника). URL: <https://kotobank.jp/word/%E3%81%88%E3%81%B3%E3%81%99-37175> (дата обращения 04.05.2024) (на яп. яз.).

Исследовательская литература

13. *Бакшеев Е. С.* «Редкие гости» из Иного мира // Япония: путь кисти и меча. М. : ОАО «Типография № 9», 2004. С. 7–12.
14. *Ермакова Е. М., Комаровский Г. Е., Мещеряков А. Н.* Синто – путь японских богов : в 2 т. СПб. : Гиперион, 2002. Т. 1: Очерки по истории синто. 704 с.
15. *Павленко Н. В.* Дуализм образа чужого в японской культуре: от демонического к божественному // Журнал фронтальных исследований. № 4. 2008. С. 147–168.
16. *Falero A.* Origuchi Shinobu's Marebitoron in Global Perspective. A Preliminary Study // *Frontiers of Japanese Philosophy 7: Classical Japanese Philosophy*. Nagoya : Nanzan Institute for Religion & Culture, 2010. P. 274–304.
17. *Willaert R.* Tolai Dukduk/Tubuan (Tumbuan) Papua New Guinea // Flickr, 2009. URL: <https://www.flickr.com/photos/rietje/4245368961/in/photostream> (дата обращения: 26.08.2024).

Сведения об авторах

Фролова Евгения Львовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ, г. Новосибирск.

E-mail: orient@lab.nsu.ru

Балкина Евгения Аркадьевна – независимый исследователь, г. Новосибирск.

E-mail: balkina01@mail.ru

*E. L. Frolova*¹, *E. A. Balkina*²

¹*Novosibirsk State University, Novosibirsk*

²*Independent researcher, Novosibirsk*

MAREBITO ALIEN GODS RITUALS IN JAPAN

Summary

In this article, we investigated the festivals dedicated to the Japanese alien gods, *marebito*. Belief in *marebito* has existed in Japan since ancient times, but the scientific study of these beliefs began in the 1930s with the investigations of researcher Orikuchi Shinobu. He created a theory about alien gods, according to which once a year gods come from overseas and visit a certain area. Selected local residents wear special clothes and masks to play the deities. The mission of these gods is to wish people happiness and bless them with a bountiful harvest. There are different versions of the origins of *marebito* beliefs. Anthropologist Orikuchi Shinobu believed that they were autochthonous, while his colleague Oka Masao believed that beliefs from Oceania could have influenced the formation of these beliefs in Japan. In addition to these theories, there are also hypotheses about the connection of beliefs in *marebito* with the beliefs of the Ainu or shamanic practices from Asia.

Ten of the most famous *marebito* festivals have been added to the List of Intangible Cultural Heritage of Japan. These festivals can be divided into three groups: Honshu Island festivals, Kyushu Island festivals, and Ryukyu Island festivals. This article provides a detailed description of four festivals, including our own ethnographic observations. We investigated the local festivals of Yuza-no-koshogatsu-gyoji, Yoshihama-no-Suneka, Koshikijima-no-Toshidon, and Miyakojima-no-Paantu. The first two festivals are typical festivals for the cultural zone of Honshu Island. They are characterized by mino straw cloaks with demonic masks. The festivals are being held during the winter New Year. The Paantu Festival represents the cultural zone of the Ryukyu Islands. This group is characterized by grass cloaks, faces covered with a large mask, or smeared with soot, mud, or ink. Festivals are held in summer and autumn. And the last festival Toshidon is a representative of the cultural zone of Kyushu Island. This group has features of the previous two. It was found that the timing of the festivals was influenced by the characteristics of agricultural life in each region, namely, the timing of rice cultivation.

References

Historical sources

1. *Akusekijima-no Boze* [‘Akusekijima-no Boze’ festival] // The Agency for Cultural Affairs, 2022. URL: <https://dentoukoukai-report.jp/%E6%82%AA%E7%9F%B3%E5%B3%B6%E3%83%9C%E3%82%BC%E7%A5%AD%E3%82%8A/> (Accessed: 26.08.2024). (In Jap.).
2. *Ivate minkan sinko:ziten. Ivate kenricu hakubutukan* [The Encyclopedia of Iwate Folk Beliefs. Ivate prefecture museum]. Morioka : Ivate Prefectural Cultural Development Corporation, 1991, 272 p. (In Jap.).
3. «*Kagosima nanboku 600 kiro*» *Kagosima-no Tosidon Oomisoka-no yoru-ni yatte kuru kova:i kamisama* (2023-nen 1-gatu mikka ho:so:) [Kosikizima-no Tosidon: the terrible God who comes at night on New Year’s Eve (broadcast on January 4, 2023)] // Youtube video hosting. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hKKM1Qw5VZE> (Accessed: 23.03.2024). (In Jap.).
4. *Koshikijima-no Toshidon* [Koshikijima-no Toshidon]. Kagoshima tour guide, 2022. URL: <https://satsumasendai.gr.jp/spotlist/1928/> (Accessed: 27.08.2024). (In Jap.).
5. *Mukei minzoku bunkazai yuza-no amahage yuzamati kyo:iku iinkai* [Yuza-no Amahage intangible cultural heritage]. Yuza : Yuza town educational committee, 1984, 40 p. (In Jap.).
6. *Namahage and amamehagi... raiho:shin mukei bunka isan-ni kettei* [Namahage and Amamehagi... “Visiting Gods” Selected as Intangible Cultural Heritage]. Digital Asahi Shimbun, 2018. URL: https://www.asahi.com/articles/photo/AS20181129005379.html?iref=pc_photo_gallery_1 (Accessed: 28.08.2024). (In Jap.).
7. *O-kome zukuri* (sujto: sajbaj)-no itinen-no nagare [Growing rice throughout the year (rice in aspic fields)] // Youtube video hosting. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P_BpqDo1B_4&t=111s (Accessed: 01.04.2024). (In Jap.).
8. *Oni, oni, oni. Ivate kenricu hakubutukan* [Demons, demons, demons. Ivate prefecture museum]. Morioka: Ivate Prefectural Cultural Development Corporation, 1988, 64 p. (In Jap.).
9. *Paantu-nado teian kettei / yunesuko mukei bunka isan* [Resolution in regard of Pantu and others / UNESCO Intangible Cultural Heritage]. Asahi Miyako paper, 2017. URL: <https://www.miyakomainichi.com/news/post-97691/> (Accessed: 27.08.2024). (In Jap.).
10. *Taira Tatuhiko*. *Rajho:sin ziten* [The Encyclopedia of alien gods]. Tokio : Sinkigensya, 2020, 304 p. (In Jap.).
11. *Tradiciya yavleniya bozhestv v Yaponii: neobychnye prazdniki vo Vsemirnom nasledii YUNESKO* [The tradition of the deities appearing in Japan: unusual holidays in the UNESCO World Heritage Site] // *Nippon: Sovremennyj vzglyad na*

Yaponiyu [Nippon: A modern view of Japan.]. URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00462/> (Accessed: 27.05. 2024). (In Russ.).

12. *Ebisu* // The Encyclopedia of Japan. URL: <https://kotobank.jp/word/%E3%81%88%E3%81%B3%E3%81%99-37175> (Accessed: 04.05.2024). (In Jap.).

Literature

13. *Bakshiev E. S.* «Redkie gosti» iz inogo mira [Rare guests from another world]. In Yaponiya: put' kisti i mecha [Japan: the road of brush and sword]. Moscow : Tipografiya No. 9, 2004, pp. 7– 12. (In Russ.).

14. *Ermakova E. M., Komarovskij G. E., Meshcheryakov A. N.* Sinto – put' yaponskih bogov: in two volumes. Saint Peterburg: Giperion, 2002, vol. 1: Ocherki po istorii sinto [Essays on the history of Shinto], 704 p. (In Russ.).

15. *Pavlenko N. V.* Dualizm obraza chuzhogo v yaponskoj kul'ture: ot demonicheskogo k bozhestvennomu [The dualism of the image of an alien in Japanese culture: from the Demonic to the Divine]. *Zhurnal frontirnyh issledovanij [Journal of Frontier Studies]*, 2008, pp. 147–168. (In Russ.).

16. *Falero A.* Origuchi Shinobu's Marebitoron in Global Perspective. A Preliminary Study // *Frontiers of Japanese Philosophy 7: Classical Japanese Philosophy*. Nagoya : Nanzan Institute for Religion & Culture, 2010. P. 274–304.

17. *Willaert R.* Tolai Dukduk/Tubuan (Tumbuan) Papua New Guinea // Flickr, 2009. URL: <https://www.flickr.com/photos/rietje/4245368961/in/photostream> (Accessed: 26.08.2024).

Information about the authors

Frolova Evgeniya L. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Oriental Studies, Humanitarian Institute of NSU, Novosibirsk.

E-mail: orient@lab.nsu.ru

Balkina Evgeniya A. – independent researcher, Novosibirsk.

E-mail: balkina01@mail.ru

Рис. 1. Расположение десяти самых известных обрядов богов-пришельцев на карте Японии [Намахагэ и Амамэхаги. Постановление о нематериальном культурном наследии Намахагэ и Амамэхаги, 2018]

Fig. 1. Location of the Ten Most Famous Alien Gods' Rituals on the Map of Japan [Namahage and Amamehagi... "Visiting Gods" Selected as Intangible Cultural Heritage, 2018]

Рис. 2. Регион Кюсю, остров Накано, село Тосима. Божество Акусэкидзима-но Бодзэ [Акусэкидзима бодзэ мацури, 2022]
Fig. 2. Kyushu region, Nakano island, Toshima village. God Boze of Akusekijima [‘Akusekijima-no Boze’ festival, 2022]

Рис. 3. Папуа-Новая Гвинея. Члены тайного общества дук-дук [Willaert R. Tolai Dukduk/Tubuan (Tumbuan) Papua New Guinea, 2009]
Fig. 3. Papua New Guinea. Members of the Dukduk secret society [Willaert R. Tolai Dukduk/Tubuan (Tumbuan) Papua New Guinea, 2009]

Рис. 4. Остров Хонсю, префектура Ямагата. Накидки *мино* в деревне Торидзаки. Фото Е. А. Балкиной, 2023
Fig. 4. Honshu island, Yamagata prefecture. *Mino* straw capes in Torizaki village. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 5. Остров Хонсю, префектура Ямагата, деревня Торидзаки. Помощь исполнителям роли *Амахагэ* в облачении в божество. Фото Е. А. Балкиной, 2023
Fig. 5. Honshu island, Yamagata prefecture, Torizaki village. Assisting the performers playing the role of *Amahage* in dressing up as a god. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 6. Остров Хонсю, префектура Ямагата, деревня Торидзаки. Съемка исполнителя роли для телевидения префектуры Ямагата. Фото Е. А. Балкиной, 2023

Fig. 6. Honshu island, Yamagata prefecture, Torizaki village. Filming of the Amahage performer for Yamagata Prefectural Television. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 7. Остров Хонсю, префектура Ямагата. Местное синтоистское святилище в деревне Торидзаки. Фото Е. А. Балкиной, 2023

Fig. 7. Honshu island, Yamagata prefecture. Local Shinto shrine in Torizaki village. Photo by E. A. Balkina, 2023

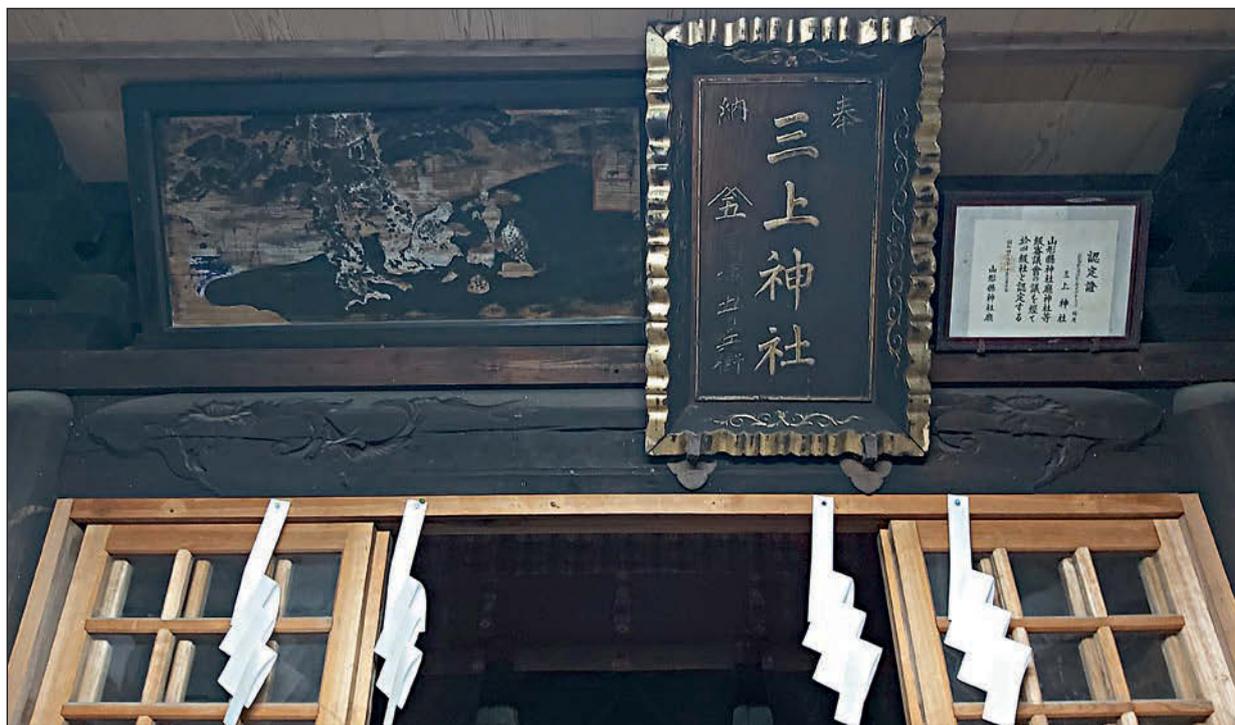

Рис. 8. Остров Хонсю, префектура Ямагата, деревня Торидзаки. Табличка с названием святилища. Фото Е. А. Балкиной, 2023

Fig. 8. Honshu island, Yamagata prefecture, Torizaki village. The name plate of the shrine. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 9. Остров Хонсю, префектура Ямагата, деревня Торидзаки. Выход божеств из святилища, начало обхода домов. Фото Е. А. Балкиной, 2023

Fig. 9. Honshu island, Yamagata prefecture, Torizaki village. Gods are getting out of the shrine. The beginning of house-to-house visits. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 10. Остров Хонсю, префектура Ямагата, деревня Торидзакэ. Амахагэ пьют сакэ вместе с пожилой парой в их доме. Фото Е. А. Балкиной, 2023

Fig. 10. Honshu island, Yamagata prefecture, Torizaki village. Gods Amahage are drinking sake with an elderly couple at their home. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 11. Остров Хонсю, префектура Иватэ, город Мориока. Макет божества Сунэка в префектуральном музее префектуры Иватэ. Фото Е. А. Балкиной, 2023

Fig. 11. Honshu island, Iwate prefecture, Morioka city. A maquette of the god Suneka at the Iwate Prefectural Museum. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 12. Остров Хонсю, префектура Иватэ, деревня Ёсихама. Маски бога Сунэка. Фото Е. А. Балкиной, 2023
Fig. 12. Honshu island, Iwate prefecture, Yoshihama village. Masks of the god Suneka. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 13. Остров Хонсю, префектура Иватэ, деревня Ёсихама. Заготовленные накидки мино. Фото Е. А. Балкиной, 2023
Fig. 13. Honshu island, Iwate prefecture, Yoshihama village. Prepared *mino* straw capes. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 14. Остров Хонсю, префектура Иватэ, деревня Ёсихама. Соломенные мешки. Фото Е. А. Балкиной, 2023
Fig. 14. Honshu island, Iwate prefecture, Yoshihama village. Straw sacks. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 15. Остров Хонсю, префектура Иватэ, деревня Ёсихама. Обувь Сунэка. Фото Е. А. Балкиной, 2023
Fig. 15. Honshu island, Iwate prefecture, Yoshihama village. Suneka's boots. Photo by E. A. Balkina, 2023

Рис. 16. Регион Кюсю, город Сацумасэндай. Божества Тосидон положили лепешку *марумоти* на спину ребенка [Косикидзима-но Тосидон, 2022]

Fig. 16. Kyushu region, Satumasendai city. God Toshidon is putting a *marumochi* cake upon a child's back [Koshikijima-no Toshidon, 2022]

Рис. 17. Префектура Окинава, остров Мияко, город Миякодзима. Божества Паанту [Учреждение Паанту в качестве нематериального культурного наследия, 2017]

Fig. 17. Okinawa prefecture. Miyako island, Miyakojima city. Gods Paantu [Resolution in regard of Pantu and others / UNESCO Intangible Cultural Heritage, 2017]

ИСТОРИЯ HISTORY

Библиотека Омской области
Отдел Омской области
№ 11 168 11

А.Ф. Погашев,

Мемуарно-географическое
описание Ламинской крепости
(1499-1501 г.).

1939 г.

№ 31 лист.

Маньчжурский текстъ Кяхтинскаго договора,
21-го октября 1727 года.

Маньчжурский текстъ Кяхтинскаго договора,
21-го октября 1727 года.

УДК 902; 908; 930.25

DOI 10.31630/2949-3609-2024-3-90-137

К. К. Ермакова^{1,3}, Г. П. Визгалов^{1,2,4}¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия² Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия³ АНО «Институт археологии Севера», Нефтеюганск, Россия⁴ ООО «НПО «Северная археология – 1», Нефтеюганск, Россия

ОПИСАНИЕ ЛЯПИНСКОГО ОСТРОГА БЕРЁЗОВСКОГО УЕЗДА: ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТА А. Ф. ПАЛАШЕНКОВА 1939 Г. «ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЯПИНСКОЙ КРЕПОСТИ (1499–1501)»

Аннотация. Ляпинская крепость – легендарный и на данный момент полностью утраченный памятник, являющийся самой северной русской крепостью в Сибири. Последним археологом, заставшим этот памятник, является А. Ф. Палашенков. По результатам экспедиции 1939 г. были зафиксированы остатки острожных укреплений, а также несколько сооружений. Ученым был проведен и анализ исторических источников, раскрывающий значение и историю этого населенного пункта на Севере Западной Сибири.

Annotation. The Lyapin Ostrog (Fortress) is a legendary and, at the moment, completely lost archaeological site, which is the northernmost Russian fortress in Siberia. The last archaeologist who found and analyzed this object was A.F. Palashenkov. As a result of the expedition of 1939, the remains of fortifications, as well as several other structures, were fully investigated. The scientist also analyzed the historical sources, that present the history of this settlement and its significance for the North of Western Siberia.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, р. Ляпин, р. Сосьва, аборигенное население (остяки, вогулы), колонизация Сибири

Keywords: North of Western Siberia, Lyapin River, Sosva River, aboriginal population (Ostyaks, Voguls), colonization of Siberia

Андрей Федорович Палашенков – известный омский археолог, краевед и музейный деятель, сыгравший большую роль в истории сибирской археологической науки. Еще с молодых лет он самоотверженно боролся за сохранение архитектурных памятников Европейской части России, за что был обвинен в шовинизме и отправлен в Сибирь. После досрочного выхода из лагеря он остался в Сибири и посвятил свою жизнь изучению ее памятников. В 1938 г. Палашенков отправился в первую экспедицию на Север с целью изучения быта и истории ненцев, исследовал остатки древней столицы Сибирского ханства – Искера. Город был расположен на высокой части берега Иртыша, и поэтому быстро разрушался, вследствие чего работы проводились в экстренном порядке. Однако в следующем году Андреем Федоровичем была организована экстремальная экспедиция: со своей командой ученый отправился по Северной Сосьве и Ляпину от Берёзова до Ляпинской крепости, известной по летописным источникам.

По пути к крепости Палашенковым были открыты еще 24 памятника археологии, представляющие остатки древних городов и поселений. Однако главной целью экспедиции был сам Ляпинский острог. Экспедиции А. Ф. Палашенкова предшествовала сложная работа по сбору материалов по истории

этого населенного пункта, а также уточнению его местонахождения.

Ляпинская крепость – легендарное место в Сибири. К сожалению, не известны ни точная дата постройки, ни имена основателей, а хронологические рамки ее функционирования датируются весьма широко – от второй половины XIV в. до первой половины XVIII в. Основание крепости связывают с различными событиями истории Сибири: и с походом Степана Ляпы и Александра Абакумовича 1363 г., и с походом воеводы Василия Шенкурского 1445 г., и с походом московской рати в Сибирь под началом князя Семена Курбского в 1499–1501 гг. Еще одна датировка была предложена Н. А. Абрамовым и К. Д. Носиловым – указ царя Федора Иоановича от 1592 г. Эта дата и была выбрана Андреем Федоровичем как самая вероятная. В этот период Ляпин являлся самым крупным и известным городом на Севере, находясь на Ляпино-Печорском торговом пути, поэтому он служил центром меновой торговли. Данный факт был отмечен также французским путешественником П.-М. де Ламартиныером. Но таковое значение сохранялось лишь до усиления влияния Берёзова и смены торговых путей – тогда и сам Ляпин постепенно пришел в упадок, и ко второй половине XVIII в. канул в небытие [Палашенков, 1963].

Особое значение в контексте изучения истории Ляпинской крепости имели вогульские предания. У местного населения было собственное мнение насчет времени основания крепости: по мнению старожил, основание крепости связано с походом князя Курбского 1499–1501 гг. Вспоминали они и еще одно событие – повешение ненца Обынди Хапуева, участвовавшего в групповом нападении, грабеже и убийстве с последующим издевательством над трупами убитых остяков, принявших крещение. Эта история была отмечена и священником Василием Герасимовым, изучавшим остатки крепости на 50 лет раньше [Визгалов, Ермакова, 2024]. Однако если Василием Николаевичем еще были зафиксированы развалины когда-то известной крепости, то Андрею Федоровичу удалось застать лишь головешки – крепость была разрушена вследствие случайного пожара, устроенного местным жителем в 1924 г.

Палашенковым были изучены и зарисовки Шахова, однако исследователь пришел к выводу, что художник в самом Ляпине не был и рисовал его по классическому представлению русских городов в Сибири, так как на рисунке не были отмечены ни природный рельеф, ни рельеф, где проводились казни.

В 1939 г. Андрей Федорович оказался на месте крепости, которое было указано местным старожилом. В то время там располагались силосные ямы и иные современные сооружения, практически полностью уничтожившие следы крепости, однако ученый обнаружил множественные впадины от жилых и административных построек, относящихся к Ляпинской крепости.

В северной части крепости были найдены восемь построек, а в южной стороне можно было идентифицировать еще пять. В северо-восточном углу была раскопана жилая изба размерами 4,7 × 4,7 м и очаг, в пределах которого найдены фрагменты сосудов, железных изделий и кости. В восточной стороне обнаружены и расчищены следы сооружения, которые исследователь идентифицировал как земляной погреб (пороховой склад). Общий периметр защитных сооружений, по расчетам Палашенкова, составил 131,5 м [Историко-географическое описание..., 1939].

После исследований 1939 г., проведенных А. Ф. Палашенковым, попытки найти легендарную крепость предпринимались еще четыре раза: в 1981, 1991, 2003 и 2007–2008 гг. Самой успешной можно назвать последнюю. Хотя визуально следов крепости или иных сооружений обнаружено не было, а культурный слой был практически полностью разрушен, найденные фрагменты керамики, бытовые изделия и украшения свидетельствуют о возможности временных стоянок аборигенного населения, расположенных вблизи крепости. Хронологически они относятся ко второй половине XVII в. и более поздним периодам [Визгалов, Балуева, 2002].

На данный момент Ляпинская крепость считается полностью утраченной, так как ландшафт восточного берега р. Ляпин был коренным образом изменен в ходе антропологического воздействия в XX в.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00624, <https://rscf.ru/project/22-18-00624/>

Литература и источники

Источники

1. **Герасимов В. Н.** Обдорск (исторический очерк). Тюмень : Тип. «Сибирской торговой газеты», 1909. 88 с.
2. Историко-географическое описание Ляпинской крепости (1499–1501 гг.). Рукопись // Исторический архив Омской области. Ч. 1. 1939. Ф. Р-2200. Оп. 1. Д. 163. 31 с.
3. **Завалишин И. И.** Описание Западной Сибири. М. : Тип. Грачева и К, 1862. 422 с.
4. **Носилов К. Д.** У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 304 с.

Литература

5. **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. 1932 Т. 1: XIII–XVII вв. 368 с.
6. **Визгалов Г. П., Балуева Ю. В.** Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск, 2002. Вып. 1. С. 276–285.
7. **Визгалов Г. П., Ермакова К. К.** Первый Открытый лист Югры: раскопки священника Герасимова в Берёзовском округе // Северные древности: археология, этнография, история. 2024. № 1 (9). С. 134–159.
8. **Иловайский Д. И.** Верхнеюрские аммониты Ляпинского края. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1917, 213 с. Работы геологич. отд. И.О.Л.Е.А.Э. Т. 1. С. 11
9. **Палашенков А. Ф.** Ляпинская крепость // Известия Омского отделения Географического общества СССР. 1963. Вып. 5(12). С. 153–159.

Сведения об авторах

Визгалов Георгий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, ведущий научный сотрудник Центра югорской археологии и этнографии НОЦ Института гуманитарного образования и спорта

СурГУ, г. Сургут; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор ООО «НПО «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск.

SPIN-код: 6728-8917

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Ермакова Ксения Кирилловна – лаборант Центра югорской археологии и этнографии НОЦ Института гуманитарного образования и спорта СурГУ, г. Сургут; лаборант АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

E-mail: xeniya954@mail.ru

K. K. Ermakova^{1,3}, G. P. Vizgalov^{1,2,4}

¹ Surgut State University, Surgut, Russia

² Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

³ ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk, Russia

⁴ "Scientific Production Association "Northern Archeology-1" LLC, Nefteyugansk, Russia

DESCRIPTION OF THE LYAPIN FORTRESS OF THE BEREZOV UEZD: BASED ON THE REPORT OF A.F. PALASHENKOV, 1939, "HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL DESCRIPTION OF THE LYAPIN FORTRESS (1499–1501)"

Summary

Andrey Fedorovich Palashenkov is a famous Omsk archaeologist, local historian and museum professional who played a major role in development of Siberian archaeological science. In 1939, Palashenkov organized an expedition along the Northern Sosva and Lyapin rivers from Berezov to the Lyapin fortress, known from chronicle sources.

The foundation of the Lyapin Fortress is associated with various events in the history of Siberia. These include the campaign of Stepan Lyapa and Alexander Abakumovich in 1363, the campaign of the voivode Vasily Shenkursky in 1445, the campaign of the Moscow army to Siberia under the command of Knyaz Semyon Kurbsky in 1499–1501, and also the decree of Tsar Fyodor Ioannovich from 1592. The last date, according to A. F. Palashenkov, is the most probable.

As a result of the fire happened in 1924, only charcoals remained of the fortress. In 1939, Palashenkov arrived at the site of the fortress. At the place where at that time were silo pits, he discovered eight buildings in the northern part and five in the southern part. In the north-eastern corner, a residential hut measuring 4.7 x 4.7 m and a fireplace were excavated, some fragments of vessels and iron products, bones were found there. A cellar (powder store) was found on the eastern side. The total perimeter of the defensive structures, according to Palashenkov's calculations, was 131.5 m.

After the investigations of 1939, there were four more attempts to search for the legendary fortress (1981, 1991, 2003 and 2007–2008). The excavations of 2007–2008 can be considered the most successful. Although no visual traces of any structures were found and the cultural layer was almost completely destroyed, small fragments of ceramics, household items and jewelry were found. Chronologically, they can be dated by the second half of the 17th century and later periods. According to the researchers, these are the site of temporary camps of the aboriginal population, located near the fortress [Vizgalov, Balueva, 2002].

At present, the Lyapin Fortress is considered to be completely lost, since the landscape of the eastern bank of the Lyapin river was radically changed due to the anthropological impact of the 20th century.

References

Sources

1. **Gerasimov V. N.** Obdorsk (istoricheskij ocherk) [Obdorsk (historical essay)]. Tyumen: Typography of Siberian Trade Paper, 1909, 88 p. (In Russ.).
2. Istoriko-geograficheskoe opisanie Lyapinskoj kreposti (1499–1501 gg.). Rukopis' [Historical and geographical description of the Lyapin fortress (1499–1501)]. Manuscript // Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [Historical archive of the Omsk region]. Part 1 1939 Ф. Р-2200. Оп. 1 Д. 163 31 p. (In Russ.).
3. **Nosilov K. D.** U Vogulov: Ocherki i nabroski [Among Vogul People: Essays and Sketches]. Tyumen: SoftDizajn, 1997, 304 p. (In Russ.).

4. **Zavalishin I. I.** Opisanie Zapadnoj Sibiri [Description of Western Siberia]. Moscow : Typography of Grachev and K., 1862, 422 p. (In Russ.).

Literature

5. **Alekseev M. P.** Sibir v izvestiyah zapadno-evropejskikh puteshestvennikov i pisatelej [Siberia in the reports of Western European travelers and writers]. 1932, vol. 1: 13th – 17th centuries, 368 p. (In Russ.).

6. **Ilovajskij D. I.** Verhneyurskie ammonity Lyapinskogo kraja [Upper Jurassic ammonites of the Lyapinsky region]. Moscow : Partnership of the printing house of A. I. Mamontov, 1917, 213 p. Works of geological. dep. И.О.Л.Е.А.Э. V. 1 P. 11

7. **Vizgalov G. P., Balueva Yu. V.** Poisk Lyapinskogo ostroga (po rezul'tatam arheologicheskikh issledovanij 2007–2008 gg.) [Search for the Lyapin fortress (based on the results of archaeological research in 2007-2008)] // Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk, 2002, Issue 1, pp. 276–285 (In Russ.).

8. **Vizgalov G. P., Ermakova K. K.** Pervyj Otkrytyj list YUgry: raskopki svyashchennika Gerasimova v Beryozovskom okruge [The First archaeological excavation permit of Yugra: Excavations of the Priest Gerasimov in the Berezovsky District // Severnye drevnosti: arheologiya, etnografiya, istoriya [Northern Antiquities: Archaeology, Ethnography, History], 2024, No. 1 (9), pp. 134–159 (In Russ.).

9. **Palashenkov A. F.** Lyapinskaya krepost' [Lyapin Fortress] // Izvestiya Omskogo otdeleniya Geograficheskogo obshchestva SSSR [Bulletin of the Omsk Branch of the Geographical Society of the USSR], 1963, Issue 5 (12). pp. 153–159 (In Russ.).

Information about the authors

Vizgalov Georgiy P. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of history of Russia, leading researcher of the Ugra Laboratory of Archeology and Ethnography, the Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk; director of LLC “SPA “Northern Archaeology – 1”, Nefteyugansk.

SPIN-code: 6728-8917

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Ermakova Ksenia K. – laboratory assistant of the Center of Yugra Archeology and Ethnography, REC of the Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; laboratory assistant of ANO “Institute of Archeology of the North”, Nefteyugansk.

E-mail: xeniya954@mail.ru

Приложение 1

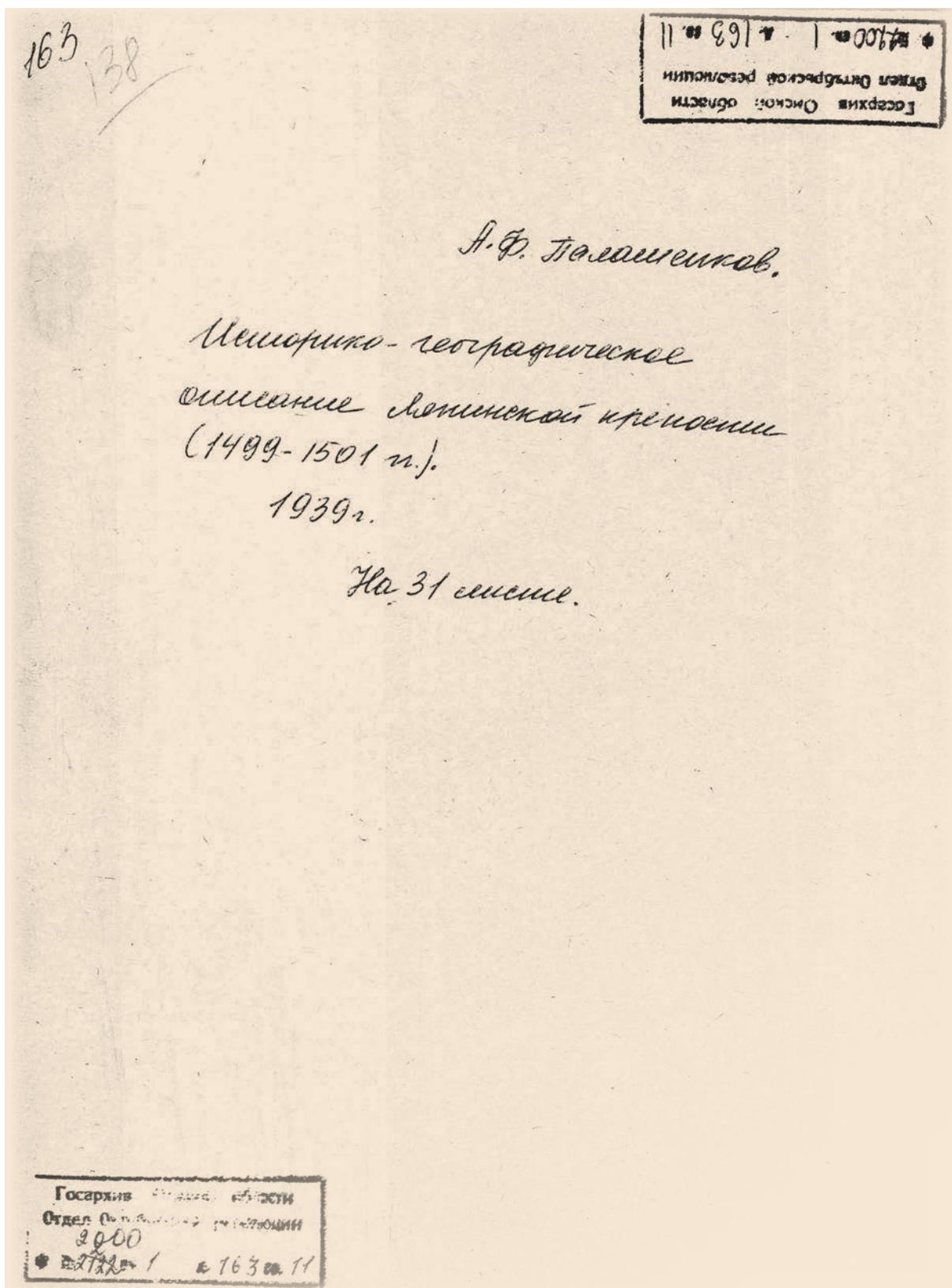

Рис. 1. Титульный лист отчета А. Ф. Палашенкова «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.» 1939 г. На 31 листе. Государственный архив Омской области

Fig. 1. Title page of the report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. 1939. On 31 sheets. State Archive of the Omsk region

ЛЯПИНСКАЯ КРЕПОСТЬ.

На левой стороне р. Ляпин /Сызва²/, против села Саран-Пауль, Березовского района Тюменской области, до недавнего времени /до 1924г./ сохранялись остатки древней русской Ляпинской крепости.

В 1884 году исследователь Севера, путешественник К. Д. Носилов писал:

"Раз, охотясь так как раз против поселка Саран-Пауль, за рекою Сызвон², /Ляпин - А. П./, как сейчас помню, развел руками какой то куст вустой черемухи и так и застыл на месте. Передо и мной в кустах - обугленная временем, бревенчатая, жв вся темная, постройка, и все так поросло травой, так затянуло кустарником, что видны только стены, маленькое оконце и *Постройка представляла из себя старую бойницу - крепость,* часть повалившегося частекола, и когда я осторожно туда проник, то в ней оказались две низенькие, полугруглые двери и выше потолка такие кругом по стенам полаты, которые явно служили жителям этой странной крепости местом сражения, потому что повсюду в стенах их, выдавшихся на улицу, были проделаны маленькие отверстия, в которых вставлялись старинные

15000
1876 "пищали".^{x)}
1499 году - князь Московским государством
Московскому государству
постройка представляла из себя бойницу-крепость.^{x/} *астроном*

Для подчинения богатых пушнинной Вгорской и Обдорской земель Московскому Государству, в 1499 году была снаряжена военная экспедиция, ~~ж~~ состоявшая из 4042 человек^{xx/}. Во главе рати *сталли* Семен Курбский и Петр Ушатов.

Перейдя Уральские горы, рать спустилась в равнины и через неделю на притоке Северной Сосви, на реке Ляпин Сызва был взят первый во-

^{x/} К. Д. Носилов - По следам князя Курбского. У вогулов. Очерки и наброски. Изд. Суверина, 1904г., стр. 214.

^{xx/} П. А. Словцов сомневается в численности участников похода и даже в самом походе 1499-1501гг.

Рис. 2. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 1

Fig. 2. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Printed text. Sheet 1

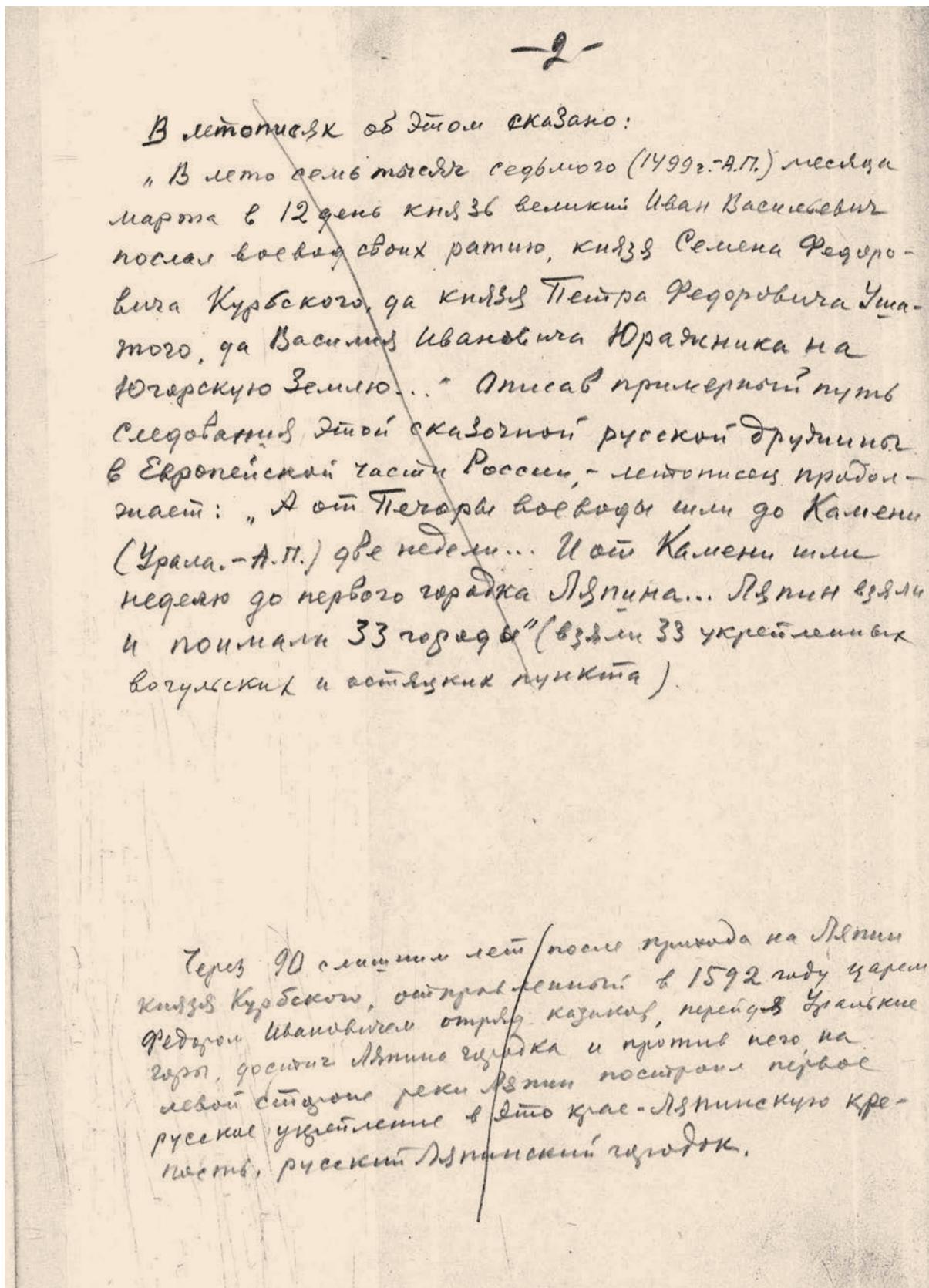

Рис. 3. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 2

Fig. 3. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. Manuscript. Sheet 2

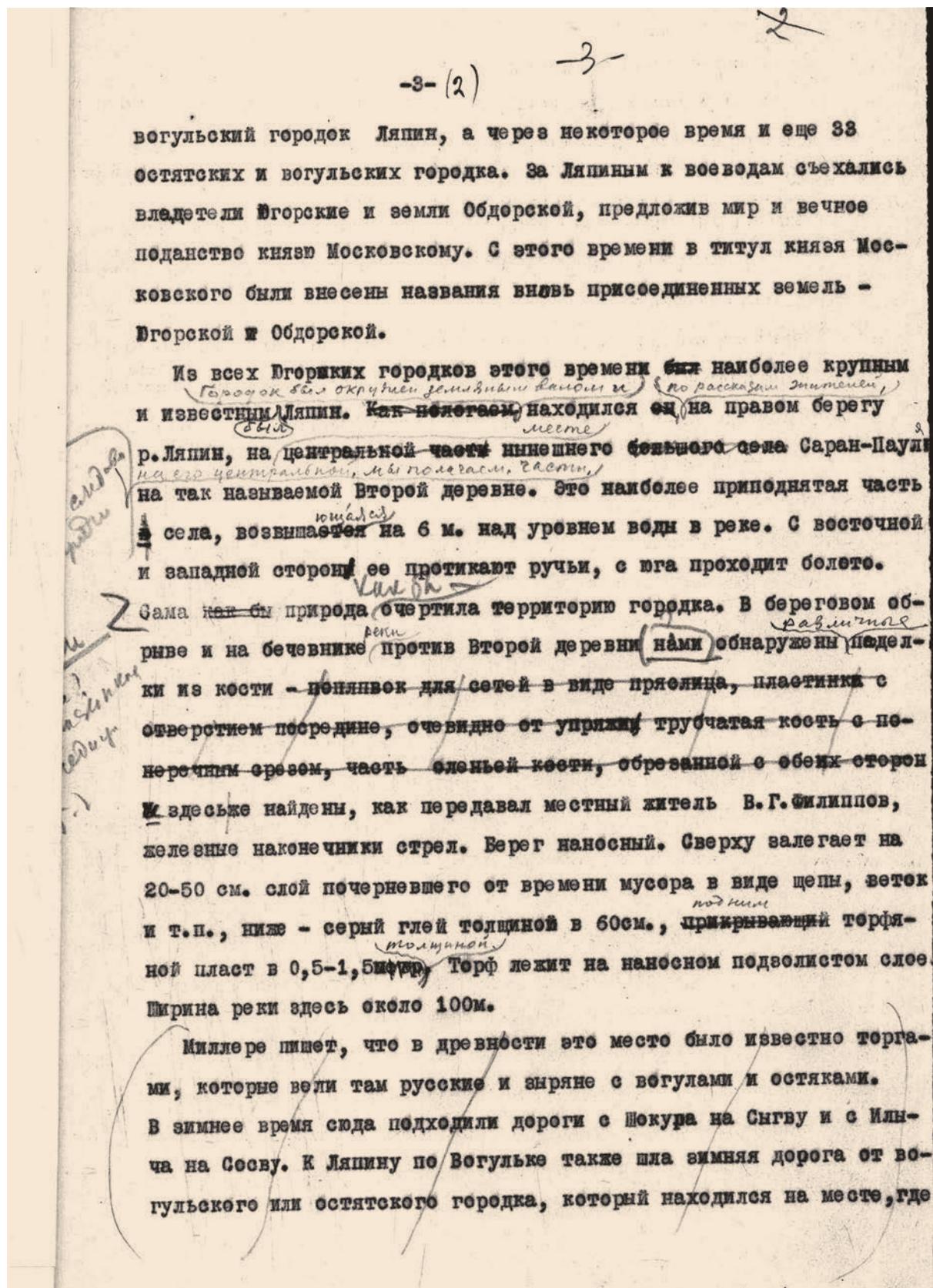

Рис. 4. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 3

Fig. 4. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. Printed text. Sheet 3

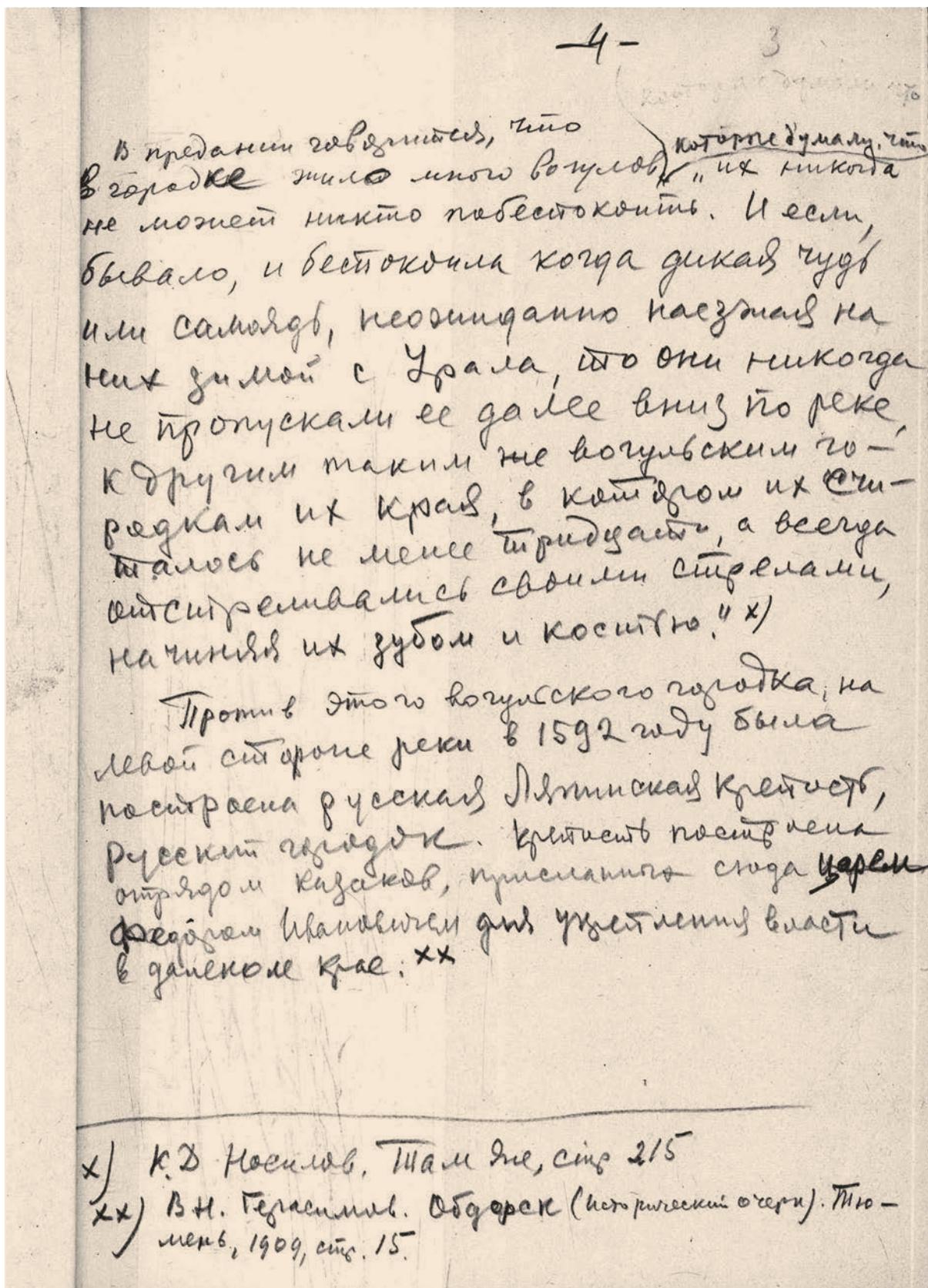

Рис. 5. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 4

Fig. 5. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 4

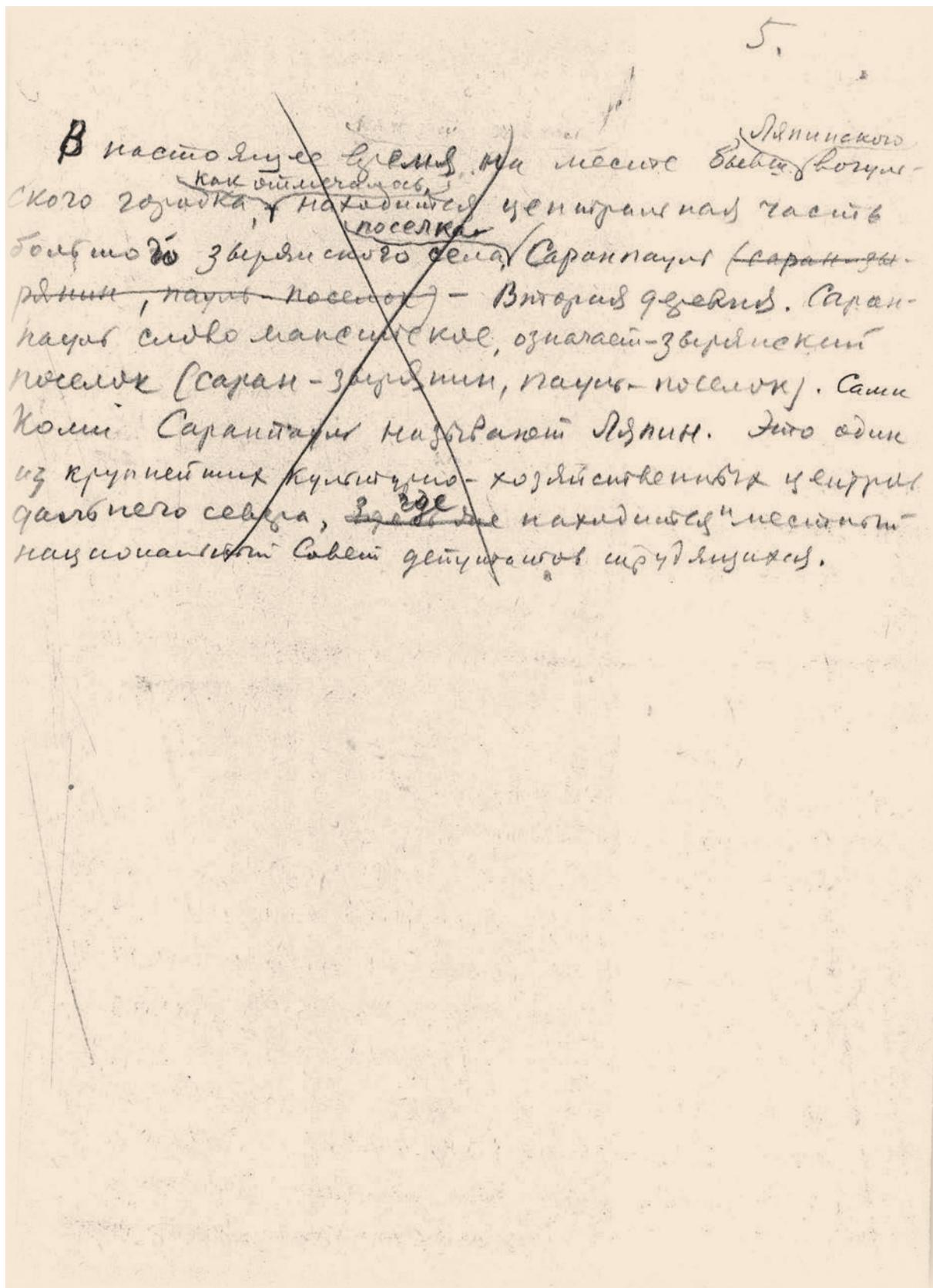

Рис. 6. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 5 (4)

Fig. 6. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. Printed text. Sheet 5 (4)

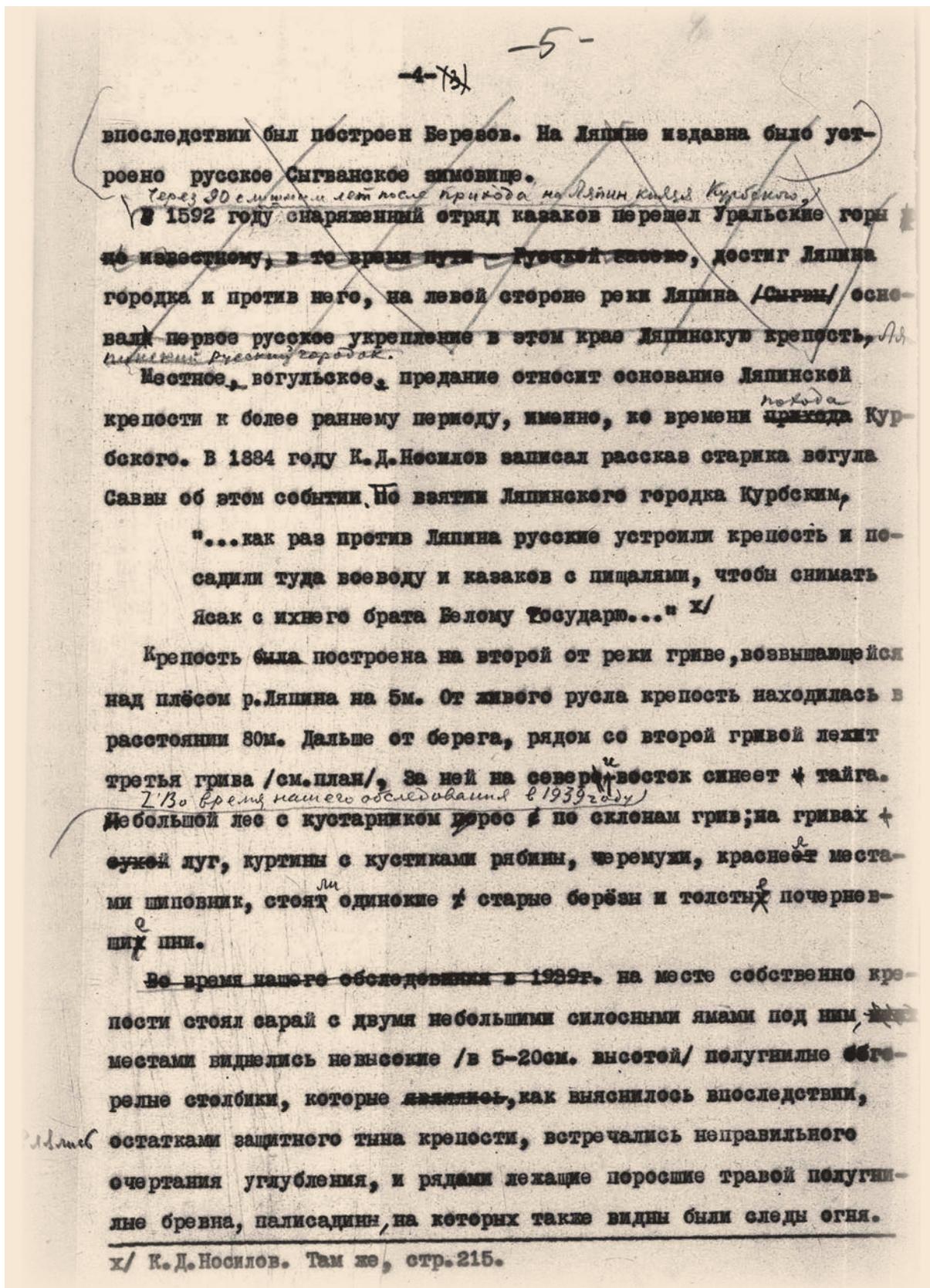

Рис. 7. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Япинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 5

Fig. 7. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. Printed text. Sheet 5

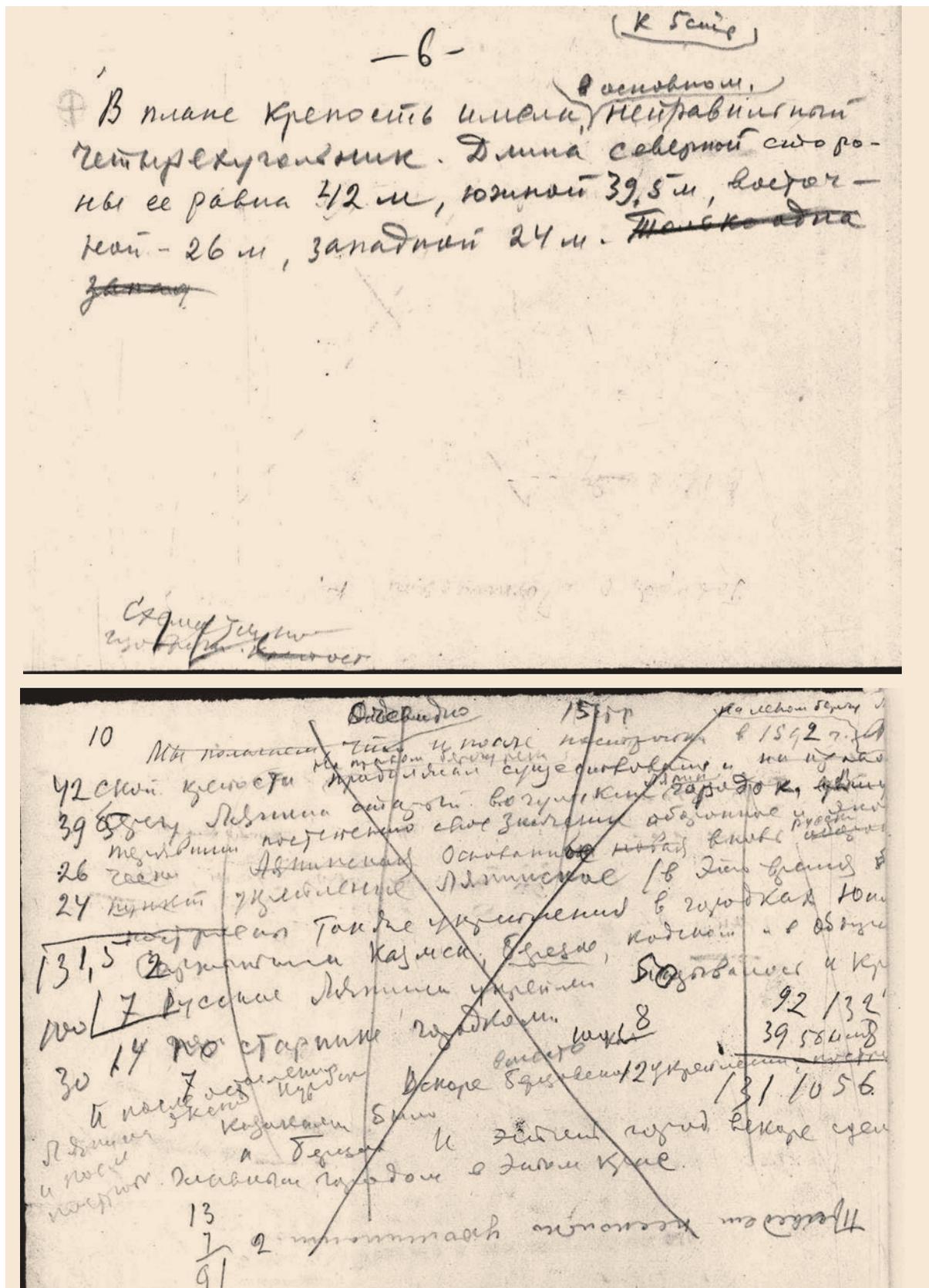

Рис. 8. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 6 (4)
 Fig. 8. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. Manuscript. Sheet 6 (4)

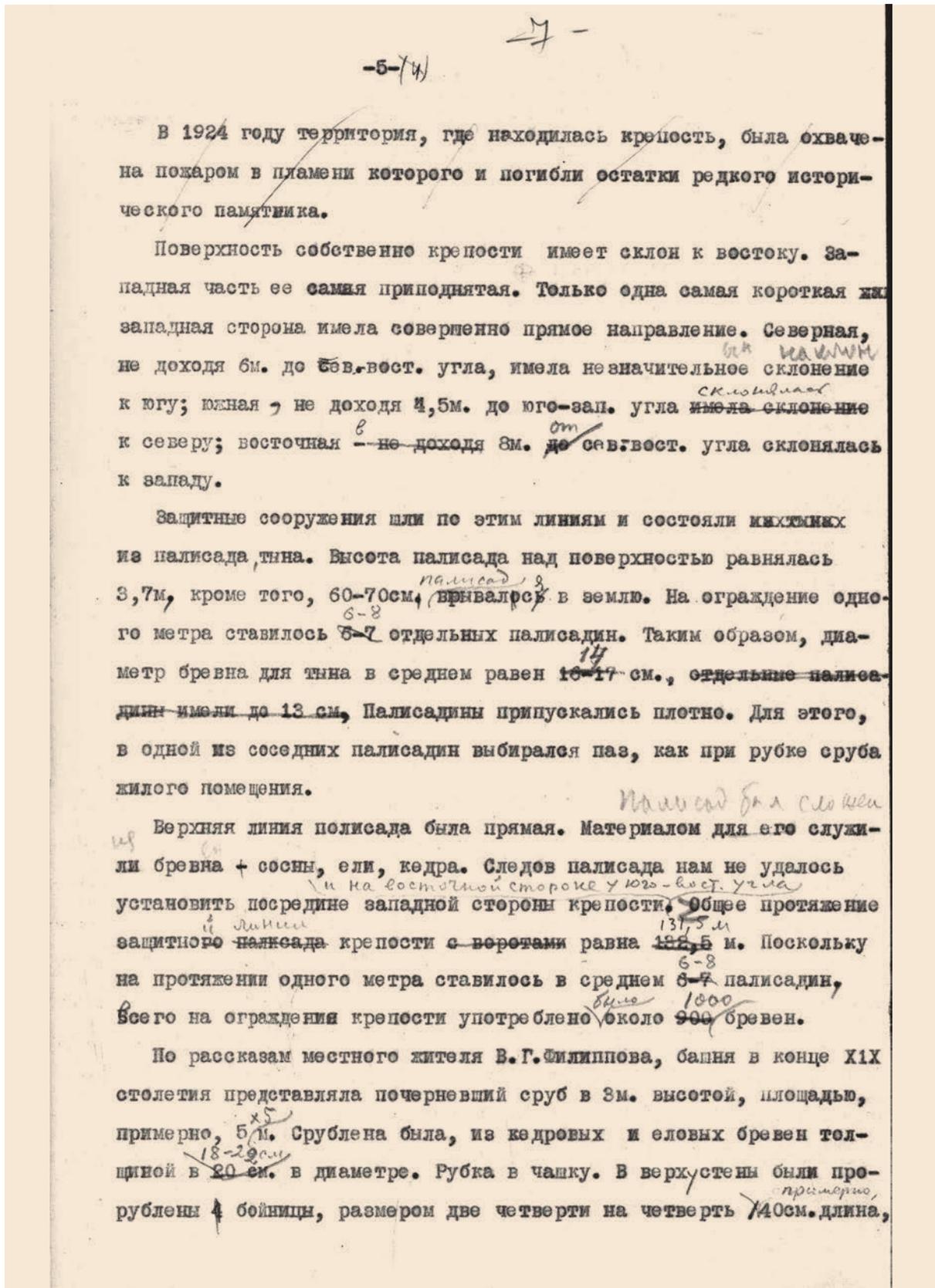

Рис. 9. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 7 (5)

Fig. 9. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Printed text. Sheet 7 (5)

-8-

-6-*)

20 высота/. Вход в башню вверху ^{нами} (полукруглую форму). Внутри ~~башни~~ башни, несколько ниже бойниц, лежали широкие ~~доски~~ плахи, предназначенные для защитников крепости во время обороны. Сообщение В. Г. Филиппова согласно с описанием башни К. Д. Носиловым.

^{случае} Следов ~~башни~~ ^{наши} собственно башни не обнаружено. Как передавал В. Г. Филиппов ^{находился} на месте прохождения тропинки через гриву, вблизи силосных ям и построенного над ними колхозного сарая, т. е. именно, на ^{следов там} том месте западной линии крепости, где нами не обнаружено, ^{на месте башни} не могло быть тына. Между тем на всем периметре палисада нами не обнаружено следов тына ^{Как упомянул Носилов,} в двух местах - на восточной линии крепости у юго-восточного угла и на упомянутом месте западной линии палисада: На восточной линии крепости башня не могла находиться, поскольку восточная часть крепости лежит в самой низкой части территории крепости. Башня же, являясь ^{яв} главным местом защиты крепости, вместе с тем была и дозорным пунктом. Западная ~~часть~~ сторона крепости господствует над местностью. Отсюда открывался вид на далекое расстояние вверх и вниз реки, а также на заречную сторону. ^{Это место особенно выгодно было для дозора.}

Но наше обоснование местонахождения башни не согласуется с рисунком Ляпинской крепости конца XVII века, исполненным Николаем Шаховым. На совершенно ровном возвышении левого берега реки Сырвы /Ляпина/ представлена на рисунке ~~Шахова~~ Ляпинская крепость. В середине обращенного к реке тына возвышается башня с навесной верхней частью и шатровой кровлей. В башню ведут арочные двухпольные ворота. Из-за тына по правую и левую стороны виднеются кровли домов, несколько островерхих елей. В рисунке не дан ^{схем к востоку} ~~рисунок~~ рельеф Ляпинской крепости, и вместе с тем крепость изображена на самом берегу реки, в то время, как она

Рис. 10. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 8 (6)

Fig. 10. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Printed text. Sheet 8 (6)

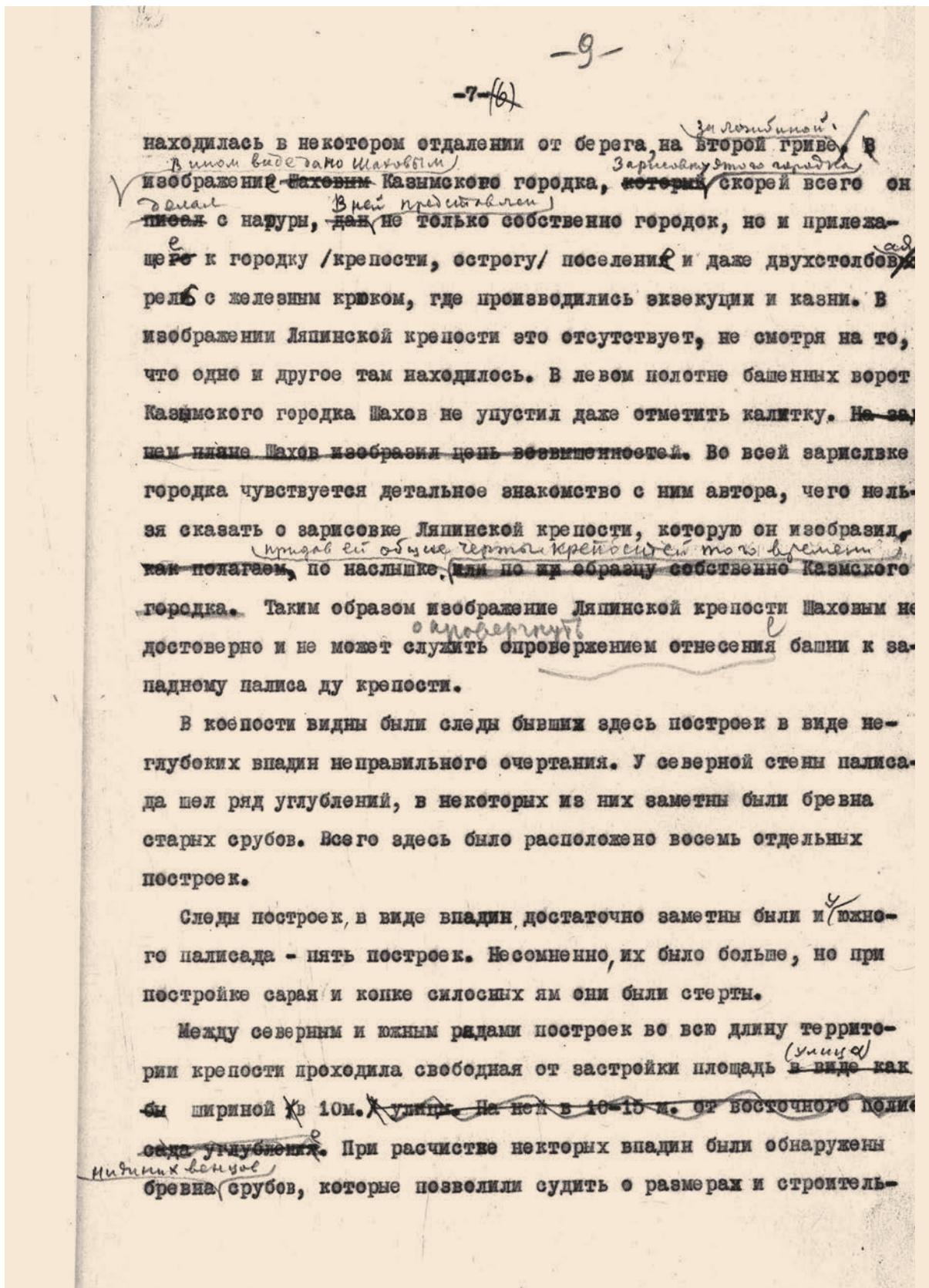

Рис. 11. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 9 (7)

Fig. 11. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapun Fortress 1499–1501”. Printed text. Sheet 9 (7)

-10-

-8-(7)

ной техники построек. Почти полностью выявлен нижний венец жилой постройки - избы в северо-восточном углу крепости. Постройки квадратной формы. По внутреннему обмеру площадь ее равна 4,7x4,7м. Срублен, как и башня, из хвойного леса. Толщина бревен в среднем 17-20см, в диаметре. Рубка в обло. Выходящие наружу за чашку концы бревен ~~различной длины - 20-40 см~~ ^{бревна скандинавские подвергались} ~~не подвергались скандинавской обработке~~ ^{внутри постройки}. Под нижним венцом не обнаружено столбов. Для сохранения тепла бревна клались непосредственно на расчищенную поверхность земли. Обнаружены тесовые плахи, ^{скорее всего} ~~возможно~~ от настила пола. В юго-восточном углу постройки следы очага площадью 1,2x1,2м. Основание очага ~~нижнего венца сруба~~ ^{нижнего венца сруба} на 10-15см. Здесь зольно-угельная прослойка в 5-7см. толщиной, куски глиняной обмазки, несколько обломков костей черепка глиняного сосуда, небольшой железный обломок, небольшой камень со следами огня. Кроме жилых построек, ^{здесь, несомненно,} были и постройки служебного назначения. На площади в 13-15 м. от восточной линии палисада, находилось углубление в 1м. глубиной, 4м, длиной, 1 м. шириной. От какого сооружения оно сохранилось - трудно сказать. Может быть здесь был погреб для хранения зерна - ~~переха.~~ ^{от жилища}

~~и на 3-ей гриве, в расстоянии 40м. на сев.-запад от собственно крепости, сохранились следы бывших жилищ в виде выдвинутых фасадов~~ ^{от жилища} ~~в ряд по линии сев.-вост., восток-запад. Фасадам постройки выходили на юг. Здесь приметны следы 12-ти построек.~~

На запад от собственно крепости, вблизи ~~найдены следы построек, от которых сохранились~~ ^{найдены следы построек, от которых сохранились} ~~углублений, направленных от сев.-вост. к югу.~~ ^{этим же} В западном это направление нагробье, за неглубоким рвом через гриву в 10 м шириной, так же были две постройки.

Рис. 12. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 10 (8)

Fig. 12. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Printed text. Sheet 10 (8)

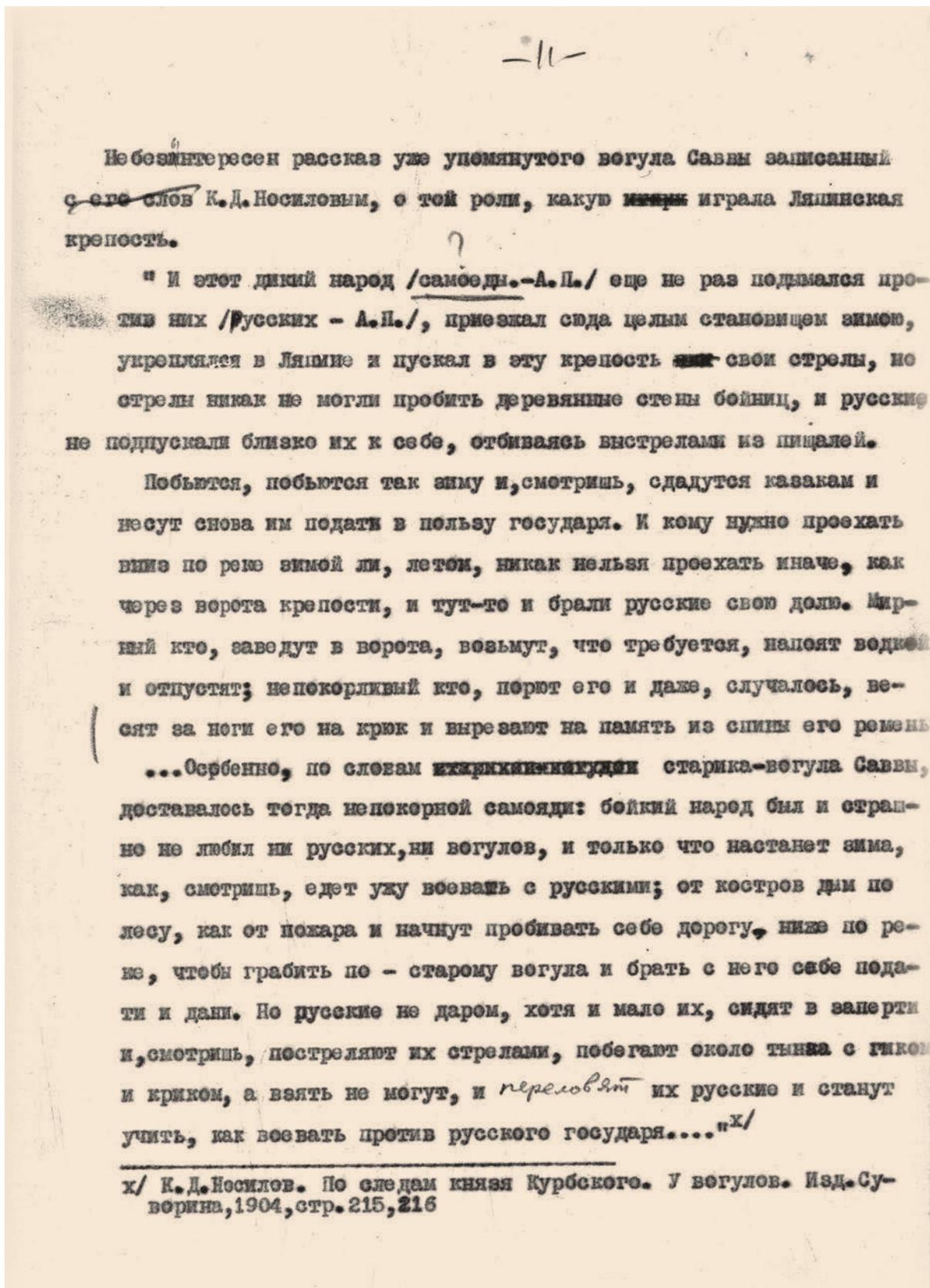

Рис. 13. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 11

Fig. 13. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Printed text. Sheet 11

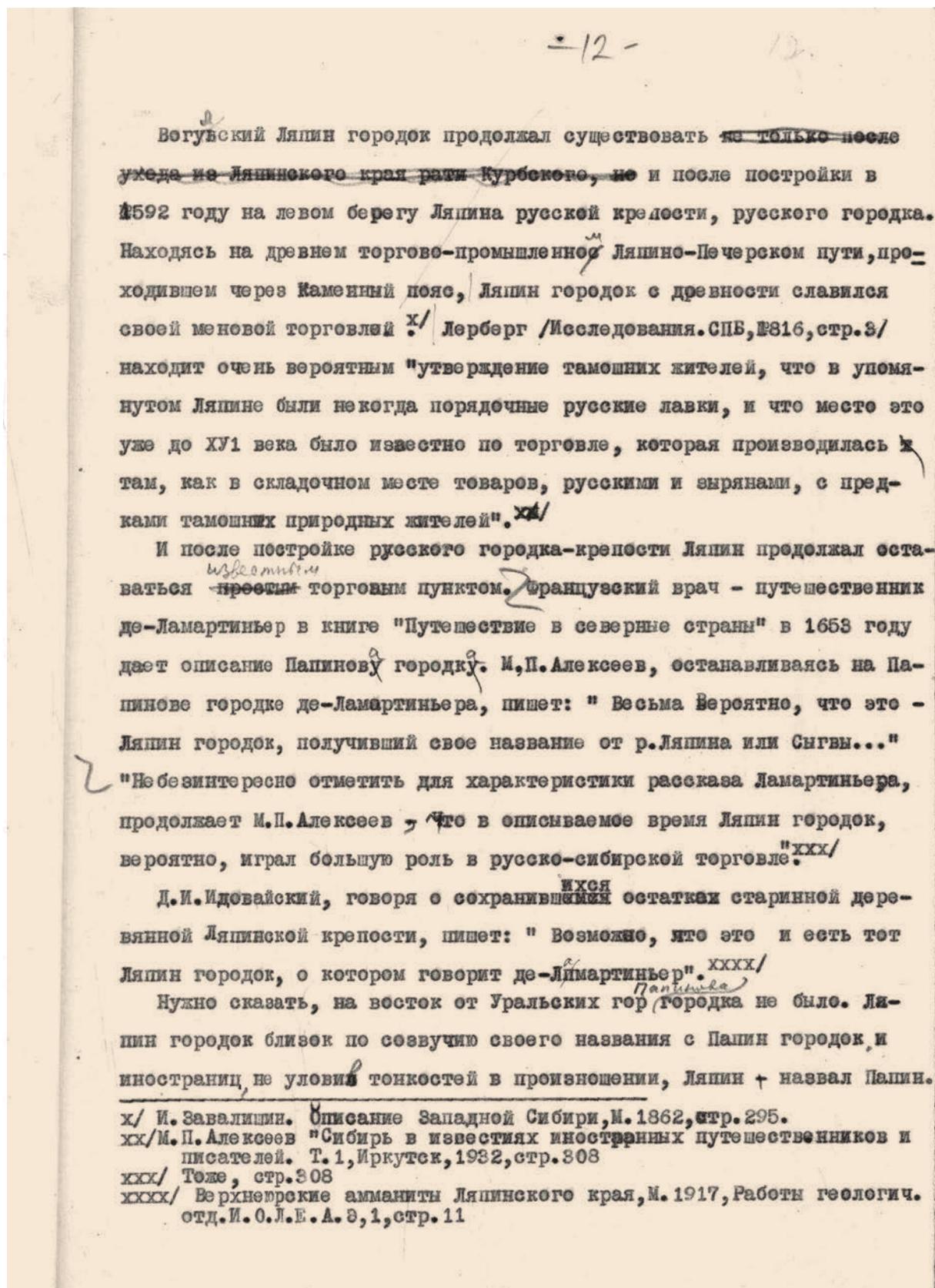

Рис. 14. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 12

Fig. 14. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Printed text. Sheet 12

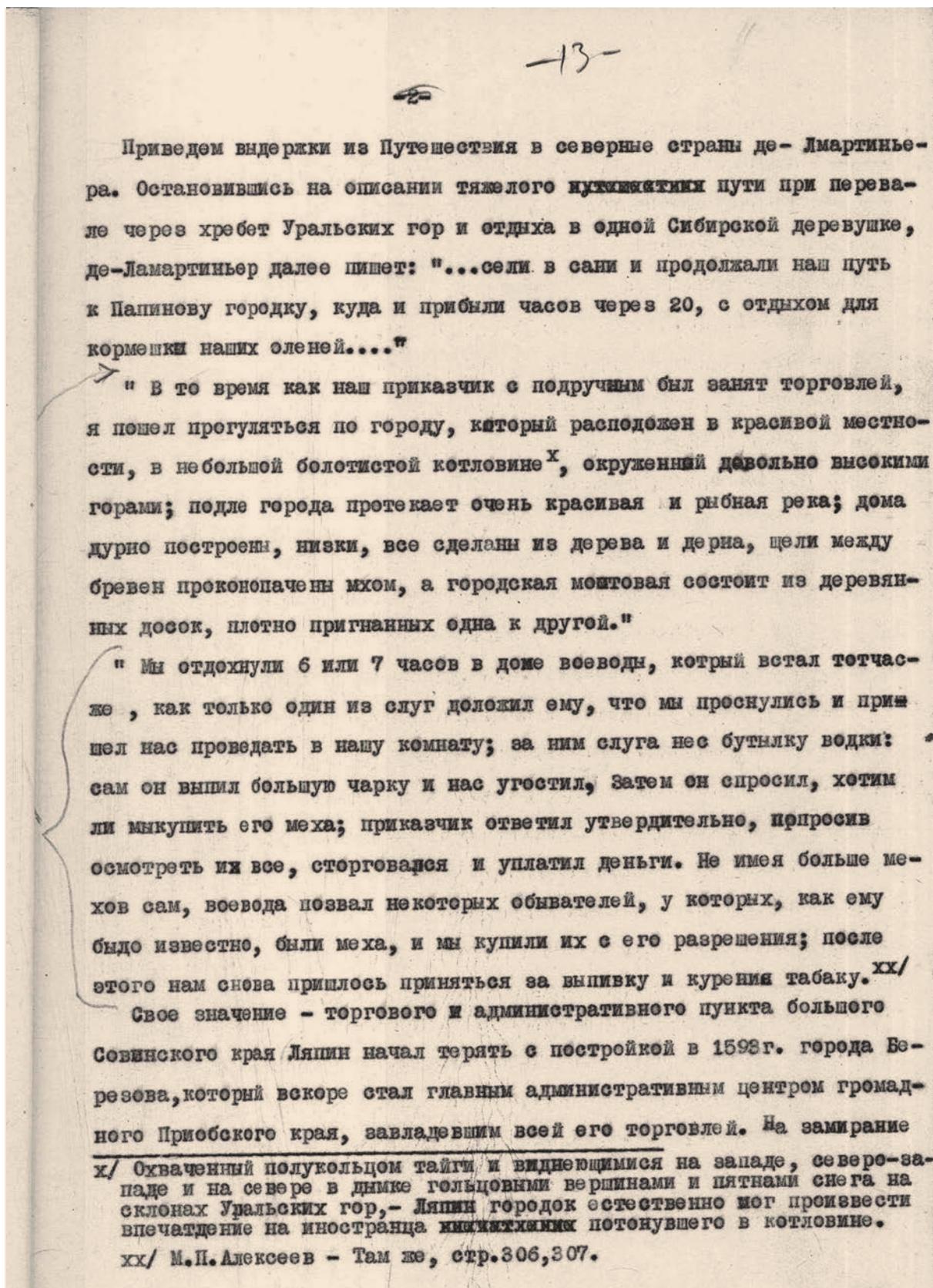

Рис. 15. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 13

Fig. 15. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Printed text. Sheet 13

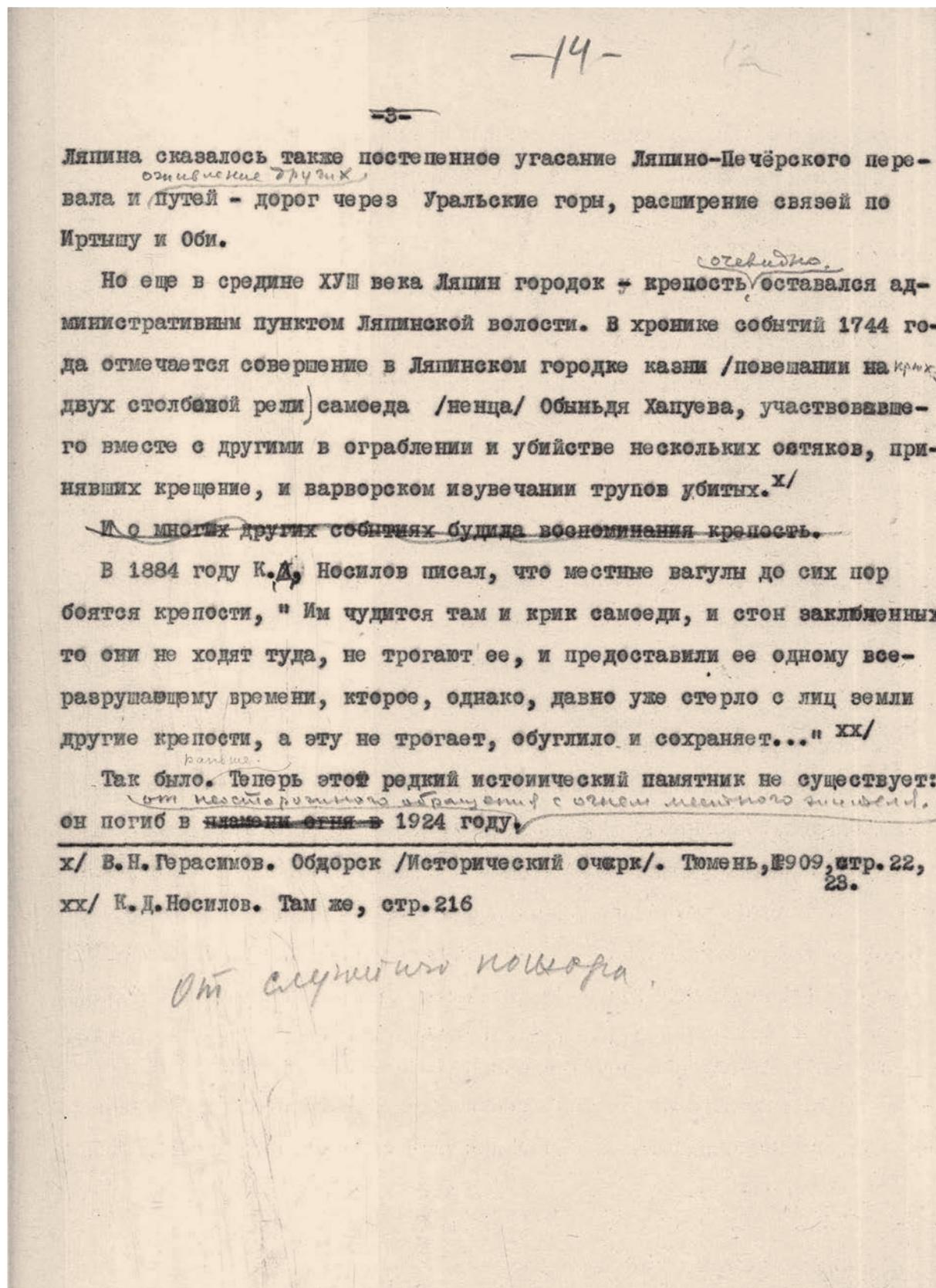

Рис. 16. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Печатный текст. Лист 14

Fig. 16. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Printed text. Sheet 14

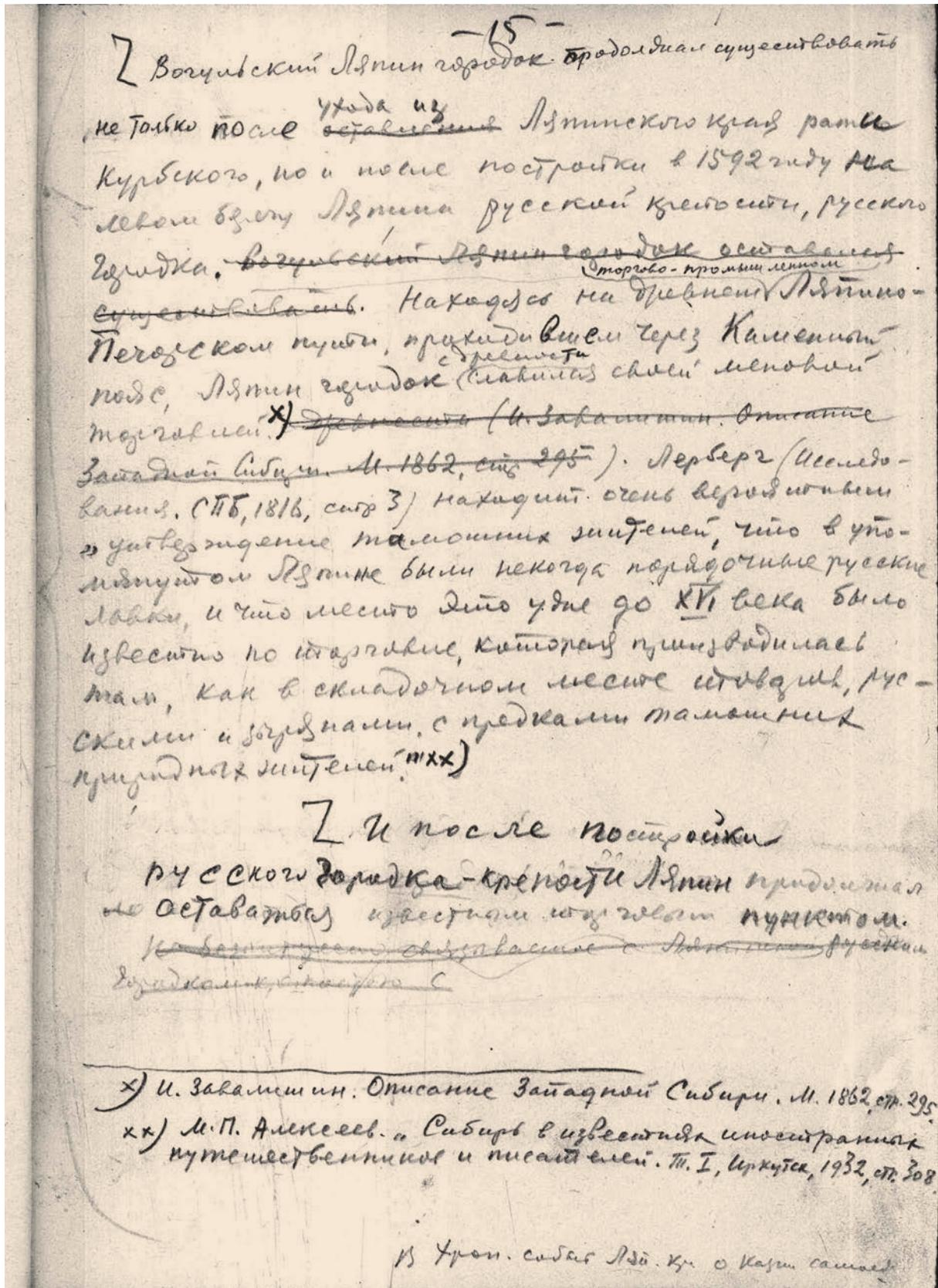

Рис. 17. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 15

Fig. 17. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 15

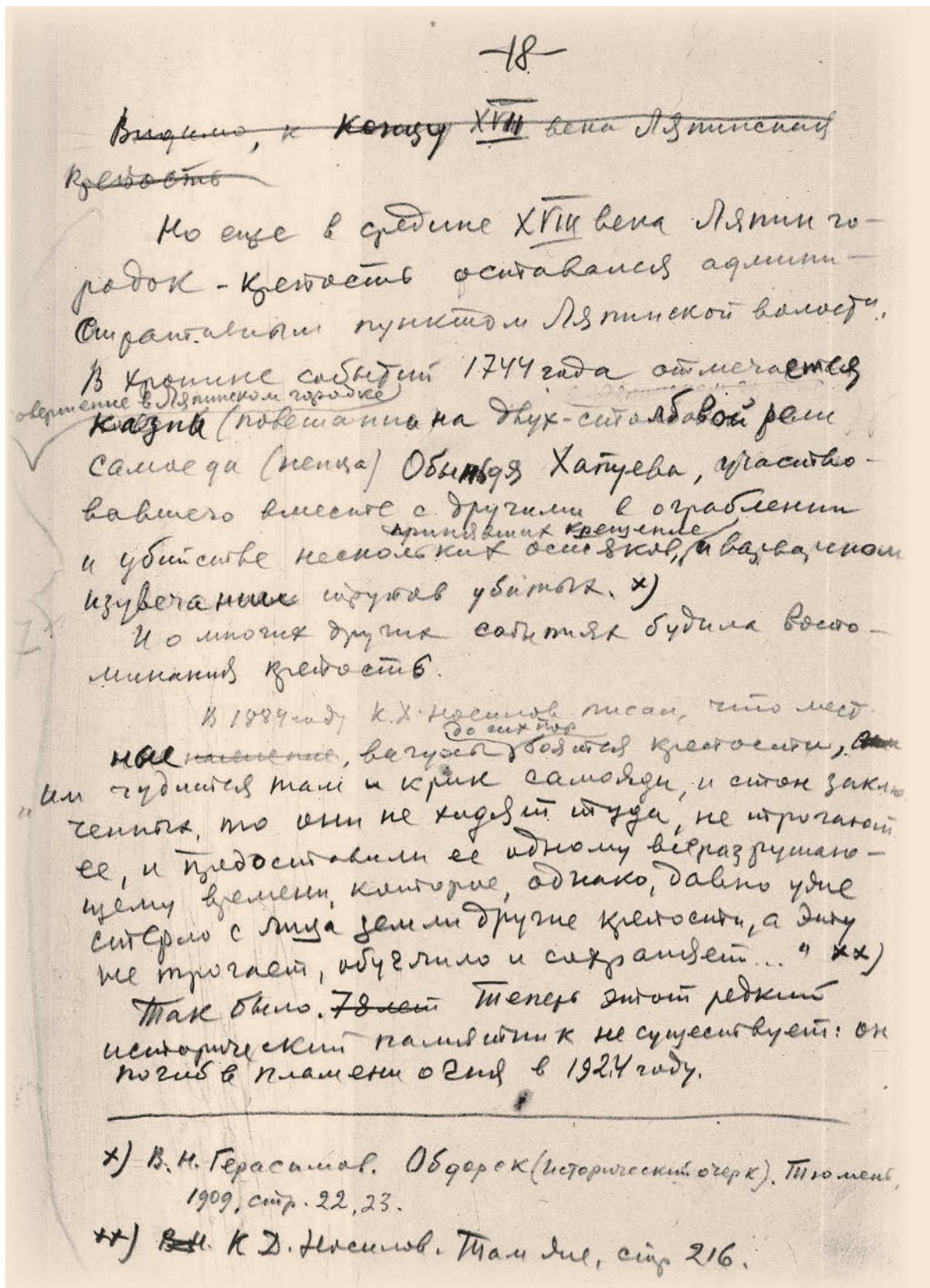

Рис. 20. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 18

Fig. 20. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 18

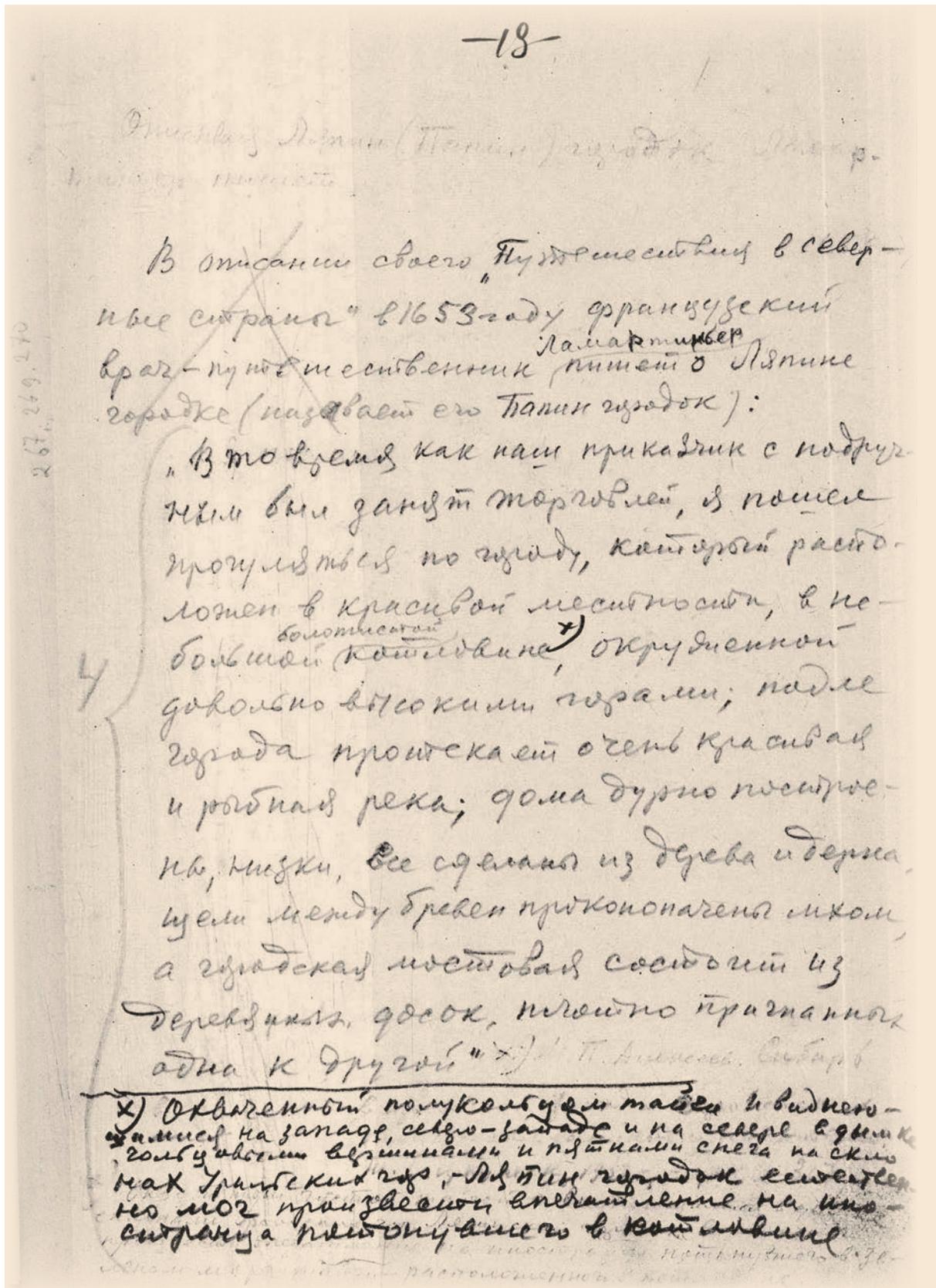

Рис. 21. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 19
 Fig. 21. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 19

-20-

М. П. Алексеев полагает,
 что в описываемые время Ляпин городок, вероятно,
 играл большую роль в русско-сибирской торговле.
 Так, Лерберг (Исследования СИБ, 1816, стр. 3)
 находит очень вероятно „утверждение
 тамошних жителей, что в упомянутом Ля-
 пине были некогда порядочные русские лавки,
 и что место это уже до XVI века было известно
 по торговле, которая производилась там,
 как в складочном месте товаров, русскими
 и зырянскими, с предками тамошних при-
 радных жителей”. По словам И. Завалишина
 (Описание Западной Сибири, М. 1862, стр. 295) — „в
 древности тут был Кочубовский городок, сла-
 вившийся своей меховой торговлей.” (М. П. Але-
 ксеев. Сибирь в изложении западно-евро-
 пейских путешественников и писателей
 М. П. Иркутск, 1932, стр. 308).

Рис. 22. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 20

Fig. 22. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. Manuscript. Sheet 20

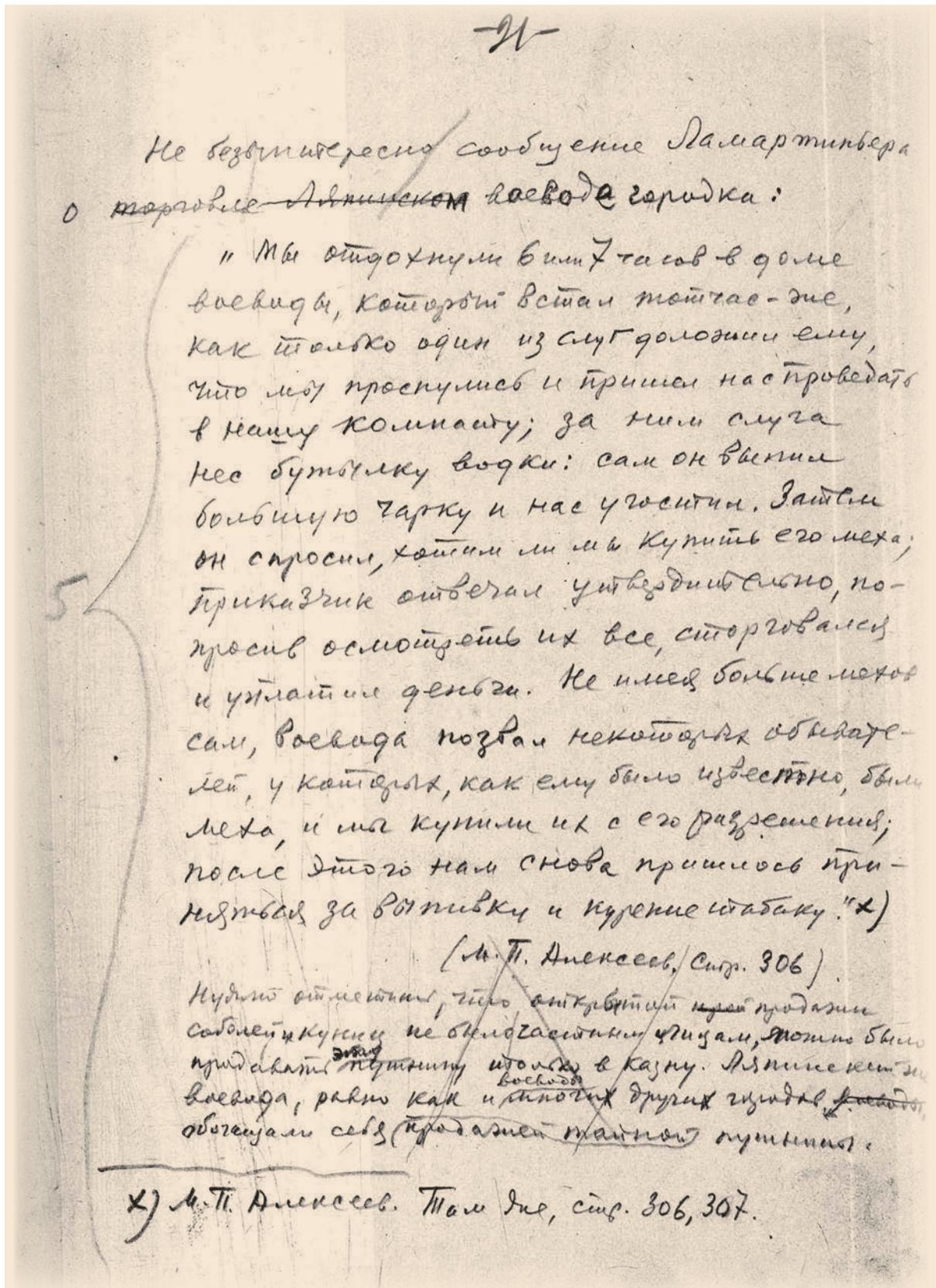

Рис. 23. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 21

Fig. 23. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 21

-22-

143 стр.

Андрей Тевд (1575г.) называет Ляпин-Лепин.
 Врач и путешественник, автор книги: «Путешествие
 в северные страны» (1653г.) Ламартивер даёт
 описание Танинову городу. Танинов город изве-
 стен также Герберштейну, фигурирует он и
 на карте - Гилбома Самсона, на карте Каке-
 телли. «Весьма вероятно, пишет М.П. Алексеев,
 что это - Ляпин городок, получивший свое
 название от р. Ляпина или Сызвы» (308стр.)
 Д.И. Удованский, говоря о Ляпинском город-
 ке (Крепости) пишет: «Возможно, что это
 и есть тот Ляпин городок, ^(Танинов город - А.П.) о котором по-
 вводит де-Ламартивер» (308стр.).

Рис. 24. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 22

Fig. 24. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 22

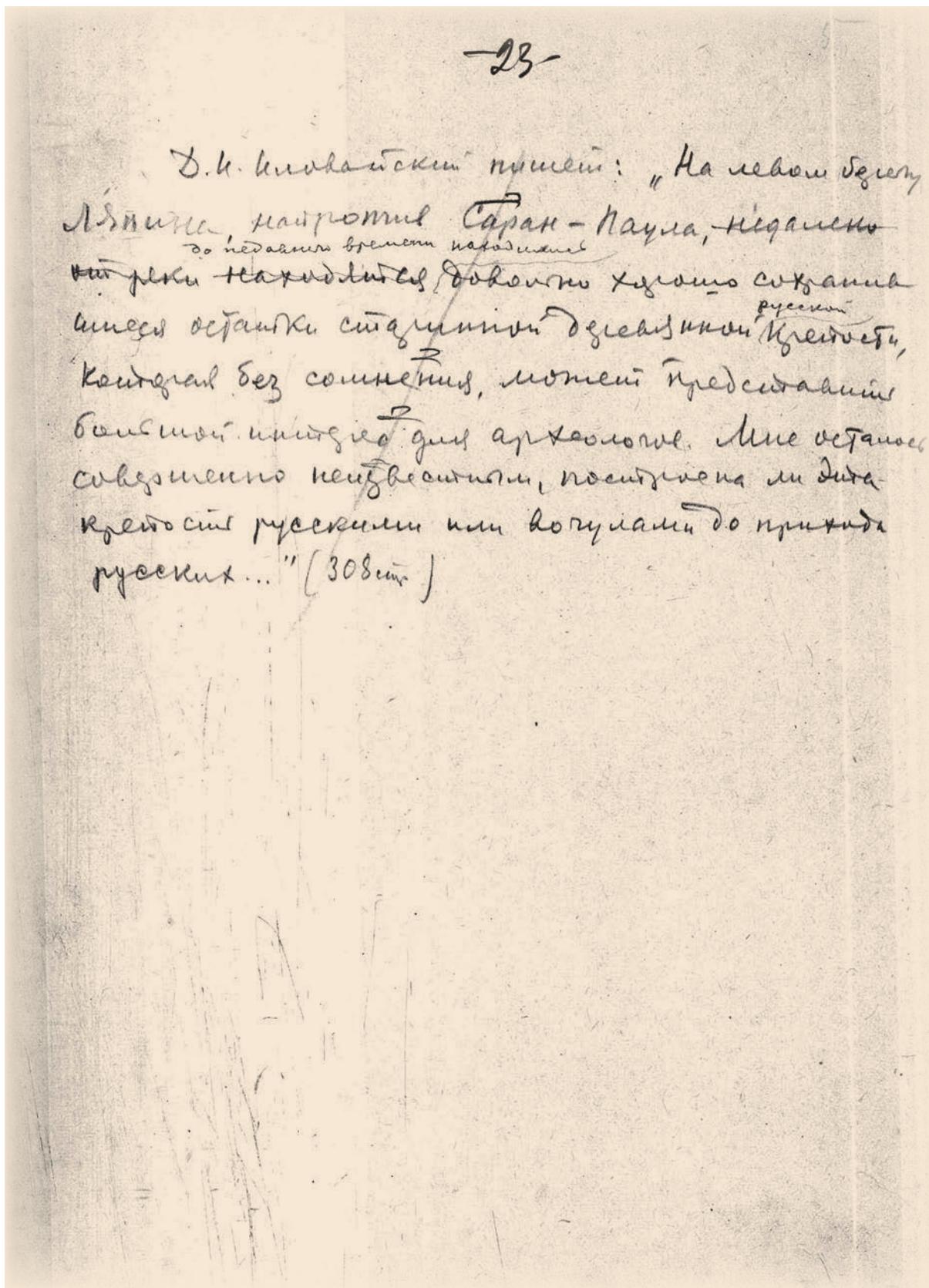

Рис. 25. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 23

Fig. 25. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 23

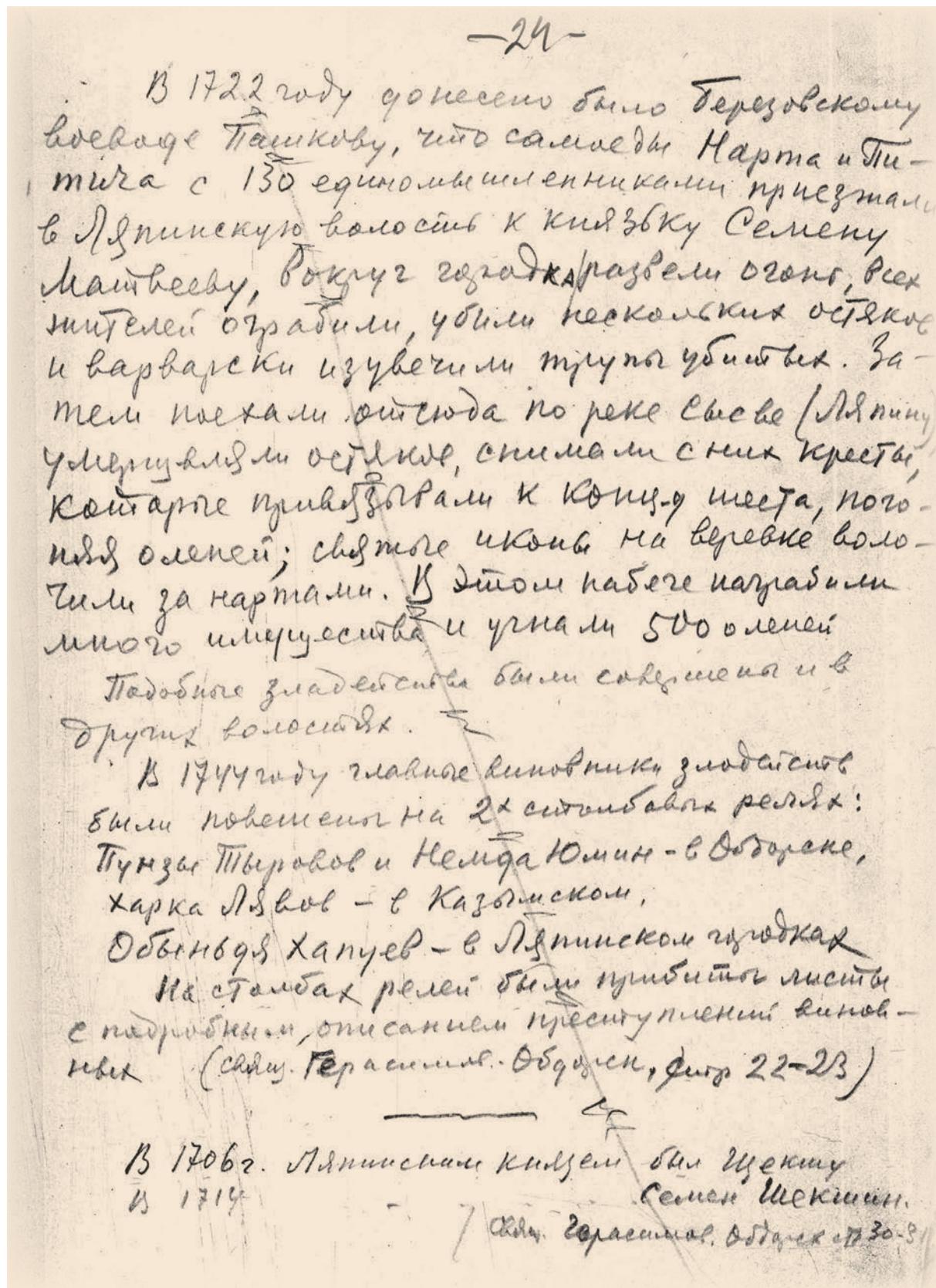

Рис. 26. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 24

Fig. 26. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 24

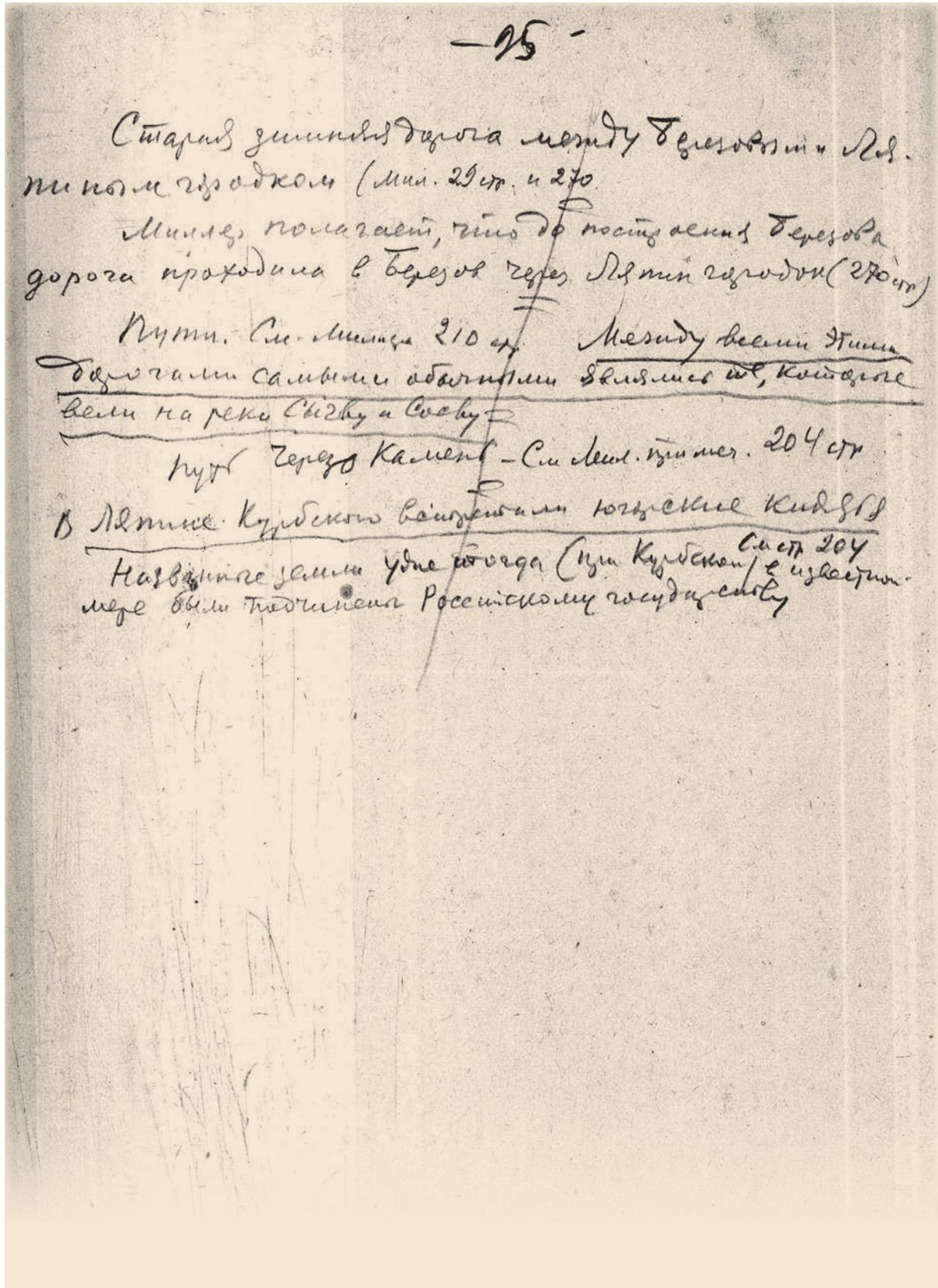

Рис. 27. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 25

Fig. 27. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapun Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 25

-26-

Миннер (стр. 204) пишет: „ Это местечко (Ляпин) и сейчас еще является волжским селением беззубовской уезда

На приездах в Ляпин торговых купцов русские сапожники как на дружке.

После взятия Ляпина одним волеводою на время, а их много на сибирях по окрестным местам и взятии еще 33астржских и волжских городов (Миннер, стр. 205)

Среди самых видных ситаней купцов Ляпуи, кантарой отылавших в северу Сибирскими от мелии купцов: Куновата, Илтина, Ляпина, Мункоса, Юина и Березова. Он просил разрешение на проездку доика самому на Волге. Кантарой купцу с 1587г. (см Миннер стр. 267)

Название Ляпин вполне сходно с тем, кантарое было уже упоминаемо в рассказе о первом торговом лаке. Оно и сейчас еще употребляется в одном волжском селении на реке Сызве. Ляпинский лапин приблизительно в 30 верстах от мелии впадения Сызвы в реку Саву, на небольшой реке Ляпинской кантарую водную называют Ляпин-Саву, а по ней и бывший там городок Ляпин-Уш. Оттуда по Ляпинской кантарой Ляпинская Волость Березов. уезда, и в Березовской можно слышать, как давно реку Сызву обыватели называют Ляпинской. Еще и теперь там находятся волжские зимние юрты. В древности это в том крае, в котором идет река, это место было известным торговцам, кантарой все там русские и зыряне с волжскими и остяками. В зимнее время обе дороги, с Шокура на Сызву и с Илгина на Саву, стояли здесь. По этому, как рассказывают тамошние волжцы со слов своих предков, там были русские торговые лавки, от кантарой теперь не осталось никаких следов. Это можно видеть, конечно, ранее построенный городок Березова, кантарой, как видно по плану Завлада и всей торговли этих мест. "

Миннер IT, стр. 269

Рис. 28. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 26

Fig. 28. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 26

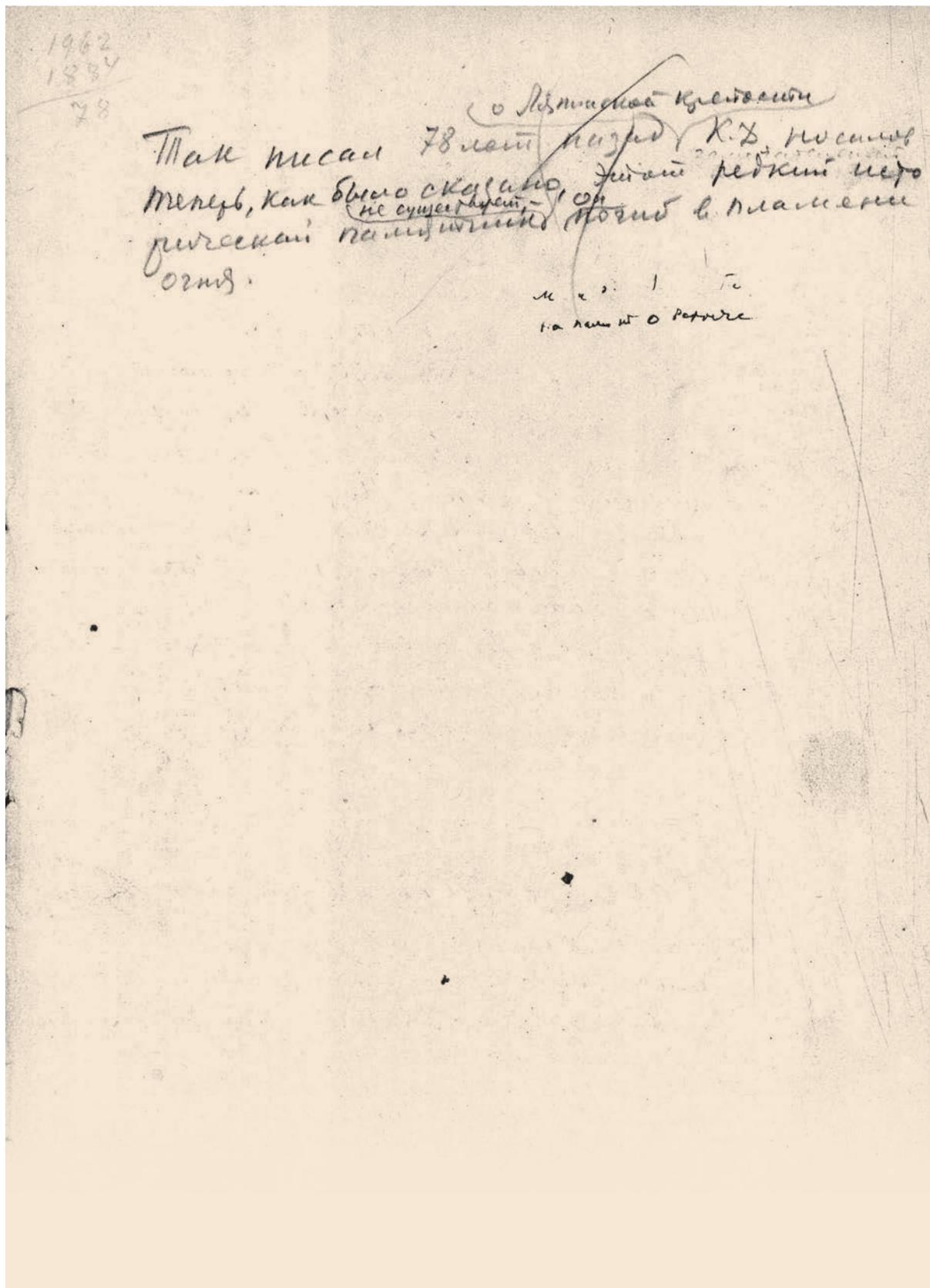

Рис. 30. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 28 оборот

Fig. 30. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. Manuscript. Reverse side of Sheet 28

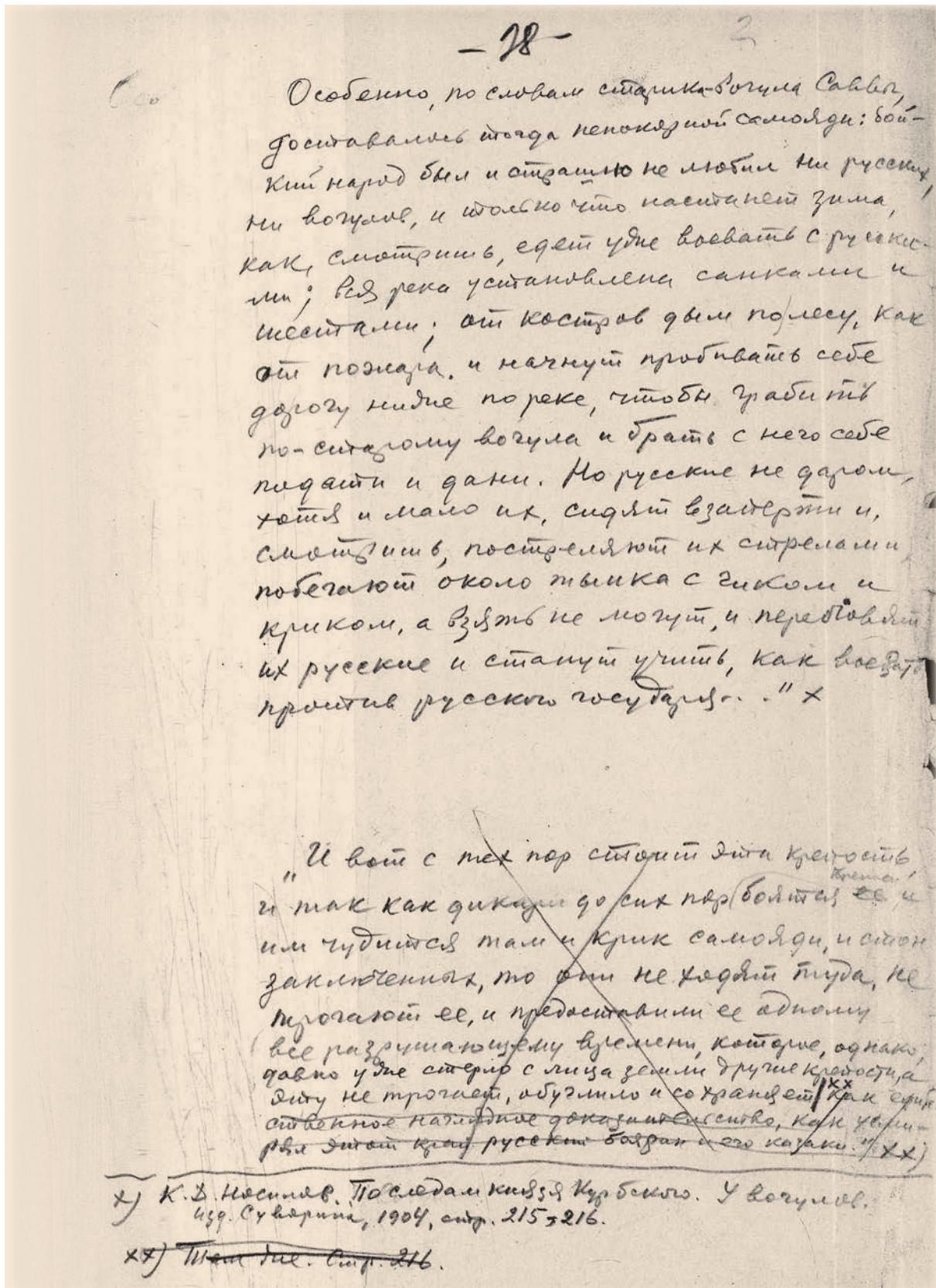

Рис. 31. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 28

Fig. 31. The report of A. F. Palashenkov "Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501". Manuscript. Sheet 28

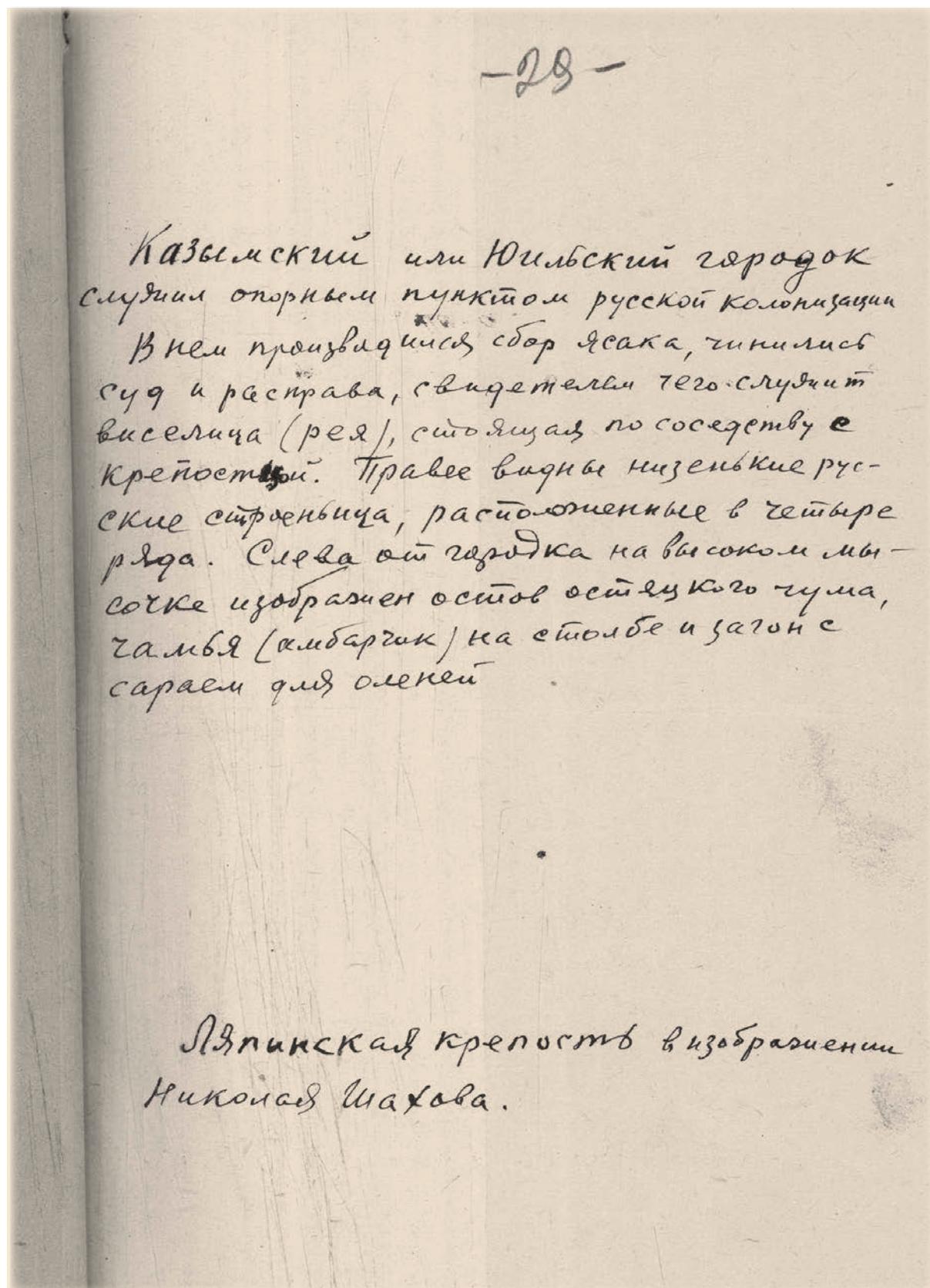

Рис. 32. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». Рукопись. Лист 29

Fig. 32. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. Manuscript. Sheet 29

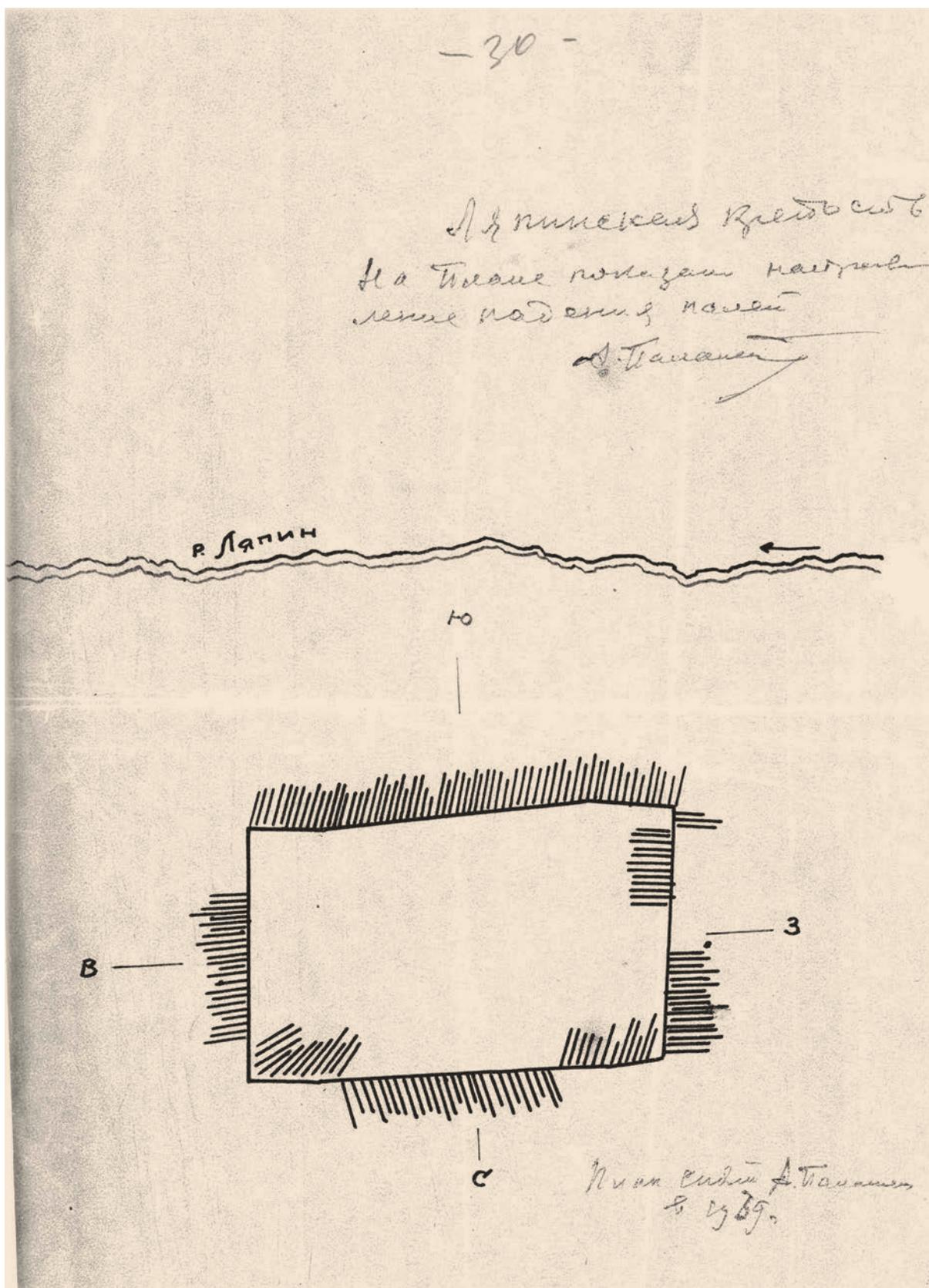

Рис. 33. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». План Ляпинской крепости – тыновая конструкция. Рукопись. Лист 30

Fig. 33. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. Plan of the Lyapin Fortress – fence structure. Manuscript. Sheet 30

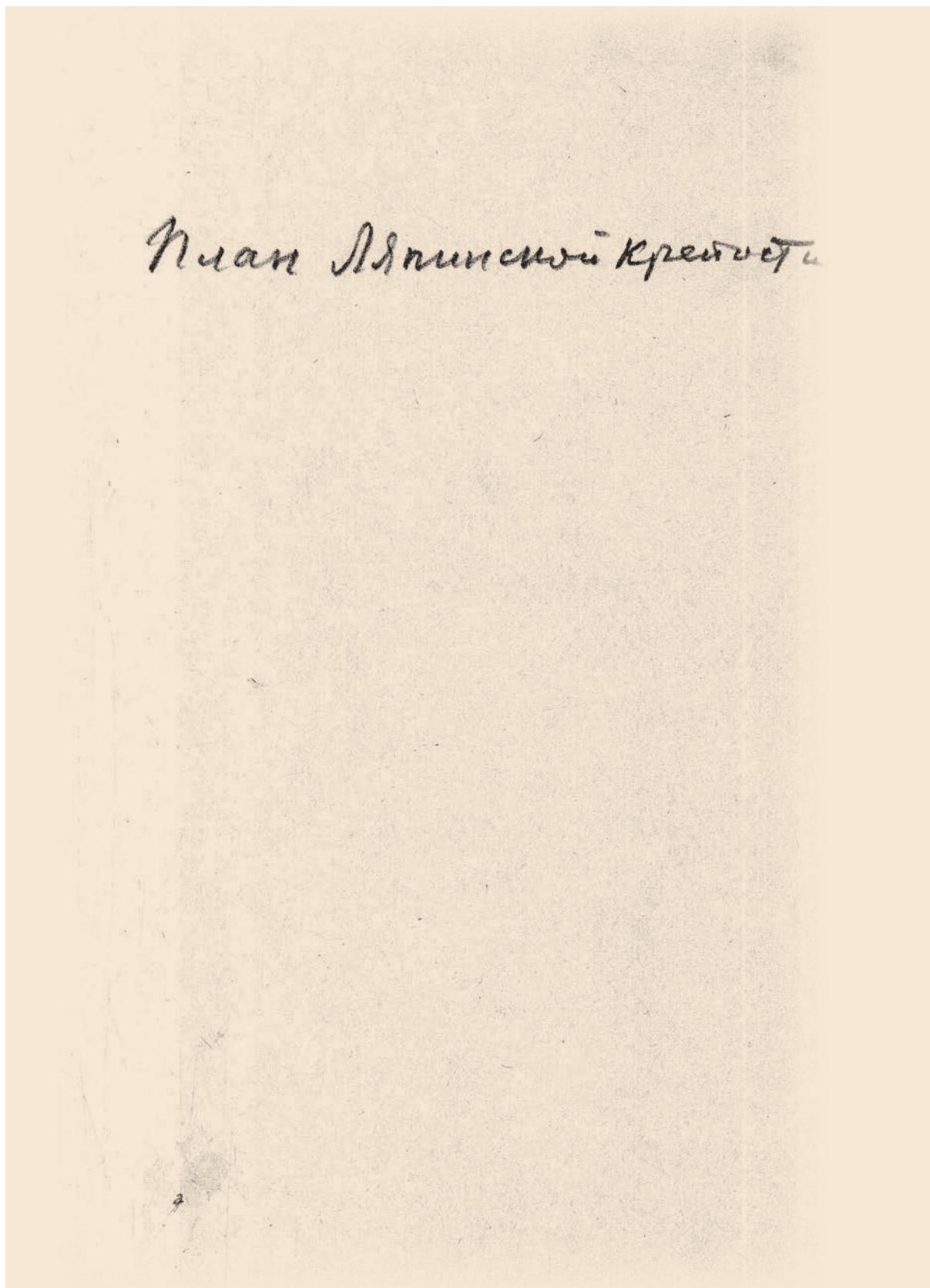
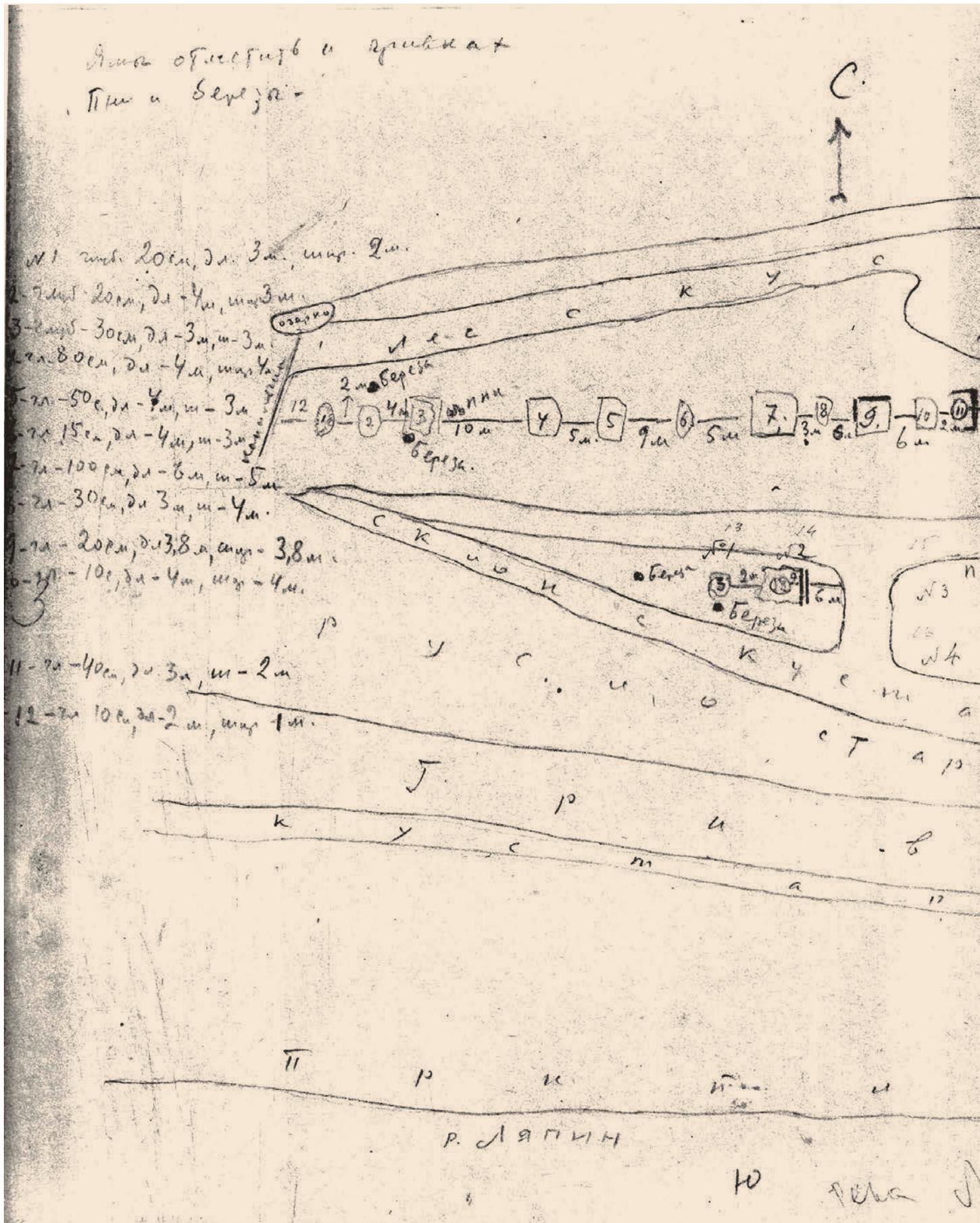

Рис. 34. План. Титульный лист отчета А. Ф. Палашенкова «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.» 1939 г. На 31 листе. Государственный архив Омской области

Fig. 34. Plan. Title page of the report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapin Fortress 1499–1501”. 1939. On 31 sheets. State Archive of the Omsk region

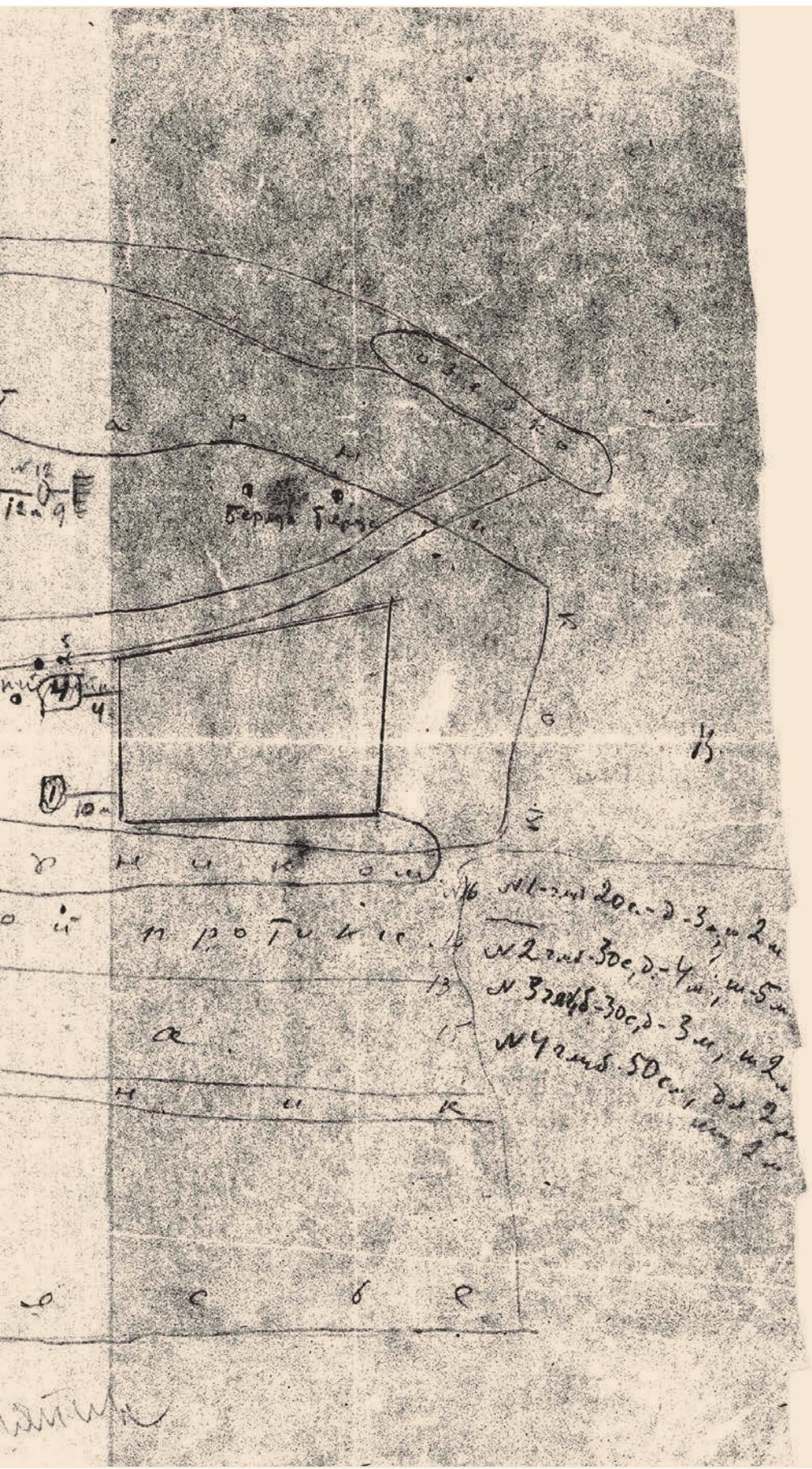

Рис. 35. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». План Ляпинской крепости – топоплан. Рукопись. Лист 30 оборот
Fig. 35. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapinskaya fortress 1499–1501”. Plan of the Lyapin Fortress – the topographical plan. Manuscript. Reverse side of Sheet 30

Ямы отметить и гравки

Пни и березы

№1 глуб. 20см, дл.3 м, шир. 3 м

№2 глуб. 20 см, дл. 4 м, шир. 3 м

№3 глуб 30 см, дл. 3 м, шир.3 м

№4 глуб. 80см, дл.4 м, шир. 4 м

№5 глуб. 50 см, дл. 4 м, шир. 3 м

№6 глуб 15 см, дл. 4 м, шир.3 м

№7 глуб. 100см, дл.6 м, шир. 5 м

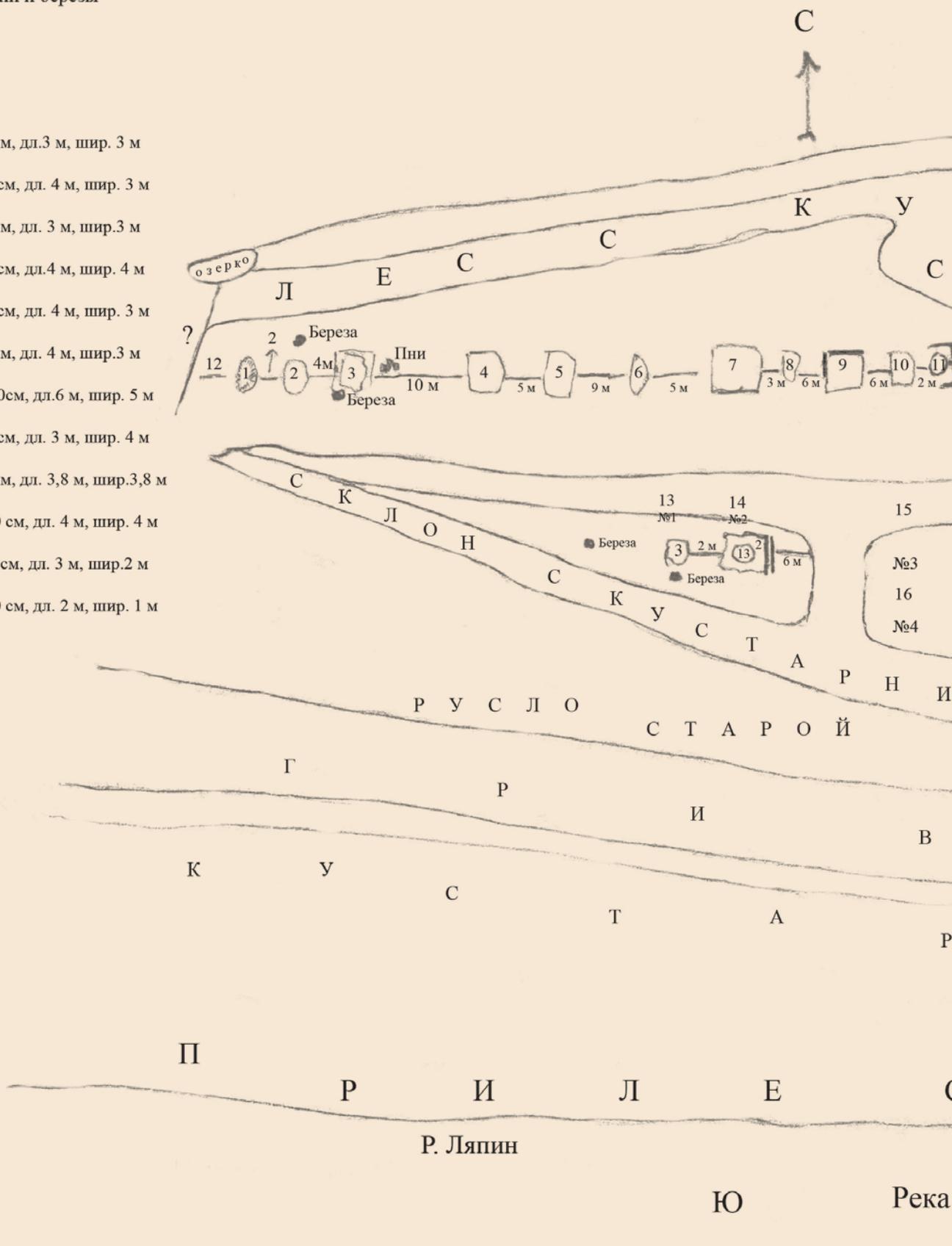
№8 глуб. 30 см, дл. 3 м, шир. 4 м

№9 глуб 20 см, дл. 3,8 м, шир.3,8 м

№10 глуб 10 см, дл. 4 м, шир. 4 м

№11 глуб 40 см, дл. 3 м, шир.2 м

№12 глуб 10 см, дл. 2 м, шир. 1 м

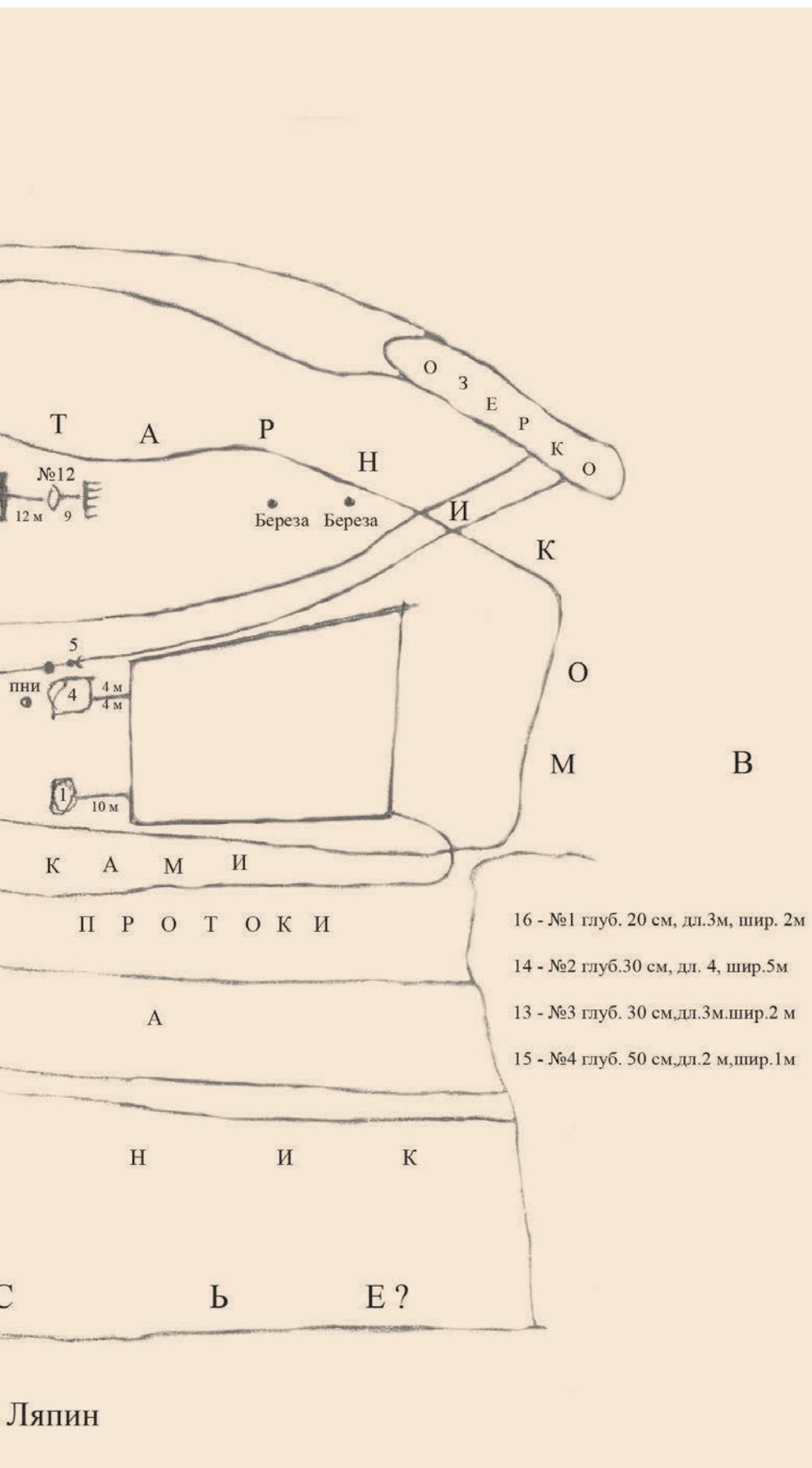

Рис. 36. А. Ф. Палашенков «Историко-географическое описание Ляпинской крепости 1499–1501 гг.». План Ляпинской крепости – топоплан. Современная печатная реконструкция. Лист 30 оборот

Fig. 36. The report of A. F. Palashenkov “Historical and geographical description of the Lyapinskaya fortress 1499–1501”. Plan of the Lyapin Fortress – the topographical plan. Manuscript. Reverse side of Sheet 30

А. Ф. Палащенко. Историко-географическое описание Ляпинской крепости (1499–1501 гг.). 1939 г.

ЛЯПИНСКАЯ КРЕПОСТЬ

/Л. 1/ На левой стороне реки Ляпин (Сыгва), против села Саран-Пауль, Березовского района Тюменской области, до недавнего времени (до 1924 г.) сохранялись остатки древней русской Ляпинской крепости. В 1884 году исследователь Севера, путешественник К. Д. Носилов писал: «Раз, охотясь так как раз против поселка Саран-Пауль, за рекою Сыгвою, (Ляпин—А. П.), как сейчас помню, развел руками какой-то куст густой черемухи и так и застыл на месте. Передо мной в кустах – обугленная временем, бревенчатая, вся темная постройка, и все так поросло травой, так затянуло кустарником, что видны только стены, маленькое оконце и часть повалившегося частокола. Постройка представляла из себя старую бойницу-крепость, и когда я осторожно туда проник, то в ней оказались низенькие полукруглые двери и выше потолка такие кругом по стенам полати, которые явно служили жителям этой странной крепости местом сражения, потому что повсюду в стенах их, выдававшихся на улицу, были проделаны маленькие отверстия, в которых вставлялись старинные «пищали»¹.

Постройка представляла из себя старую бойницу-крепость.

Для подчинения Московскому государству богатые пушнинной Югорскую и Обдорскую земли, была снаряжена военная экспедиция, состоявшая из 4042 человек². Во главе рати стояли Семен Курбский и Петр Ушатов.

Перейдя Уральские горы, рать спустилась в равнины, и через неделю на притоке Северной Сосвы, на реке Ляпин (Сыгва), был взят первый вогульский городок Ляпин, а через некоторое время и еще 33 остятских и вогульских городка.

/Л. 2/ В летописях об этом сказано: «В лето семь тысяч седьмого (1499. – А. П.) месяца марта в 12 день князь великий Иван Васильевич послал воевод своих ратию князя Семена Федоровича Курбского да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василия Ивановича Юражника на Югорскую землю...». Описав примерный путь следования этой сказочной русской дружины в Европейской части России, летописец продолжает: «А от Печоры воеводы шли до Камени (Урала. – А. П.) две недели... И от Камени шли неделю до первого городка Ляпина... Ляпин взяли и поймали 33 города» (взяли 33 укрепленных вогульских и остятских пункта).

Через 90 с лишним лет после похода на Ляпин князя Курбского, отправленный в 1592 году царем Федором Ивановичем отряд казаков, перейдя Уральские горы, достиг Ляпина городка, и против него, на левой стороне реки Ляпин построил первое русское укрепление в этом крае – Ляпинскую крепость, русский Ляпинский городок.

/Л. 3/ За Ляпиным к воеводам съехались владетели Югорские и земли Обдорской, предложив мир и вечное подданство князю Московскому. С этого времени в титул князя Московского были внесены названия вновь присоединенных земель – Югорской и Обдорской.

Из всех Югорских городков этого времени был наиболее крупным и известным был Ляпин. Как полагаем, городок был окружен земляным валом и находился он, по рассказам жителей, на правом берегу р. Ляпин, на месте центральной части нынешнего большого села Саран-Пауля, на его центральной, мы полагаем, части на так называемой Второй деревне. Это наиболее поднятая часть села, возвышающаяся на 6 м над уровнем воды в реке. С восточной и западной сторон ее протекают ручьи, с юга проходит болото.

Сама как бы природа как бы очертила территорию городка. В береговом обрыве и на бечевнике реки против Второй деревни нами обнаружены различные поделки из кости – поплавок для сетей в виде пряслица; пластинка с отверстием посредине, очевидно от упряжи, трубчатая кость с поперечным срезом, часть оленьей кости, обрезанной с обеих сторон, и здесь же найдены, как передавал местный житель В. Г. Филиппов, железные наконечники стрел. Берег наносный. Сверху залегает на 20–50 см слой почерневшего от времени мусора в виде щепы, веток и т. п., ниже серый глей толщиной 60 см, под ним прикрывающий торфяной пласт 0,5–1,5 м толщиной. Торф лежит на наносном подзолистом слое. Ширина реки здесь около 100 м.

Миллер пишет, что в древности это место было известно торгами, которые вели русские и зыряне с вогулами и остяками. В зимнее время сюда подходили дороги с Шокура на Сыгву и с Илыча на Сосву. К Ляпину по Вогулке также шла зимняя дорога от вогульского или остятского городка, который находился на месте, где (см. Л. 5. – Прим авт.)

/Л. 4/ В предании говорится, что в городке жило много вогулов, которые думали, что «их никогда не может никто побеспокоить. И если, бывало, и беспокоила когда дикая чужь или самадь, неожиданно наезжая на них зимой с Урала, то они никогда не пропускали ее далее вниз по реке, к другим таким же вогульским городкам их

¹Носилов К. Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень : СофтДизайн, 1997. С. 216.

²П. А. Словцов сомневается в численности участников похода и даже в самом походе 1499–1501 гг.

края, в котором их считалось не менее тридцати, а всегда отстреливались своими стрелами, начиняя их зубом и костью³.

Против этого вогульского городка на левой стороне реки в 1592 году была построена русская Ляпинская крепость, русский городок. Крепость построена отрядом казаков, присланных сюда царем Федором Ивановичем для укрепления власти в далеком крае⁴.

/Л. 5/ впоследствии был построен Березов. На Ляпине издавна было построено русское Сыгванское зимовище. Через 90 с лишним лет после прихода на Ляпин князя Курбского, в 1592 году снаряженный отряд казаков перешел Уральские горы по известному, в то время пути – Русской засеке, достиг Ляпина городка и против него, на левой стороне реки Ляпина (Сыгвы) основали первое русское укрепление в этом крае Ляпинскую крепость, Ляпинский русский городок.

Местное вогульское предание относит основание Ляпинской крепости к более раннему периоду, именно, ко времени прихода похода Курбского. В 1884 году К. Д. Носилов записал рассказ старика вогула Саввы об этом событии. По взятии Ляпинского городка Курбским, «...как раз против Ляпина русские устроили крепость и посадили туда воеводу и казаков с пищальми, чтобы снимать ясак с ихнего брата Белому Государю...»⁵.

Крепость была построена на второй от реки гриве, возвышающейся над плёсом реки Ляпина на 5 м. От живоуго русла крепость находилась в расстоянии 80 м. Дальше от берега, рядом со второй гривой лежит третья грива (см. план). За ней на северо-востоке синее тайга.

Во время нашего обследования в 1939 году небольшой лес с кустарником рос по склонам грив; на гривах – сухой луг, куртины с кустиками рябины, черемухи, краснел местами шиповник. Стояли одинокие старые березы и толстые почерневшие пни.

Во время нашего обследования в 1939 г. на месте собственно крепости стоял сарай с двумя небольшими силосными ямами под ним, местами виднелись невысокие (в 5–20 см высотой) полугнилые, обгорелые столбики, которые, являлись, как выяснилось впоследствии, являлись остатками защитного тына крепости, встречались неправильного очертания углубления, и рядами лежащие поросшие травой полугнилые бревна, палисадины, на которых также видны были следы огня.

/Л. 5 об./ В настоящее время на месте бывш. Ляпинского вогульского городка, как отмечалось, находится центральная часть большого зырянского села поселка Саранпауль (саран – зырянин, пауль – поселок) – Вторая деревня. Саранпауль слово мансийское, означает зырянский поселок саран – зырянин, пауль – поселок). Сами коми Саранпауль называют Ляпин. Это один из крупнейших культурно-хозяйственных центров дальнего севера, где находится и местный национальный Совет депутатов трудящихся.

/Л. 6/ (К 5 стр.) В плане крепость имела, в основном, неправильный четырехугольник. Длина северной стороны ее равна 42 м, южной – 39,5 м, восточной – 26 м, западной – 24 м.

/Л. 6 об./ Очевидно, что после постройки 1592 года на левом берегу Ляпинской крепости на правом берегу реки продолжал существовать и ... Ляпина старый вогульский городок, потерявший постепенно свое значение, оборонное и ясачное. Основан вновь русский пункт укрепление Ляпинское (в это время были построены также укрепления в городках Ю..., как ... Казымск, Березов, Кодской и в Обдорске ... русские Ляпинские укрепления обзывались не крепостью, а по старине городком.

Вскоре после вместо них, Березовских укреплений построен казаками был и Березов. И этот город вскоре сделался главным городом в этом крае.

Приведем несколько упоминаний (*перевернута относительно остального текста. – Прим. авт.*)

/Л. 7/ В 1924 году территории, где находилась крепость, была охвачена пожаром, в пламени которого и погибли остатки редкого исторического памятника.

Поверхность собственно крепости имеет склон к востоку. Западная часть ее самая приподнятая. Только одна самая короткая западная сторона имела совершенно прямое направление. Северная, не доходя 6 м до северо-восточного угла, имела незначительный наклон к югу; южная, не доходя 4,5 м до юго-западного угла, имела ~~склонение~~ склонялась к северу; восточная ~~не доходя~~ в 8 м до от северо-восточного угла склонялась к западу.

Защитные сооружения шли по этим линиям и состояли из палисада, тына. Высота палисада над поверхностью равнялась 3,7 м, кроме того, 60–70 см, палисад врывался в землю. На ограждение одного метра ставилось 6–8 отдельных палисадин. Таким образом, диаметр бревна для тына в среднем равен ~~16–17~~ 14 см, ~~отдельные палисадины имели до 13 см.~~ Палисадины пропускались плотно. Для этого в одной из соседних палисадин выбирался паз, как при рубке сруба жилого помещения.

Верхняя линия палисада была прямая. Палисад был сложен из бревен сосны, ели, кедра. Следов палисада нам не удалось установить посредине западной стороны крепости и на восточной стороне у юго-восточного угла.

³ К. Д. Носилов. Указ. соч. С. 215.

⁴ Герасимов В. Н. Обдорск (исторический очерк). Тюмень : Тип. «Сибирской торговой газеты», 1909.

⁵ К. Д. Носилов. Указ. соч. С. 215.

Общее протяжение защитной линии палисада крепости с воротами равна $132,5 \times 131,5$ м. Поскольку на протяжении одного метра ставилось в среднем 6–8 палисадин, всего на ограждение крепости употреблено было около 900–1000 бревен.

По рассказам местного жителя В. Г. Филиппова, башня в конце XIX столетия представляла почерневший сруб в 3 м высотой, площадью, примерно, 5 × 5 м. Срублена была, из кедровых и еловых бревен толщиной 20–22 см в диаметре. Рубка в чашку. Вверху у стены были прорублены 4 бойницы, размером две четверти на четверть (примерно, 40 см длина, /Л. 8/ 20 высота). Вход в башню вверху имел полукруглую форму. Внутри башни, несколько ниже бойниц, лежали широкие плахи, предназначенные для защитников крепости во время обороны. Сообщение В. Г. Филиппова согласно с описанием башни К. Д. Носиловым.

Следов сруба, и, собственно, башни, нами не обнаружено. Как передавал В. Г. Филиппов, башня находилась на месте прохождения тропинки через гриву, вблизи силосных ям и построенного над ними колхозного сарая, т. е. именно на том месте западной линии крепости, где нами не обнаружено следов тына. На месте башни не могло быть тына. Между тем на всем периметре палисада не обнаружено следов тына. Как уже отмечалось, в двух местах – на восточной линии крепости у юго-восточного угла и на упомянутом месте западной линии палисада: на восточной линии крепости башня не могла находиться, поскольку восточная часть крепости лежит на самой низкой части территории крепости. Башня же, являясь главным местом защиты крепости, вместе с тем была и дозорным пунктом. Западная сторона крепости господствует над местностью. Отсюда открывается вид на далекое расстояние вверх и вниз реки, а также на заречную сторону. Это место особенно выгодно было для дозора.

По наше обоснование местонахождения башни не согласуется с рисунком Ляпинской крепости конца XVIII века, исполненное Николаем Шаховым. На совершенно ровном возвышении берега реки Сыгвы (Ляпина) представлена на рисунке Шахова Ляпинская крепость. В середине обращенного к реке тына возвышается башня с навесной верхней частью и шатровой кровлей. В башню ведут арочные двухпольные ворота. Из-за тына по правую и левую стороны виднеются кровли домов, несколько островерхих елей. В рисунке не дан рельеф Ляпинской крепости, склон к востоку, и вместе с тем крепость изображена на самом берегу реки, в то время, как она /Л. 9/ находилась в некотором отдалении от берега, на второй гриве за ложбиной. В ином виде дано Шаховым изображение Казымского городка, который зарисовку этого городка, скорее всего он писал делал с натуры. В ней дан представлен не только собственно городок, но и прилегающее к городку (крепости, острогу) поселение и даже двухстолбовая рель с железным крюком, где производились экзекуции и казни. В изображении Ляпинской крепости это отсутствует, несмотря на то, что одно и другое там находилось. В левом полотне башенных ворот Казымского городка Шахов не упустил даже отметить калитку. На дальнем плане Шахов изобразил цепь возвышенностей: Во всей зарисовке городка чувствуется детальное знакомство с ним автора, чего нельзя сказать о зарисовке Ляпинской крепости, которую он изобразил, как полагаем; понаслышке, придав ей общие черты крепостей того времени или по образцу собственно Казымского городка. Таким образом изображение Ляпинской крепости Шаховым не достоверно и не может опровергнуть служить опровержением отнесение башни к западному палисаду крепости.

В крепости видны были следы бывших здесь построек в виде неглубоких впадин неправильного очертания. У северной стены палисада шел ряд углублений, в некоторых из них заметны были бревна старых срубов. Всего здесь было расположено восемь отдельных построек.

Следы построек, в виде впадин, достаточно заметны были и у южного палисада – пять построек. Несомненно, их было больше, но при постройке сарая и копке силосных ям они были стертые.

Между северным и южным рядами построек во всю длину территории крепости проходила свободная от застройки площадь (улица) шириной в 10 м. На ней в 10–15 м от восточного палисада углубление. При расчете некоторых впадин были обнаружены бревна нижних венцов срубов, которые позволили судить о размерах и строительной технике построек. /Л. 10/ Почти полностью выявлен нижний венец жилой постройки – избы в северо-восточном углу крепости. Постройки квадратной формы. По внутреннему обмеру площадь ее равна 4,7 × 4,7 м. Срублен, как и башня, из хвойного леса. Толщина бревен в среднем 17–20 см в диаметре. Рубка в обло. Выходящие наружу за чашку концы бревен не подвергались окантовке. Различной длины 20–40 см. Бревна окантовке не подвергались. Под нижним венцом не обнаружено столбов. Для сохранения тепла бревна клались непосредственно на расчищенную поверхность земли. Обнаружены тесовые плахи, возможно скорее всего от настила пола. В юго-восточном углу постройки – следы очага площадью 1,2 × 1,2 м. Основание очага нижнего венца сруба ниже на 10–15 см. Здесь зольно-угольная прослойка в 5–7 см толщиной, куски глиняной обмазки, несколько обломков костей, черепок глиняного сосуда, небольшой железный обломок, небольшой камень со следами огня. Кроме жилых построек, здесь, несомненно, были и постройки служебного назначения. На площади в 13–15 м от восточной линии палисада, находилось углубление в 1 м глубиной, 4 м длиной, 1 м шириной. От какого сооружения оно сохранилось – трудно сказать. Может быть, здесь был погреб для хранения зелья – пороха.

На запад от собственно крепости вблизи тына находились две постройки, от которых сохранились углубления неправильного очертания. В западном же направлении на этой же гриве за неглубоким рвом через гриву в 10 м шириной также были две постройки.

Следы бывших жилищ в виде впадин от жилищ сохранились также и на 3-ей гриве, в расстоянии 40 м на северо-запад от собственно крепости сохранились следы бывших жилищ в виде впадин. Расположены в ряд по линии север-восток восток-запад. Фасадом постройки выходили на юг. Здесь приметны следы 12-ти построек.

/Л. 11/ Небезынтересен рассказ упомянутого уже вогула Саввы, записанный с его слов К. Д. Носиловым, о той роли, какую играла Ляпинская крепость.

«И этот дикий народ (самоеды? – А. П.) еще раз подымался против них (русских. – А. П.), приезжал сюда целым становищем зимою, укреплялся в Ляпине и пускал в эту крепость свои стрелы, но стрелы никак не могли пробить деревянные стены бойниц, и русские не подпускали близко их к себе, отбиваясь выстрелами из пищалей.

Побьются, побьются так зиму, и, смотришь, сдадутся казакам и несут снова им подати в пользу государя. И кому нужно проехать вниз по реке зимой ли, летом, никак нельзя проехать иначе, как через ворота крепости, и тут-то и брали русские свою долю. Мирный кто, заведут в ворота, возьмут, что требуется, напоят водкой и отпустят; непокорливый кто, порют его, и даже, случалось, весят за ноги его на крюк и вырезают на память из спины его ремень.

...Особенно, по словам старика-вогула Саввы, доставалось тогда непокорной самоеди: бойкий народ был, и страшно не любил ни русских, ни вогулов. И только что настанет зима, как, смотришь, едет ужу воевать с русскими; от костров дым по лесу, как от пожара, и начнут пробивать себе дорогу ниже по реке, чтобы грабить по-старому вогула и брать с него подати и дани. Но русские не даром, хотя и мало их, сидят взаперти, и, смотришь, постреляют их стрелами, побегают около тына с гиком и криком, а взять не могут, и переловят их русские и станут учить, как воевать против русского государя...»⁶.

/Л. 12/ Вогульский Ляпин городок продолжал существовать не только после ухода из Ляпинского края рати Курбского, но и после постройки в 1592 году на левом берегу Ляпина русской крепости, русского городка. Находясь на древнем торгово-промышленном Ляпино-Печорском пути, проходившем через Каменный пояс, Ляпин городок с древности славился своей меновой торговлей⁷. Лерберг [Исследования. СПб, № 816. Стр. 3] находит очень вероятным «утверждение тамошних жителей», что в упомянутом Ляпине некогда порядочные русские лавки, и что место это уже до XVI века было известно по торговле, которая производилась там, как в складочном месте товаров, русскими и зырянами, с предками тамошних природных жителей»⁸.

И после постройки русского города-крепости Ляпин продолжал оставаться простым известным торговым пунктом.

Французский врач-путешественник де-Ламартиньер в книге «Путешествие в северные страны» в 1653 году дает описание Папинова городка. М. П. Алексеев, останавливаясь на Папинове городке де-Ламартиньера, пишет: «Весьма вероятно, что это Ляпин городок, получивший свое название от р. Ляпина или Сыгвы...». «Небезынтересно отметить для характеристики рассказа Ламартиньера, – продолжает М. П. Алексеев, – что в описываемое время Ляпин городок, вероятно, играл большую роль в русско-сибирской торговле»⁹.

Д. И. Иловайский, говоря о сохранившихся остатках старинной деревянной Ляпинской крепости, пишет: «Возможно, это и есть тот Ляпин городок, о котором говорит де-Ламартиньер»¹⁰.

Нужно сказать, на восток от Уральских гор Папинова городка не было. Ляпин городок близок по созвучию своего названия с Папин городок, и иностранец, не уловив тонкости в произношении, Ляпин назвал Папин.

/Л. 13/ Приведем выдержки из «Путешествия в северные страны» де-Ламартиньера. Остановившись на описании тяжелого пути при перевале через хребет Уральских гор и отдыха в одной сибирской деревушке, де-Ламартиньер далее пишет: «...сели в сани и продолжали наш путь к Папинову городку, куда и прибыли часов через 20, с отдыхом для кормешки наших оленей...».

«Мы отдохнули 6 или 8 часов в доме воеводы, который встал тотчас же, как только один из слуг доложил ему, что мы проснулись, и пришел нас проведать в нашу комнату; за ним слуга нес бутылку водки: сам он выпил большую чарку и нас угостил. Затем он спросил, хотим ли мы купить его меха; приказчик ответил утвердительно, попросив осмотреть их все, сторговался и уплатил деньги. Не имея больше мехов сам, воевода позвал некоторых обывателей, у которых, как ему было известно, были меха, и мы купили их с его разрешения; после этого нам снова пришлось приняться за выпивку и курения табаку»¹¹.

⁶ Носилов К. Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень : СофтДизайн, 1997.

⁷ Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. М. : Тип. Грачева и К, 1862. С. 295.

⁸ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. 1932. Т. 1: XIII–XVII вв.

⁹ Там же. С. 308.

¹⁰ Иловайский Д. И. Верхнеурские аммониты Ляпинского края. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1917, 213 с. Работы геологич. отд. И.О.Л.Е.А.Э. Т. 1. С. 11.

¹¹ М. П. Алексеев. Там же. С. 306, 307.

В то время, как наш приказчик с подручным был занят торговлей, я пошел прогуляться по городу, который расположен в красивой местности, в небольшой болотистой котловине¹², окруженный довольно высокими горами; подле города протекает красивая и рыбная река; дома дурно построены, низки, все сделаны из дерева и дерна, щели между бревен проконопачены мхом, а городская мостовая состоит из деревянных досок, плотно пригнанных одна к другой».

Свое значение – торгового и административного пункта большого Сосвинского края Ляпин начал терять с постройкой в 1593 г. города Березова, который вскоре стал главным административным центром громадного Приобского края, завладевшим всей его торговлей. На замирание /Л. 14/ Ляпина сказалось также постепенное угасание Ляпинско-Печорского перевала и оживление других путей – дорог через Уральские горы, расширение связей по Иртышу и Оби.

Но еще в середине XVIII века Ляпин городок-крепость, очевидно, оставался административным пунктом Ляпинской волости. В хронике событий 1744 года отмечается совершение в Ляпинском городке казни (повешании на крюке двух столбовой рели) самоеда (ненца) Обындя Хапуева, участвовавшего вместе с другими в ограблении и убийстве нескольких остяков, принявших крещение, и варварском изувечении трупов убитых¹³.

И о многих других событиях будила воспоминания крепость.

В 1884 году К. Д. Носилов писал, местные вогулы до сих пор боятся крепости, «им чудится там и крик самоеди, и стон заключенных, то они не ходят туда, не трогают ее, и предоставили ее одному всеразрушающему времени, которое, однако, давно уж стерло с лиц земли другие крепости, а эту не трогает, обуглило и сохраняет...»¹⁴.

Так было раньше. Теперь этот редкий исторический памятник не существует: он погиб в пламени огня от неосторожного обращения с огнем местного жителя в 1924 году (от случайного пожара).

/Л. 15–20/ (повторяет Л. 12–14.– Прим. авт.).

/Л. 21/ Небезынтересно сообщение Ламартиньера о воеводе городка: «Мы отдохнули 6 или 8 часов в доме воеводы, который всгал тотчас же, как только один из слуг доложил ему, что мы проснулись и пришел нас проведать в нашу комнату; за ним слуга нес бутылку водки: сам он выпил большую чарку и нас угостил. Затем он спросил, хотим ли мы купить его меха; приказчик ответил утвердительно, попросив осмотреть их все, сторговался и уплатил деньги. Не имея больше мехов, сам воевода позвал некоторых обывателей, у которых, как ему было известно, были меха, и мы купили их с его разрешения; после этого нам снова пришлось приняться за выпивку и курение табаку¹⁵.

Нужно отметить, что открытой продажи соболей и куниц не было частным лицам, можно было продавать эту пушнину только в казну. Ляпинский же воевода, равно как и воеводы других городков, обогащали себя тайной продажей пушнины.

/Л. 22/ Антрэ Тевэ (1575 г.) называет Ляпин – Лепин. Врач-путешественник, автор книги «Путешествие в северные страны» (1653 г.) Ламартиньер дает описание «Папинову городу». Папинов город известен также Герберштейну, фигурирует он и на картах Гийома Сансона и на карте Кантели. «Весьма вероятно, пишет М. П. Алексеев, что – это Ляпин городок, получивший свое название от р. Ляпина или Сыгвы...». Д. И. Иловайский, говоря о Ляпинском городке (крепости), пишет: «Возможно, это и есть тот Ляпин городок (Папин город. – А. П.), о котором говорит де-Ламартиньер» (308 стр.).

/Л. 23/ Д. И. Иловайский пишет: «На левом берегу Ляпина, напротив Саран-Паула недалеко от реки находятся до недалекого времени находились довольно хорошо сохранившиеся остатки старинной деревянной русской крепости, которая, без сомнения, может представлять большой интерес для археологов. Мне осталось совершенно неизвестным, построена ли эта крепость русскими или вогулами до прихода русских...» (308 стр.).

/Л. 24/ В 1722 году донесено было Березовскому воеводе Пашкову, что самоеды Нарта и Питича с 130 единомышленниками приезжали в Ляпинскую волость к князьку Семену Матвееву, вокруг городка развели огонь, всех жителей ограбили, убили нескольких остяков и варварски изувечили трупы убитых. Затем поехали отсюда по реке Сыгве (Ляпину), умерщвляли остяков, снимали с них кресты, которые привязывали к концу шеста, погоняя оленей; святые иконы на веревке волочили за нартами. В этом набеге награбили много имущества и угнали 500 оленей.

Подобные злодейства были совершены и в других волостях.

К 1744 году главные виновники злодейств были повешены на двух столбовых релях: Пунзы Тыровов и Немда Юмин – в Обдорске, Харка Лявов – в Казымском, Обындя Хапуев – в Ляпинском городках. На столбах релей были прибиты листы с подробным описанием преступлений виновных [свящ. Герасимов. Обдорск. С. 22–23].

¹² Охваченный полукольцом тайги и виднеющимся на западе, северо-западе и на севере в дымке гольцовыми вершинами и пятнами снега на склонах Уральских гор, Ляпин городок, естественно, мог произвести впечатление на иностранца, потонувшего в котловине.

¹³ Герасимов В. Н. Обдорск (исторический очерк). Тюмень : Тип. «Сибирской торговой газеты», 1909.

¹⁴ К. Д. Носилов. Указ. соч. С. 16.

¹⁵ М. П. Алексеев. Указ. соч. С. 306, 307.

В 1706 году Ляпинским князем был Шекшу, в 1714 – Семен Шекшин [свящ. Герасимов. Обдорск. С. 30–31].

/Л. 25/ Старая зимняя дорога между Березовым и Ляпином городком (Мил., 29 стр. и 270).

Миллер полагает, что до построения Березова дорога проходила через Ляпин городок (270 стр.).

Пути см. Миллера 210 стр. Между всеми этими дорогами самыми обычными являлись те, которые вели на реки Сыгву и Сосву.

Путь через Камень – см. Мил. Примеч. 204 стр.

В Ляпине Курбского встретили югорские князья.

Названные земли уже тогда (при Курбском (см. стр. 204) в известной мере были подчинены Русскому государству.

/Л. 26/ Миллер (стр. 204) пишет: «Это местечко (Ляпин) и сейчас еще является вогульским селением Березовского уезда.

На приехавших в Ляпин югорских князей русские смотрели как на друзей.

После взятия Ляпина ездили воеводы на оленях, а их войско на собаках по окольным местам и взяли еще 33 остяцких и вогульских городка (Миллер, стр. 205).

Среди самых видных считался князец Лугуй, который отправился в Москву челобитчиком от шести городков: Куновата, Илчмы, Ляпина, Мункоса, Юила и Березова. Он просил разрешения на доставку ясака самому на Вымь начать уплату с 1587 г. (см. Миллер, стр. 287).

Название Ляпин вполне сходно с тем, которое было уже упомянуто в рассказе о первом югорском походе. Оно и сейчас еще употребляется в одном вогульском селении на реке Сыгве. Ляпин лежит приблизительно в 30 верстах от места впадения Сыгвы в реку Сосву, на небольшой речке Ляпиной, которую вогулы называют Лопинг-Соим, а по ней и бывший там городок Лопын-Уш. Оттуда получила свое наименование Ляпинская волость Березовского уезда, и в Березове часто можно слышать, как даже реку Сыгву обычно называют Ляпиной. Еще и теперь там находятся вогульские зимние юрты. В древности же и в то же время, о котором идет речь, это место было известно торговыми, которые вели там русские и зыряне с вогулами и остяками. В зимнее время обе дороги, с Шокура на Сыгву и с Илыча на Сосву, сходились здесь. Потому, как рассказывают тамошние вогулы со слов предков, там были русские торговые лавки, от которых теперь не осталось никаких следов. Это могло быть, конечно, ранее построения города Березова, который, как вполне понятно, завладел и всей торговлей этих мест» [Миллер. Т. 1. С. 269].

/Л. 27–28/ О роли, которую сослужила Ляпинская крепость в крае

(повторяет Л. 11. – Прим. авт.).

/Л. 28/ (повторяет Л. 11 –Прим. авт.).

И вот с тех пор стоит эта крепость, и так как дикари до сих пор боятся ее, и чудится там крик самояди, и стон заключенных, то они не ходят туда, не трогают ее, и предоставили ее одному разрушающему времени, которое, однако, давно уже стерло с лица земли другие крепости, а эту не трогает, обуглило и сохраняет как единственное наглядное доказательство, как усмирять этот край русский боярин и его казаки.

/Л. 28 об./ Так писал 78 лет назад о Ляпинской крепости К. Д. Носилов, теперь, как было сказано, этот редкий исторический памятник не существует, он погиб в пламени огня.

/Л. 29/ Казымский или Юильский городок служил опорным пунктом русской колонизации.

В нем производился сбор ясака, чинились суд и расправа, свидетелем чего служит виселица (рея), стоящая по соседству с крепостью. Правее видны низенькие русские строеньица, расположенные в четыре ряда. Слева от городка на высоком мысочке изображен остов остяцкого чума, чамья (амбарчик) на столбе и загон с сараем для оленей.

Ляпинская крепость в изображении Николая Шахова

/Л. 30/ На плане показано направление палей. А. Палашенков.

Лист снят А. Палашенковым в 1939 г.

Госархив Омской области. Отдел Октябрьской революции. Ф. Р-2200. Оп. 1. Д. 163.

УДК 24.283

DOI 10.31630/2949-3609-2024-3-138-145

Е. А. Гирченко^{1, 2, 3}, Г. П. Визгалов^{1, 2, 4}¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия² Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия³ АНО «Институт археологии Севера», Нефтеюганск, Россия⁴ ООО «НПО «Северная археология – 1», Нефтеюганск, Россия

ПУШНИНА КАК ГЛАВНЫЙ ПРЕДМЕТ ТОРГОВЛИ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ УЕЗДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЦИНСКОГО КИТАЯ В XVII–XVIII ВВ.

Аннотация. Документы Дворцового управления Нэйуфу периода династии Цин точно фиксируют все торговые операции, производимые по нуждам двора, в том числе и количество закупаемой пушнины, ее цены и происхождение. В цинское время, за исключением трех периодов, когда торговля была запрещена, основные операции по закупке шкурок пушных зверей происходили через Кяхту. Наиболее распространенными категориями товаров были шкурки белки, песца, горностая, рыжей и серой лисы, норки. В документах фигурируют места происхождения ценных шкурок из Западной Сибири – Берёзов, Сургут, Новая Мангазея и др.

Annotation. The documents of the Palace Administration of Neiwufu of the Qing Dynasty accurately record all trade operations carried out for the needs of the court, including the quantity of purchased furs, their prices and origin. During the Qing period, with the exception of three periods when trade was prohibited, the main operations for purchasing fur skins took place through Kyakhta. The most common categories of goods were squirrel, arctic fox, ermine, red and gray fox, and mink skins. The documents mention the places of origin of the valuable skins from western Siberia – Berezov, Surgut, Novaya Mangazeya, etc.

Ключевые слова: Цинская империя, Сибирь, Дворцовое управление, торговля, пушнина, официальная документация

Keywords: Qing Empire, Siberia, Palace Administration, trade, furs, official documentation

До XVII в. торговля на границе между Китаем и Россией по сравнению с развитием цинской морской торговли была незначительной и нерегулярной. Возникновение особого интереса к китайскому рынку сбыта было связано и со снижением спроса на русскую пушнину в Западной Европе из-за начала ввоза в Европу мехов из Северной Америки и в связи с развитием производства шерсти в Англии. Русские посольства середины XVII в. Ф. И. Байкова, Г. Ушакова, С. Аблина, И. Перфильева были достаточно успешны с точки зрения сбыта русских товаров (в первую очередь пушнины, драгоценных камней, дубленой кожи), хотя и имели место некоторые дипломатические провалы, связанные с отношением цинских чиновников к посланникам в первую очередь как к данникам императора и, соответственно, несоблюдением маньчжурского этикета русской стороной.

Русские купцы были заинтересованы в расширении рынков сбыта и в развитии сухопутной приграничной торговли, однако ее процветанию мешали несколько причин: а) дальность пути через калмыцкие и монгольские земли (полный цикл пути торговых караванов туда и обратно занимал около четырех лет); б) небезопасность любых путешествий через земли кочевников; в) незаинтересованность маньчжурской власти в выстраивании равноправных отношений с Россией [Сладковский, 1974. С. 94–95]. Тем не менее частная

торговля была значительно большей, чем принято считать, – русские купцы осуществляли торговые операции с помощью посредников – джунгар или бухарцев, а также торговали сами под видом восточных купцов. Только в 1670 г. миссия И. Г. Милованова отправилась в Пекин по новому пути – через Маньчжурию (Цицикар и Мукден). Путь из Нерчинска в Пекин и обратно через территорию Маньчжурии занял менее четырех месяцев и был значительно безопаснее, чем из Тобольска через Монголию.

Пятая статья Нерчинского договора, заключенного между Русским царством и Империей Цин на 28-м году правления императора Айсиньгоро Сюанье, правившим под девизом «Канси» (1689 г.), разрешила торговлю двух сторон и закрепляла свободу перемещения всем людям с «проезжими грамотами». Государственные торговые караваны в Пекин, которые возглавлял доверенный купец, обходились довольно дорого, специальное жалованье выплачивалось за два-три года вперед, предполагались подарки императору и чиновникам, а также транспортные расходы.

В Китае начала XVIII в. наблюдался бум на изделия из меха или с меховой оторочкой, наряду с другими продуктами, которые попадали под понимание одновременно «экзотического» и «природного». Косвенно это было связано с изменениями традиций дарения при дворе Канси, когда император начал жаловать от-

личившимся чиновникам, особенно проявившим себя в военных походах, шкуры, меховые мантии и шелковые стеганные халаты с меховой оторочкой. Записи ломбардов, путевые заметки и торговые отчеты свидетельствуют об изобилии экзотических природных товаров в Пекине того времени: сандаловое дерево с Гавайев, птичьи перья с Борнео, перламутр с Филиппин, медь из Юньнани и Юго-Восточной Азии, нефрит из Синьцзяна и Бирмы, морские черепахи из Сулавеси, морские огурцы с Фиджи, жемчуг из Цзилиня, морские выдры с Хоккайдо, Аляски и Калифорнии и, конечно, меха из Сибири. Хотя сначала это была исключительно придворная мода, к середине XVIII в. меха заполнили улицы Пекина. Император Юнчжэн (Айсиньгьоро Иньчжэн) пошел дальше в установленной Канси практике, жалую такие дары уже не только военным, но и гражданским подданным, например, потомкам Конфуция и более широким группам чиновников. По архивным и литературным свидетельствам становится понятно, что знание мехов стало особенно цениться, появляются отдельные расценки на различные части меха животного. Хотя улицы моментально наполнили искусственно покрашенные более дешевые меха, выдаваемые за настоящие (наряду с выращенным искусственно женьшенем, который выдавался за дикий, имитациями лекарственных монгольских грибов и т. д.), потребители искали настоящие неокрашенные продукты с далекого Севера. Когда повальное увлечение приграничными продуктами охватило столицу, это привело к возникновению еще более интересного явления – появлению большого количества сочинений о приграничной продукции ученых, поэтов, знатоков, гурманов и т. д. Ученые, со своей стороны, стали обращаться к историческим источникам, чтобы проследить и установить связи между приграничными товарами своего времени и продуктами имперского общеазиатского прошлого. Цины, которые не могли не замечать этого, только поощряли появление подобных сочинений как способствующих формированию «более крупной, общей и своеобразной материальной культуры Цин» под маньчжурским главенством. Растущий спрос на ресурсы преобразовал Китай, и эти процессы происходили на фоне более глобальных изменений китайского общества, ведь до 1700 г. потребовалось около 1500 лет, чтобы население Китая удвоилось, однако чтобы население империи утроилось, потребуется всего лишь 150 лет (между 1700 и 1850 гг.).

До 1721 г. китайские купцы покупали меховые изделия у российских государевых караванов. Соболь и чернубурая лисица были товарами государственной монополии. Частным лицам запрещалось вести торговлю этими видами пушнины, она должна была сдаваться в казну по установленным ценам. Руководство российско-китайской торговлей было возложено на Сибирский приказ. Большая часть китайских товаров также являлась предметами правительственной монополии и служила источником крупных поступлений

в казну. Российское правительство было и основным держателем сибирской пушнины, составлявшей главную статью экспорта [Сладовский, 1974. С. 111–112]. Предметами экспорта России в Китай служили шкурки соболя, лисицы, песца, белки, хорька и т. д. В 1696 г. меха составляли 70 процентов российского экспорта [Романова, 2014. С. 108]. Несмотря на низкие цены на сибирскую пушнину в России и на высокие цены продажи ее в Китае, казенная караванная торговля не приносила существенных прибылей – слишком велики были транспортные и накладные расходы. Только дорогие меха (соболи, лисицы, горностаи, бобры) возмещали расходы на дорогу и давали какую-либо прибыль.

Однако постепенно объем нелегальной торговли через Кулунь (Урга, современный Улан-Батор) стал в четыре-пять раз больше, чем в Пекине, при этом цены на меховые изделия были меньше, торговля часто была меновая. Источники того времени отмечают: «В Пекине слишком много пушнины. Их привозят с севера, из Монголии и Маньчжурии вместе с другими европейскими товарами, а на юге доставляют иностранными кораблями в Гуанчжоу или Фуцзянь» [Ван Шаопин, 1990. С. 101]. В приграничных районах торговые сделки могли заключаться почти ежедневно, в то время как в Пекине – лишь в период пребывания там русского торгового каравана [Романова, 2014. С. 107]. Нелегальное ведение торговыми российскими купцами, привозившими свои товары в Китай без уплаты пошлин в казну России, приводило к убыткам для казенной торговли. Более того, путь до Урги из приграничного Селенгинска занимал всего 10–12 дней, в то время как на проезд до Пекина требовалось от трех до шести месяцев.

Постепенно и цинские власти стали разрешать выезд китайских купцов в Ургу и к российской границе для ведения торговли. В «Сборнике дипломатических документов России и Китая» записано, что в 1722 г. «казна богдыхана (Канси) уже была полна норковых шкурок» [Лай Хуэйминь, 2003. С. 126]. В 1727 г., уже при императоре Юнчжэне, российские купцы получили официальное право торговать частным образом, а в 1762 г. Екатерина II запретила отправку казенных караванов в Пекин и провозгласила полную свободу торговли в Кяхте, в том числе и пушнинной. В результате объем торговли через Кяхту, в 1761 г. составлявший 1 011 067 руб., впоследствии, к 1800 г., увеличился до 8 383 846 руб. В 1768–1785 гг. меха, вывозимые русскими купцами через Кяхту, составляли 85 процентов всех товаров, а в 1792–1800 гг. – 70–75 процентов. Кяхтинская торговля обеспечивала российскому правительству значительные налоговые поступления, а пошлины составляли 20–38 процентов общих таможенных доходов Русского государства [Э-Чжун лянго..., 1982].

При дворе для императорской семьи шили меховую одежду, используя только самые мягкие части шкурок норки и лисы, например, из подмышечной области, а также с брюшка или подбородка животного. Император Цяньлун (Айсиньгьоро Хунли) отправлял чиновников

Дворцового управления в Кяхту для покупки пушнины не менее 11 раз [Лай Хуэйминь, 2003. С. 103]. Знаменитая семья Фань из Шаньси во времена династии Цин слыла самыми влиятельными «торговцами от имени императора». Семья владела предприятиями соляной промышленности, добычи меди и лесозаготовки. Фань Цинчжу, один из членов семьи Фань, приезжал в Кяхту закупать пушнину регулярно. На 26-м году правления императора Цяньлуна (1761 г.) Фань Цинчжу и Лю Баочжэнь были по императорскому указу отправлены в Кяхту для закупки шкурок для императорской одежды. Император Цяньлун придавал большое значение цене и тратам на нужды двора, поэтому велел предоставить отчет о купленном общем количестве, цене за единицу, цене на аналогичные товары в Пекине и т. д., который сохранился и по сей день в полном объеме.

В Пекине периода царствования императора Цяньлуна особенно высоко ценились шкурки норки серебристо-серого цвета с более темным оттенком подпуши. Помимо цельных шкурок продавались также меха, например, со спинки животного, ног, хвоста, брюшка и шеи, последние стоили дороже, хвост стоил дешевле всего.

Шкурки белок занимали первое место в торговле Кяхты: ежегодно в Китай продавалось от 2 до 4 миллионов штук. В 1781 г. здесь было продано китайцам в обмен на серебро рекордное количество – 6 миллионов шкурок белки. Примерная цена белки в XVIII в. составляла от 70 до 152 рублей за тысячу шкурок [Силин, 1947. С. 120]. Больше всего ценились китайцами телеутская и илетская белки. Белки, пойманные в верховьях Оби, считались самыми ценными, так как там встречались пепельно-серые с белым брюхом, которые были еще и крупнее обычных. Более дорогим был мех горностае серебристо-голубого цвета (ежегодно продавались 140–400 тысяч шкурок). В рекомендациях Дворцового управления значилось, что наиболее качественные – илецкий, ишимский и барабинский горностаи. Далее следует горностаи, пойманный в лесах между Томском и Красноярском, и чуть дешевле – горностаи, пойманный между Красноярском и Иркутском. Ценным предметом русского вывоза в Китай оставался соболь –

в 70-х гг. XVIII в. в Кяхте продавалось от 6 до 16 тысяч соболиных шкурок ежегодно.

Мех голубого песца (серебристой лисы) поступал в империю Цин из Якутска или других северных регионов, например Новой Мангазеи. Этот мех был востребован разных цветов, но самым ценным был белый или белый с голубым оттенком. Экспорт песцовых шкурок всех видов в период с 1768 по 1785 г. колебался от 15 до 50 тысяч шкур в год, с пиком в 72 084 штуки в 1777 г.

Цвет меха лисы варьировался от темно-красного, коричнево-красного, черного до серого. Черные лисы привозились из Берёзовского, Сургутского, Мангазейского уездов. «Черных сиводушек сбывалось в Китай 2–4 тысячи шкур в год, белодушек: 6–20 тысяч шкур, чернобурых, сивобурых, черных: 300–1200 штук, огневок 300–700 штук» [Там же. С. 123]. Коричнево-черные и черные шкурки были самыми дорогими, обычный ценовой диапазон составлял 4–180 руб., но идеальная шкура по цвету и однородности меха могла доходить до 600–1000 руб. В документах указано, что якутские лисьи шкуры продавали по 5–10 руб., шкурки из Новой Мангазеи – 15–30 руб., из Сургута продавали по 40–100 руб., самые дорогие и качественные поступали из Берёзова – по 600–1000 руб.

Бобровые шкурки поставлялись с Оби и Иртыша. Торговля бобрами была довольно выгодна, в самом начале Кяхтинской торговли бобры стояли на первом месте в списке запрещенных к промену товаров. Цена варьировалась в промежутке между 90–100 руб. за шкурку, но некоторые экземпляры доходили до 140 руб. за шкурку [Там же. С. 127].

Таким образом, сохранившиеся документы позволяют сравнить цены на товары с российскими источниками, а также уточнить объемы торговли конкретных категорий товаров, предпочтения жителей Пекина в разные периоды и объемы закупок императорского двора. За счет торговли с Китаем русские власти сумели компенсировать снижение спроса на пушной товар в Европе.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-1800624, <https://rscf.ru/project/22-18-00624/>.

Литература и источники

Источники

1. Э-Чжун лянго вайцзяо вэньсянь хуэйбянь [Сборник дипломатических документов между Россией и Китаем]. Пекин : Чжунго жэньминь дасюэ, 1982. 560 с. (на кит. яз.).
2. Чжун-э Цякэту цзеюэ [Китайско-русский Кяхтинский договор] // Чжун-э бяньцзе тяююэ цзи [Сборник приграничных договоров России и Китая]. Пекин : Шанью иньшу гуань, 1973. С. 12–15 (на кит. яз.).

Литература

3. **Ван Шаопин.** Чжун-Э Цякэту маои [Кяхтинская торговля Китая России] // Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь [Передовая социальных наук], 1990. № 3. С. 182–186 (на кит. яз.).
4. **Лай Хуэйминь.** Цин Цяньлун чао Нэйфу дэ пихо маймай юй. Цзинчэн шишан [Торговля мехом и столичная мода во времена императора династии Цин Цяньлуна] // Гугун сюэшю цзикань [Ежеквартальный научный журнал Императорского музея]. 2003. Т. 21. № 1. С. 101–134 (на кит. яз.).
5. **Романова Г. Н.** Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (67). С. 101–112.

6. **Силин Е. П.** Кяхта в XVIII веке: из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.
 7. **Сладковский М.И.** История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 439 с.

Информация об авторах

Гирченко Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра югорской археологии и этнографии НОЦ Института гуманитарного образования и спорта СурГУ, г. Сургут; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; научный сотрудник АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

SPIN-код: 3321-4579

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Визгалов Георгий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, ведущий научный сотрудник Центра югорской археологии и этнографии НОЦ Института гуманитарного образования и спорта СурГУ, г. Сургут; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор ООО «НПО «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск.

SPIN-код: 6728-8917

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Girchenko E. A.^{1, 2, 3}, **Vizgalov G. P.**^{1, 2, 4}

¹ *Surgut State University, Surgut, Russia*

² *Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

³ *ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk, Russia*

⁴ *"Scientific Production Association "Northern Archeology-1" LLC, Nefteyugansk, Russia*

FURS AS THE MAIN ITEM OF TRADE IN THE WEST SIBERIAN UEZDS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND QING CHINA IN THE 17TH–18TH CENTURIES

Until the 17th century, China's land trade was insignificant and irregular in comparison to the level of development of maritime trade. Article 5 of the "Treaty of Nerchinsk", concluded between the Russian Tsardom and the Qing Empire in the 28th year of Emperor Kangxi's reign (1689), permitted trade between the two sides and secured freedom of movement for all the people who had relevant travel documents. In 1768–1785, furs exported by Russian merchants through Kyakhta accounted for 85 % of all goods for sale, and in 1792–1800 – 70–75 %. The Kyakhta trade provided the Russian government with significant tax revenues, and duties accounted for 20–38 % of the total customs revenues of the Russian state.

The documents of the Palace Administration of Neiwufu during the Qing dynasty reign accurately recorded all trade operations carried out according to the needs of the court, including the quantity of furs purchased, their prices and origins. During the Qing period, with the exception of three periods when trade was prohibited, the main operations for purchasing fur skins took place through Kyakhta. The most common categories of goods were squirrel, arctic fox, ermine, red and gray fox, and mink skins. The documents mention the places of origin of the most valuable skins in the Western Siberia – Berezov, Surgut, Novaya Mangazeya, etc. Emperor Qianlong sent officials of the Palace Administration to Kyakhta to buy furs at least 11 times. Qianlong attached great importance to the price and expenses for the needs of the court, so he ordered reports on the total quantity purchased, the price per unit, the price of similar goods in Beijing, etc. For imperial clothing, the softest parts of mink and fox skins were purchased, for example, from the armpit area, as well as from the belly or chin of the animal.

The surviving documents of Qing Empire allow us to compare prices for goods with Russian sources, as well as to clarify the volumes of trade in specific categories of goods, the preferences of Beijing residents in different periods, and the volumes of purchases by the imperial court. Through trade with China, the Russian authorities were able to compensate for the decline in demand for fur goods in Europe.

References

Sources

1. E-Zhong liangguo wajiao wenxian huibian [Collection of diplomatic documents of Russia and China]. Beijing: Zhongguo Renmin Daxue, 1982, 560 p. (In Chin.).
2. Zhong-e Qiaketu jieyue [Sino-Russian Treaty of Kyakhta] // Zhong-e bianjie tiaoyue ji [Collection of border treaties between Russia and China]. Beijing: Shangwu Yinshu Guan, 1973, pp. 12–15 (In Chin.).

Literature

3. **Wang Shaoping.** Zhong-e Qiaketu maoyi [Kyakhta trade of China and Russia] // Shehui kexue zhanxian [Advanced social sciences], 1990. No. 3, pp. 182–186 (In Chin.).
4. **Lai Huimin.** Qing Qianlong chao Neiwufu de pihuo maimai yu Jingcheng shishang [Fur Trade and Capital Fashion during the Time of the Qing Dynasty Emperor Qianlong] // Gugong xueshu jikan [Quarterly Scientific Journal of the Imperial Museum], 2003. Vol. 21. No. 1, pp. 101–134 (In Chin.).
5. **Romanova G. N.** Stanovlenie rossijsko-kitajskih torgovyh svyazej (XVII–pervaya tret' XVIII v.) [Formation of Russian-Chinese trade relations (17th – first third of the 18th century)] // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke [Customs policy of Russia in the Far East], 2014. No. 2 (67), pp. 101–112 (In Russ.).
6. **Silin E. P.** Kyahta v XVIII veke: iz istorii russko-kitajskoj torgovli [Kyakhta in the 18th century: from the history of Russian-Chinese trade]. Irkutsk : Irkut. obl. izd-vo, 1947, 204 p. (In Russ.).
7. **Sladkovskij M.I.** Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [History of trade and economic relations of of Russia and China (before 1917)]. Moscow : Nauka, 1974, 439 p. (In Russ.).

Information about the authors

Girchenko Ekaterina A. – candidate of historical sciences, researcher of the Center of Ugra Archaeology and Ethnography, Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; researcher of ANO “Institute of Archeology of the North”, Nefteyugansk.

SPIN-code: 3321-4579

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Vizgalov Georgiy P. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of history of Russia, leading researcher of the Ugra Laboratory of Archeology and Ethnography, the Institute of Humanities and Sport SurSU, Surgut; researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk; director of LLC “SPA “Northern Archaeology – 1”, Nefteyugansk.

SPIN-code: 6728-8917

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Маньчжурскій текстъ Кяхтинскаго договора,
21-го октября 1727 года.

Маньчжурский текст Кяхтинского договора 1727 года, написанный вертикальными столбцами с чтением справа налево. Текст начинается с заголовка на русском языке, под которым находится разделительная линия. Основной текст договора на маньчжурском языке занимает большую часть страницы.

Рис. 1. Первая страница Кяхтинского договора 1727 г. на маньчжурском языке (по: [Чжун-э Цякэту цзюэ, 1973])
Fig. 1. The first page of the Treaty of Kyakhta of 1727 in Manchu language (by: [Zhong-e Qiaketu jieyue, 1973])

Рис. 2. Император Канси (личное имя Айсиньгьоро Сюань), второй император маньчжурской династии Цин. Официальный портрет

Fig. 2. Kangxi Emperor (personal name Aisin-Gioro Xuanye), the second Emperor of Qing Manchu dynasty. Official portrait

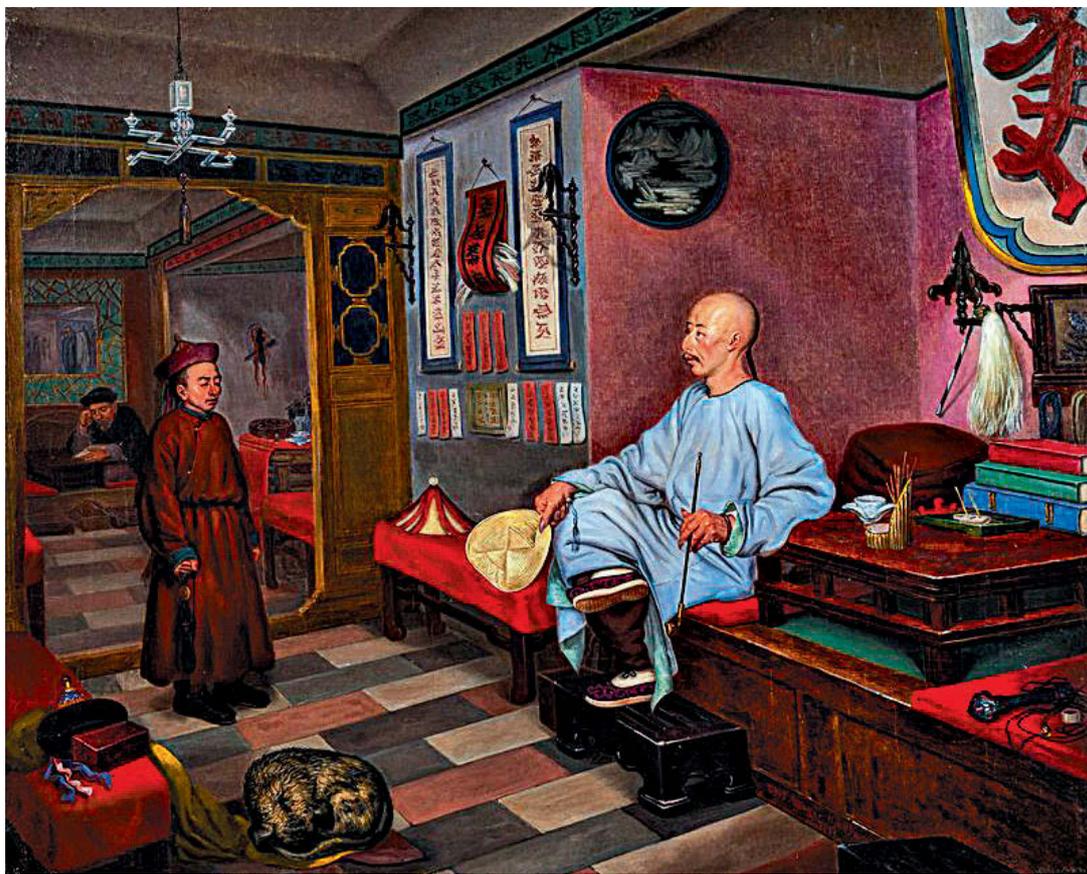

Рис. 3. Карл Петер Мазер. Китайский торговец в Кяхте. 1851 г. Из экспозиции Гётеборгского художественного музея. Гётеборг, Швеция

Fig. 3. Carl Peter Mazer. Chinese Trader in Kyakhta. 1851. From exposition of Gothenburg Museum of Art. Gothenburg, Sweden

Рис. 4. Кяхта. Гравюра. 1783 г.

Fig. 4. Kyakhta. Engraving. 1783

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АНО – Автономное некоммерческое объединение
 АНО ИАС – Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера»
 БУ ВО ХМАО-Югры – Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
 СурГУ – «Сургутский государственный университет»
 ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ГБУТО «ГА в г. Тобольске» – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
 ГБУТО ГАТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
 ИАН – Императорская академия наук
 ИКН – историко-культурное наследие
 ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
 ИЭРиЖ УРО РАН – Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
 МБУ ДО – Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Центр дополнительного образования «Поиск»
 «ЦДО «ПОИСК» – Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей»
 МБУК СКМ – Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей»
 МИА – Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья
 МОИП – Московское общество испытателей природы
 НИИ – научно-исследовательский институт
 НИР – научно-исследовательская работа
 НОЦ ИГОиС – Научно-образовательный центр Института гуманитарного образования и спорта
 НПО – научно-производственное объединение
 НПО «СА-1» – Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
 НПЦ – научно-производственный центр
 ОАО – Открытое акционерное общество
 ОКН – объект культурного наследия
 ООО – Общество с ограниченной ответственностью
 ООО «НАЦ «АВ КОМ – НАСЛЕДИЕ» – Общество с ограниченной ответственностью «Научно-аналитический центр «АВ КОМ – НАСЛЕДИЕ»
 ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований Института археологии Российской академии наук
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук
 ТПП – Территориально-производственное предприятие
 УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
 ФГАОУ ВО ТГУ – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
 ФГБОУ ВО РГПУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена»
 ФГБУ ВО МГУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
 ФГБОУ ВО СПбГУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
 ФГБУ ВО УрГПУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет»
 ФГБУ РАН (АН) – Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская академия наук»
 ФГБУК ГЭ – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж»
 ФГБУН ИАЭТ СО РАН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
 ФГБУН ФИЦ ТюмНЦ – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 ФКУ РГАДА – Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив древних актов»
 ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
 ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
 ГЛОНАСС – Глобальная навигационная спутниковая система
 МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова гора» – Муниципальное автономное учреждение Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»
 ФГБУ ВО УрГУ – Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Уральский государственный университет»
 НГДУ – нефтегазодобывающее управление
 БИИКФ – Библиотечный информационный историко-культурный фонд
 ПГТ – поселок городского типа
 РФНФ – Российский научный фонд
 МК – музейный комплекс
 НКО – некоммерческая организация
 ЦСП «Сибирский легион» – Центр специальной подготовки «Сибирский легион»
 ЦКП СурГУ – Центр коллективного пользования Сургутского государственного университета

ABBREVIATION LIST

- ANO – Autonomous non-commercial organization
 ANO IAS – Autonomous non-commercial organization “Institute of Archeology of the North”
 BU HE KhMAO-Yugra Surgut – Budgetary Institution of Higher Education of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra “Surgut State University”
 State University State University”
 VTsIK – All-Russian Central Executive Committee
 SBITO “GA in Tobolsk” – State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive in Tobolsk”
 SBITO GATO – State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive of the Tyumen Region”
 IAN – Imperial Academy of Sciences
 ICH – Historical and cultural heritage
 IEA RAS – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
 IERIZH UB RAS – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 MAE – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
 MBI SE “CDO “POISK” – Municipal Budgetary Institution for Supplementary Education “Center for additional education “Poisk”
 MBUK SKM – Municipal budgetary institution of culture “Surgut Museum of Local Lore”
 MIA – Materials and research on the archeology of the Urals and Cisurals
 MOIP – Moscow Society of Naturalists
 RI – Research institute
 R & D – Research work
 REC IGOiS – Scientific and Educational Center of the Institute for Humanitarian Education and Sports
 SPA – Scientific and production association
 SPA “SA-1” – Scientific and Production Association “Northern Archeology – 1”
 SPC – Research and production center
 OJSC – Open Joint Stock Company
 CHS – Cultural heritage site
 LLC – Limited Liability Company
 NAC “AV COM – HERITAGE” – Limited Liability Company “Scientific and Analytical Center “AV COM – HERITAGE”
 OPI IA RAS – Field Research Department of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
 PSRL – Full collection of Russian Chronicles
 SB RAS – Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 SPbF ARAN – St. Petersburg branch of the state budgetary institution of science of the Archive of the Russian Academy of Sciences
 TPP – Territorial production enterprise
 UB RAS – Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 FSAEI HE TSU – Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Tomsk State University”
 FSBEI HE RSPU – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen”
 FSBEI HE SPbSU – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint Petersburg State University”
 FSBI HE MSU – Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M. V. Lomonosov Moscow State University
 FSBI HE USPU – Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Ural State Pedagogical University”
 FSBI RAS (AN) – Federal State Budgetary Institution “Russian Academy of Sciences”
 FSBI GE – Federal State Budgetary Institution of Culture “State Hermitage”
 FSBSI IAET SB RAS – Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 FSBSI TyumNC SB RAS – Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Center Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 FKU RGADA – Federal Government Institution “Russian State Archive of Ancient Acts”
 KhMAO – Khanty-Mansi Autonomous Okrug
 YaNAO – Yamalo-Nenets Autonomous Okrug
 GLONASS – Global navigation satellite system
 MAI SD “HCRPC – Municipal Autonomous Institution of the Surgut District “Historical and Cultural Research and “Barsova Gora” Production Center “Barsova Gora”
 FSBI of HE USU – Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Ural State University”
 O GPA – oil and gas production administration
 LIHCF – Library Information Historical and Cultural Foundation
 UTS – Urban-type settlement
 RSF – Russian Science Foundation
 MC – museum complex
 NPO – non-profit organization
 TsSP “Siberian Legion” – Special training center “Siberian legion”
 CCU of SurSU – Center for Collective Use of Surgut State University

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ: АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 3 (11) 2024

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1"

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
SURGUT STATE UNIVERSITY

Приглашаем ученых, молодых исследователей, преподавателей и студентов присоединиться к авторскому коллективу журнала «Северные древности: археология, этнография, история» и подать заявку на публикацию, прислав ее на электронный адрес: archeonord.journal@yandex.ru.
Все подробности на сайте издателя <http://www.nordarcho.ru/>

Издатель

АНО «Институт археологии Севера»
628306 РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Адрес редакции:

628306, РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Формат 60*90/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5.

Тираж 25 экз. Журнал распространяется бесплатно. Заказ № 2440502. Дата выхода в свет 30.09.2024 г.

Отпечатано в типографии ООО «Типография ФортДиалог».
620085, г. Екатеринбург, ул. Монтерская, 3/81А.

ISSN 2949-3609

9 772949 360002 >

NORTHERN ANTIQUITIES:
ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, HISTORY

